

Гордость и предубеждение

Глава I

Все знают, что молодой человек, располагающий средствами, должен подыскивать себе жену.

Как бы мало ни были известны намерения и взгляды такого человека после того, как он поселился на новом месте, эта истина настолько прочно овладевает умами неподалеку живущих семейств, что на него тут же начинают смотреть, как на законную добычу той или другой соседской дочки.

— Дорогой мистер Беннет,^[1] — сказала как-то раз миссис Беннет своему мужу, — слышали вы, что Незерфилд Парк^[2] наконец больше не будет пустовать?^[3]

Мистер Беннет ответил, что он этого не слышал.

— Тем не менее это так, — продолжала она. — Только что заходила миссис Лонг и сообщила мне эту новость!

Мистер Беннет промолчал.

— А хотелось бы вам знать, кто будет нашим новым соседом? — с нетерпением спросила его жена.

— Готов вас выслушать, если вам очень хочется мне об этом сказать.

Большого от него не требовалось.

— Ну так слушайте, мой дорогой, — продолжала миссис Беннет. — Незерфилд, по словам миссис Лонг, снят очень богатым молодым человеком из северной Англии.^[4] В понедельник он приезжал туда в карете, запряженной четверкой лошадей, осмотрел поместье и пришел в такой восторг, что тут же условился обо всем с мистером Моррисом. Он переезжает к Михайлову дню^[5] и уже в конце будущей недели туда приедет кое-кто из его прислуги.

— А как его зовут?

— Бингли.

— Он женат или холост?

— Холост, дорогой, в том-то и дело, что холост! Молодой холостяк с доходом в четыре или пять тысяч в год! Не правда ли, удачный случай для наших девочек?

— Как так? Разве это имеет к ним отношение?

— Дорогой мистер Беннет, — ответила его жена, — сегодня вы просто невыносимы. Разумеется, вы понимаете, что я имею в виду его женитьбу на одной из них.

— Гм, таковы его планы?

— Планы! Боже ты мой, и скажете же вы иной раз! Но ведь может вполне случиться, что он в одну из них влюбится. Поэтому как только он приедет, вам необходимо будет нанести ему визит.

— Я, признаюсь, не вижу к тому достаточных оснований. Поезжайте-ка вы сами с девочками. Или пошлите их одних — это, возможно, будет еще лучше. Не то вдруг он вздумает влюбиться в вас — ведь вы ничуть не менее привлекательны, чем любая из наших дочек.

— Вы мне льстите, дорогой мой. Когда-то я и в самом деле была не лишена привлекательности. Но сейчас, увы, я уже не претендую на то, чтобы слыть красавицей. Женщине, у которой пять взрослых дочерей, не следует много думать о собственной красоте.

— В этих обстоятельствах у женщины не часто остается столько красоты, чтобы думать о ней приходилось особенно много.

— Но, мой друг, вам непременно следует навестить мистера Бингли, как только он появится.

— Едва ли я за это возьмусь.

— Но подумайте о наших девочках. Вы только представьте себе, как хорошо одна из них будет устроена. Вот увидите, как сразу поспешат в Незерфилд сэр Уильям и леди Лукас. А ради чего, как вы думаете? Уж, конечно, ради своей Шарлот — вы же знаете, они не очень-то любят навещать незнакомых людей. Вы непременно должны поехать — ведь мы сами без этого никак не можем у него побывать.

— Вы, безусловно, слишком щепетильны. Полагаю, что мистер Бингли будет рад вас увидеть. Хотите, я дам вам для него записочку с обещанием выдать за него замуж любую из моих дочек, которая ему больше понравится? Пожалуй, надо будет только замолвить словечко в пользу моей крошки Лиззи.

— Надеюсь, что вы этого не сделаете. Лиззи ничуть не лучше других ваших дочерей. Я уверена, что она и вполтину не так красива, как Джейн и гораздо менее добродушна, чем Лидия. Но ей вы почему-то всегда оказываете предпочтение!

— Ни одна из моих дочек ничем особенным не примечательна, — ответил он. — Они столь же глупы и невежественны, как все другие девчонки в этом возрасте. Просто в Лиззи немножко больше толку, чем в ее сестрах.

— Мистер Беннет, как смеете вы так оскорблять ваших собственных детей? Вам доставляет удовольствие меня изводить. Конечно, вам нет никакого дела до моих истерзанных нервов.

— Вы ошибаетесь, моя дорогая. Я давно привык с ними считаться. Ведь они — мои старые друзья. Недаром вы мне толкуете о них уже не меньше двадцати лет.

— Ах, вы даже себе не представляете, как я страдаю.

— Надеюсь, что вы все же доживете до того времени, когда в окрестностях появится множество молодых людей с доходом не менее четырех тысяч в год.

— Даже если их будет двадцать, какой в них прок, коли вы все равно отказываетесь к ним ездить?

— Ну, если их будет двадцать, моя дорогая, то тогда я, конечно, соберусь да сразу и объеду их всех подряд.

В характере мистера Беннета так затейливо сочетались живость ума и склонность к иронии, замкнутость и взбалмошность, что за двадцать три года совместной жизни жена все еще не сумела к нему приноровиться. Разобраться в ее натуре было намного проще. Она была невежественной женщиной с недостаточной сообразительностью и неустойчивым настроением. Когда она была чем-нибудь недовольна, она считала, что у нее не в порядке нервы. Целью ее жизни было выдать дочерей замуж. Единственными ее развлечениями были визиты и новости.

Глава II

Мистер Беннет все же одним из первых навестил мистера Бингли. По правде говоря, он с самого начала имел в виду нанести ему визит, хотя все время уверял свою жену, что ни за что к нему не поедет. И она оставалась в полном неведении относительно его намерений до конца того дня, когда визит состоялся. Истинное положение вещей раскрылось следующим образом. Наблюдая за тем, как его вторая дочь украшает лентами шляпку, мистер Беннет неожиданно заметил:

— Надеюсь, Лиззи, мистеру Бингли это понравится.

— Мы никогда не узнаем, что нравится и что не нравится мистеру Бингли, — с раздражением проговорила ее мать, — раз нам не придется бывать в Незерфилде.

— Но вы забываете, мама, — сказала Элизабет, — что мы встретим его на балу, и миссис Лонг обещала нас познакомить.

— О нет, миссис Лонг ни за что этого не сделает. У нее у самой две племянницы. Терпеть не могу эту ханжу и эгоистку!

— И я тоже, — сказал мистер Беннет. — Как приятно, что в этом важном деле вы от нее не зависите.

Миссис Беннет не снизошла до ответа; но, не будучи в силах сдержать свое раздражение, она напустилась на одну из дочерей.

— Ради бога, Китти, перестань так кашлять! Хотя чуточку бы считалась с моими нервами. Они этого не выдержат.

— Китти у нас ни с чем не считается, — сказал отец. — Вечно она кашляет невпопад.

— Я кашляла не для удовольствия, — обиделась Китти.

— Когда у вас следующий бал, Лиззи?^[6]

— Через две недели.

— Ах, вот как, — воскликнула мать. — Значит миссис Лонг вернется только накануне бала! Как же это она нам его представит, если даже не успеет с ним до этого встретиться?

— Тогда, дорогая моя, вы сможете оказаться полезной вашей приятельнице, представив ей мистера Бингли.

— Невозможно, мистер Беннет, невозможно, раз я сама не буду с ним знакома. Вы просто надо мной издеваетесь!

— Ваша осторожность делает вам честь. Конечно, такое короткое знакомство почти ничего не значит. Какое же суждение можно составить о человеке в течение двух недель? Однако, если ее не познакомим с мистером Бингли мы, то это сделает кто-нибудь другой. По мне — пускай миссис Лонг и ее племянницы тоже попытают счастья. Я даже готов взять это доброе дело на себя, если оно вам очень не по душе.

Девушки уставились на отца. Миссис Беннет пробормотала:

— Какой вздор!

— Что означает ваше выразительное замечание, сударыня? — спросил он с удивлением. — Считаете ли вы вздорным обычай, согласно которому, прежде чем иметь дело с незнакомым человеком, он должен быть вам представлен? Или вам не нравится существующий порядок такого представления? Боюсь, что наши взгляды в этом отношении слегка расходятся. А ты, Мэри, что

думаешь по этому поводу? Ведь ты у нас такая рассудительная девица, читаешь ученые книги и даже делаешь из них выписки.

Мэри хотелось сказать что-нибудь очень глубокомысленное, но она ничего не смогла придумать.

— Пока Мэри собирается с мыслями, — продолжал он, — вернемся к мистеру Бингли.

— Я больше не могу слышать о мистере Бингли, — заявила жена.

— Жаль, что вы об этом не сказали мне раньше. Знай я это сегодня утром, я бы ни в коем случае к нему не поехал. Экая досада; но раз уж я у него побывал, боюсь, что избежать с ним знакомства будет теперь не так-то легко.

Мистер Беннет добился, чего хотел — дамы пришли в крайнее изумление. Особенно сильно была поражена миссис Беннет. Однако, когда первый порыв радости миновал, она принялась уверять, что именно этого она от него и ожидала.

— Вы поступили просто великодушно, мой дорогой мистер Беннет! Хотя, признаюсь, я не сомневалась, что в конце концов добьюсь от вас этого. Я знала, вы настолько любите наших девочек, что не способны пренебречь подобным знакомством. Ах, как я счастлива! И как мило вы подшутили над нами. — Подумать только, вы еще утром побывали в Незерфилде и до сих пор даже словом об этом не обмолвились!

— Теперь, Китти, можешь кашлять сколько угодно, — сказал мистер Беннет, выходя из комнаты, чтобы не слышать чрезмерно восторженных излияний своей жены.

— Девочки, какой у вас прекрасный отец! — воскликнула она, когда дверь закрылась. — Не знаю, право, чем вы отблагодарите его за такую доброту. Да и меня тоже. Поверьте, в наши годы не так-то приятно каждый день заводить новые знакомства. Но ради своих детей мы ведь готовы на все. Лидия, милочка моя, хоть ты и моложе всех, но, сдается мне, что танцевать на балу мистер Бингли будет именно с тобой.

— Вот уж ничуть этого не испугаюсь! — храбро заявила Лидия. — Хоть я и моложе всех, по зато я — самая высокая.

Остаток вечера прошел в рассуждениях о том, через сколько дней следует ожидать ответного визита мистера Бингли и когда после этого его можно будет пригласить на обед.

Глава III

Как ни старались миссис Беннет и ее пять дочерей, им все же не удалось добиться от главы семьи такого описания мистера Бингли, которое могло бы удовлетворить их любопытство. Они атаковали мистера Беннета самыми различными способами: вопросами напрямик, хитроумными догадками, отдаленными намеками. Но он не поддавался ни на какие уловки. И в конце концов им пришлось удовольствоваться сведениями из вторых рук, полученными от их соседки, леди Лукас. Сообщения последней были весьма многообещающими. Сэр Уильям был в восторге от мистера Бингли. Он еще очень молод, необыкновенно хорош собой, чрезвычайно любезен и, в довершение всего, выражает намерение непременно присутствовать на ближайшем местном балу, куда собирается прибыть с целой компанией своих друзей.

Ничего лучшего нельзя было и желать. Кто интересуется танцами, тому ничего не стоит влюбиться. Все питали самые радужные надежды на скорейшее завоевание сердца мистера Бингли.

— Ах, если бы мне только довелось увидеть одну из моих дочерей счастливой хозяйкой Незерфилда, — сказала своему мужу миссис Беннет, — и столь же удачно выдать замуж всех остальных — мне бы тогда больше нечего было желать.

Через несколько дней мистер Бингли отдал визит мистеру Беннету и просидел десять минут в его библиотеке. Мистер Бингли надеялся взглянуть на молодых леди, о красоте которых он уже много слышал, но ему удалось повидать только их отца. Дамы были несколько удачливее его: им посчастливилось увидеть из верхнего окна,^[7] что на нем был синий сюртук и что приехал он на вороной лошади.

Вскоре после этого было послано приглашение на обед. Миссис Беннет составила уже меню, делавшее честь ее хозяйственным способностям, как вдруг из Незерфилда был получен ответ, расстроивший все планы. Мистер Бингли вынужден на следующий день уехать в Лондон, что, к величайшему сожалению, лишало его возможности воспользоваться оказанным ему вниманием и т. д. и т. п. Миссис Беннет была крайне разочарована. Она никак не могла себе представить, что за дела возникли у него в городе так скоро после переезда в Хартфордшир^[8] и начала опасаться, что он вечно будет порхать с места на место и что Незерфилд никогда не станет его постоянным пристанищем. Ее тревога была до некоторой степени рассеяна предположением леди Лукас о том, что он мог поехать в Лондон за своими друзьями, с которыми собирался появиться на балу. Вскоре стали поговаривать о том, что на бал вместе с Бингли придут двенадцать дам и семь джентльменов. Барышень опечалило число дам, но они несколько ободрились, услышав, что вместо двенадцати спутниц с ним приехали из Лондона только шесть: пять его сестер и одна кузина. Когда незерфилдская компания вступила в бальный зал, обнаружилось, что она состоит всего из пяти человек: мистера Бингли, двух его сестер, мужа старшей сестры и еще одного молодого джентльмена.

Мистер Бингли оказался молодым человеком с благородной и приятной наружностью и непринужденными манерами. Обе сестры его — особами изящными и весьма светскими. Его зять, мистер Хёрст, с трудом мог сойти за дворянина. Зато друг мистера Бингли, мистер Дарси, тотчас же привлек к себе внимание всего зала своей высокой статной фигурой, правильными чертами лица и аристократической внешностью. Через пять минут после их прихода всем стало известно, что он — владелец имения, приносящего десять тысяч фунтов годового дохода. Джентльмены нашли его достойным представителем мужского пола, дамы объявили, что он гораздо привлекательнее мистера Бингли, и в течение первой половины вечера он вызывал всеобщее восхищение. Однако позднее, из-за его поведения, популярность мистера Дарси быстро пошла на убыль. Стали поговаривать о том, что он слишком горд, что он задирает перед всеми нос и что ему трудно угодить. И уже все его огромное поместье в Дербишире^[9] не могло искупить его неприятных и даже отталкивающих манер. Разумеется, он не заслуживал даже сравнения со своим другом.

Мистер Бингли вскоре перезнакомился почти со всеми присутствовавшими. Он был оживлен и любезен, участвовал в каждом танце, жалел о слишком раннем окончании бала и даже вскользь упомянул о том, что не мешало бы устроить еще один бал в Незерфилде. Столь приятные качества говорили сами за себя. Как разительно отличался он от своего друга! Мистер Дарси танцевал только один раз с миссис Хёрст и один раз с мисс Бингли, не пожелал быть представленным другим дамам и провел весь остальной вечер, прохаживаясь по залу и изредка перебрасываясь словами с кем-нибудь из своих спутников. Характер его осудили все. Дарси был признан одним из самых заносчивых и неприятных людей на свете, и все хором выражали надежду на то, что он больше никогда не появится в местном обществе. Среди злейших его противников оказалась миссис Беннет. Разделяемое этой дамой общее неудовольствие поведением мистера Дарси превратилось в личную неприязнь после того, как он отнесся пренебрежительно к одной из ее дочерей.

Из-за недостатка кавалеров Элизабет Беннет была вынуждена в течение двух танцев просидеть у стены. При этом ей невольно пришлось подслушать разговор между мистером Дарси, который стоял неподалеку, и мистером Бингли, на минуту покинувшим танцующих для того, чтобы уговорить своего друга последовать их примеру.

— Пойдемте, Дарси. Я должен заставить вас танцевать, — сказал он, подходя к своему другу. — Не могу смотреть на то, как вы целый вечер глупейшим образом простаиваете в одиночестве. Право же, пригласите кого-нибудь.

— Ни в коем случае! Вы знаете, что танцы не доставляют мне удовольствия, если я не знаком со своей дамой. А в здешнем обществе — это было бы для меня просто невыносимо. Ваши сестры уже приглашены, а кроме них в зале нет ни одной женщины, танцевать с которой для меня не было бы сущим наказанием.

— Я не так привередлив, как вы! — воскликнул Бингли. — Клянусь честью, я еще ни разу не встретил за один вечер так много хорошеньких женщин; среди них есть просто красавицы!

— Вы танцуете с единственной хорошенькой девицей в этом зале, — сказал мистер Дарси, посмотрев на старшую мисс Беннет.

— О, это самое очаровательное создание, какое мне когда-либо приходилось встречать! Но вон там, за вашей спиной сидит одна из ее сестер. По-моему, она тоже очень недурна. Хотите, я попрошу мою даму вас познакомить?

— Это вы про которую? — Обернувшись, Дарси взглянул на Элизабет, но заметив, что она на него смотрит, отвел глаза и холодно сказал: — Что ж, она как будто мила. И все же не настолько хороша, чтобы нарушить мой душевный покой. А у меня что-то сейчас нет охоты утешать молодых леди, которыми пренебрегли другие кавалеры. Возвращайтесь лучше к своей даме. Уверю вас, вы напрасно теряете со мной время, которое могли бы провести, наслаждаясь ее улыбками.

Бингли последовал этому совету, его приятель отошел в другой конец комнаты, а Элизабет осталась на месте, полная не слишком добрых чувств по отношению к Дарси. Впрочем, она с удовольствием рассказала об этом эпизоде в кругу своих друзей, так как была наделена живым и веселым нравом и всегда была не прочь посмеяться.

Вся семья, однако, провела вечер очень приятно. Миссис Беннет была в восторге от большого внимания, которое было оказано незерфилдцами ее старшей дочери. Мистер Бингли танцевал с ней дважды, и она была любезно принята его сестрами. Джейн радовалась этому не меньше матери, хотя и не выражала столь явно своего восторга. Элизабет радовалась за Джейн, — Мэри слышала, как кто-то в разговоре с мисс Бингли назвал ее самой образованной барышней в округе; Кэтрин и Лидии посчастливилось ни разу не оставаться в танцах без кавалеров — большего от бала они пока не научились желать. Таким образом, все вернулись в Лонгборн^[10] — селение, в котором они жили и где семейство Беннет занимало самое видное положение, — в превосходнейшем расположении духа. Когда они приехали, мистер Беннет еще не спал. За книгой он обычно не замечал времени; на этот же раз ему было весьма любопытно узнать, как прошел вечер, от которого столь много ожидали члены его семейства. Он был почти уверен, что замыслы его жены в отношении их нового знакомого не увенчаются успехом. Однако вскоре он обнаружил, что ему предстоит выслушать рассказ совсем в другом роде.

— О, дорогой мистер Беннет, — входя в комнату, воскликнула его жена, — какой вечер мы провели! Бал был великолепен! Хотелось бы, чтобы вы были с нами. Джейн пользовалась необыкновенным успехом. Все только и говорили о том, какая она красавица. Мистер Бингли сказал, что она очаровательна и танцевал с ней два раза. Вы только подумайте об этом, мой друг, — целых два раза! И она была единственной, кого он пригласил на второй танец. Сначала он пригласил мисс Лукас.

Меня всю покорило, когда я увидела его с ней в паре. Но она ему ничуть не понравилась. Да и кому она может понравиться, вы сами знаете! Зато когда стала танцевать Джейн, он как будто весь загорелся. Разузнал, кто она такая, попросил, чтобы его ей представили и тут же пригласил ее на второй танец. В третьем танце его парой была мисс Кинг, в четвертом — Мераяя Лукас, в пятом еще раз Джейн, в шестом — Лиззи; буланже он танцевал...^{11}

— Будь у него ко мне хоть капля жалости, — нетерпеливо перебил ее муж, — он бы танцевал вдвое меньше. Ради бога, не перечисляйте больше его дам. Что стоило ему подвернуть себе ногу во время первого танца!

— Ах, дорогой мой, я от него в совершенном восторге! — продолжала миссис Беннет. — Он так необыкновенно хорош собой! А его сестры — просто очаровательны! Я в жизни никогда не видывала более элегантных нарядов! Думаю, что кружево на платье миссис Хёрст...

Здесь ее речь была снова прервана, так как мистер Беннет не пожелал выслушать описания туалетов. Поэтому ей пришлось переменить тему и она с негодованием рассказала в преувеличенном виде про неслыханную дерзость мистера Дарси.

— Могу вас все же заверить, — заключила она, — Лиззи немного потеряла от того, что пришлось ему не по вкусу! Этому неприятному и противному человеку и нравиться даже не стоит. Такой важный и надутый, недаром его там все не взлюбили. Разгуливает туда, разгуливает сюда, воображая о себе бог весть что! Недостаточно хороша, чтобы с ним танцевать!.. Хотела бы я, чтобы вы были там и осадили его как следует. Прямо терпеть не могу этого человека!..

Глава IV

Когда Джейн и Элизабет остались одни, Джейн, которая до того отзывалась о мистере Бингли весьма сдержанно, призналась сестре, насколько он ей понравился.

— Он именно такой, каким должен быть молодой человек, — сказала она, — разумный, добродушный, веселый. И я никогда еще не видела подобных прекрасных манер — столько свободы и вместе с тем так чувствуется хорошее воспитание!

— А кроме того, он недурен собой, — добавила Элизабет, — что также требуется от молодого человека, если только это возможно. Благодаря этому облик его можно считать вполне совершенным.

— Я была так польщена, когда он пригласил меня танцевать во второй раз. Признаюсь, я этого совершенно не ожидала.

— Не ожидала? А я зато ожидала этого вместо тебя. Знаки внимания каждый раз застигают тебя врасплох, а меня — никогда. В этом — одно из важных различий между нами. Ну что могло быть естественнее того, что он во второй раз пригласил тебя танцевать? Разве он не видел, что ты — самая красивая девушка в зале? Что ж тут говорить о его галантности? Впрочем, он в самом деле славный молодой человек и пусть уж он тебе нравится. Тебе не раз нравился кое-кто и похуже.

— Лиззи, дорогая!

— Ты сама знаешь, что слишком склонна расхваливать кого угодно, не замечая ни в ком ни малейшего изъяна. Все тебе кажутся милыми и прекрасными. Ну разве хоть раз в жизни ты отозвалась о ком-нибудь неодобительно?

— Я никого не хотела бы поспешно осудить. Но ведь я говорю всегда то, что думаю.

— Мне это известно. И именно этому я больше всего и удивляюсь. Как ты, с твоим здравым смыслом, способна совсем не замечать слабостей и глупости окружающих? Наигранное прекраснодушие встречается достаточно часто, чуть ли не на каждом шагу. Но искренно, без всякой аффектации и притворства видеть в каждом человеке лишь хорошие качества, к тому же их преувеличивая, и не замечать ничего плохого — на это способна ты одна. Значит, тебе так же понравились и его сестры? А ведь своими манерами они сильно отличаются от мистера Бингли.

— Разумеется, если судить по первому впечатлению. Но достаточно с ними немного поговорить, чтобы почувствовать, какие это приятные женщины. Мисс Бингли собирается жить со своим братом и вести его хозяйство. Мне кажется, я не ошибусь, предсказывая, что мы найдем в ней необыкновенно милую соседку.

Элизабет выслушала ее молча, но в душе с ней не согласилась. Поведение сестер мистера Бингли на балу отнюдь не было рассчитано на всеобщее одобрение. Обладая большей, чем Джейн, наблюдательностью и меньшим мягкосердечием и не связанная собственным чувством, Элизабет не могла ими восторгаться. Мисс Бингли и ее сестра, миссис Хёрст, были в самом деле дамами весьма изысканными. Они не были лишены остроумия, когда находились в хорошем расположении духа, умели поправиться, когда это входило в их намерения, однако в то же время были горды и высокомерны. Обе они были довольно красивы, получили образование в одном из лучших лондонских частных пансионов, владели двадцатью тысячами фунтов и тратили денег больше, чем имели в своем распоряжении, привыкли вращаться в светском обществе и потому считали себя вправе придерживаться весьма высокого мнения о собственных персонах и довольно низкого — о людях, их окружающих. Родились они в почтенной семье, происходившей из северной Англии, — обстоятельство, запечатлевшееся в их памяти более глубоко, чем то, что своим богатством они были обязаны торговле.

Отец мистера Бингли оставил сыну около ста тысяч фунтов. При жизни он собирался приобрести имение, но так и не осуществил своей мечты. Сам мистер Бингли тоже питал в душе такое намерение и даже как-то ездил с этой целью в родное графство. Но после того, как он обзавелся хорошим домом с принадлежавшими ему охотничьими угодьями,^[12] для многих, знавших его беспечный характер, казалось вполне вероятным, что он проведет всю свою жизнь в Незерфилде, отложив основание родового поместья Бингли до следующего поколения.

Его сестрам очень хотелось, чтобы он стал землевладельцем. Но хотя пока что он оставался арендатором, мисс Бингли ни в коей мере не отказывалась играть роль хозяйки за его столом. Миссис Хёрст, которая вышла замуж за человека более родовитого, чем богатого, тоже ничего не имела против того, чтобы считать его дом своим, когда ей это представлялось удобным. Про Незерфилд Парк Бингли узнал благодаря случайной рекомендации через два года после своего совершеннолетия. Он обошел дом за полчаса, остался доволен его местоположением и внутренним устройством, а также изложенными хозяином преимуществами имения и тут же его арендовал.

Несмотря на противоположность характеров, он был связан с Дарси теснейшей дружбой. Дарси ценил Бингли за его легкую, открытую и податливую натуру, хотя эти качества резко противоречили его собственному нраву, которым сам он отнюдь не был доволен. Бингли вполне полагался на дружбу Дарси, весьма доверяя его суждениям. Сообразительностью Дарси превосходил его. Хотя Бингли вовсе не был недалеким человеком, но Дарси был по-настоящему умен. В то же время Дарси был горд, замкнут и ему было трудно угодить. Его манеры, хотя и свидетельствовали о хорошем воспитании, не слишком располагали к себе окружающих. В этом отношении его друг имел перед ним значительное преимущество. Где бы ни появлялся Бингли, он всюду вызывал к себе дружеские чувства. Дарси же постоянно всех задевал.

Отношение каждого к меритонскому балу было достаточно характерным. Бингли в жизни своей еще не встречал столь милого общества и таких очаровательных женщин; все были к нему добры и

внимательны, он не ощущал никакой натянутости и вскоре близко сошелся со всеми, кто находился в зале. Что же касается мисс Беннет, он не мог себе представить более прелестного ангела. Дарси, напротив, видел вокруг себя толпу людей довольно безобразных и совершенно безвкусных, к которым он не испытывал ни малейшего интереса и со стороны которых не замечал ни внимания, ни расположения. Он признавал, что мисс Беннет недурна собой, но находил, что она чересчур много улыбается.

Миссис Хёрст и ее сестра готовы были согласиться с такой характеристикой мисс Беннет, но все же Джейн им понравилась и они объявили, что она миленькая девочка и что они ничего не имеют против того, чтобы поддерживать с ней знакомство. Мисс Беннет так и осталась миленькой девочкой и в соответствии с этим мистеру Бингли было дозволено относиться к ней так, как ему заблагорассудится.

Глава V

Неподалеку от Лонгборна жила семья, с которой Беннеты поддерживали особенно близкие отношения. Сэр Уильям Лукас ранее занимался торговлей в Меритоне,^[13] где приобрел некоторое состояние, а также титул баронета,^[14] пожалованный ему в бытность его мэром, благодаря специальному обращению к королю. Последнее отличие подействовало на него, пожалуй, слишком сильно. Оно породило в нем неприязнь к прежнему образу жизни и занятиям в небольшом торговом городке. Расставшись с тем и другим, он перебрался со своей семьей в дом, расположенный в одной миле от Меритона, который с той поры стал именоваться «Лукас Лодж».^[15] Здесь сэр Уильям, не будучи обременен никакими делами, мог с удовольствием предаваться размышлениям о собственной значительности и проявлять предупредительность по отношению ко всему свету. В самом деле, хотя полученное звание и возвеличило его в собственном мнении, оно все же не сделало его высокомерным. Напротив, сэр Уильям был воплощением любезности и внимательности к каждому встречному, так как представление ко двору в Сент-Джеймсе^[16] сделало этого, по природе безобидного и дружелюбного человека, еще и обходительным.

Леди Лукас была добродушной женщиной, в меру недалекой, чтобы стать подходящей соседкой для миссис Беннет. У нее было несколько детей. Старшая дочь, смышленная и начитанная девушка лет двадцати семи, была близкой подругой Элизабет.

Барышни Лукас и барышни Беннет неизбежно должны были встретиться, чтобы поговорить о бале. И на следующее утро первые оказались в Лонгборне, готовые слушать и рассказывать.

— Для вас, Шарлот, вечер начался неплохо, — обратилась миссис Беннет к мисс Лукас. — Ведь первый танец мистер Бингли танцевал с вами.

— Да, но он был больше доволен своей дамой во втором танце.

— Ах, вы это говорите, потому что он пригласил Джейн еще раз? Что ж, он и впрямь вел себя так, как будто очень ею увлекся, я в этом уверена. Я даже кое-что слышала по этому поводу — не помню только подробностей — что-то в связи с мистером Робинсоном.

— Быть может, вы имеете в виду его разговор с мистером Робинсоном, который я случайно подслушала? Разве я вам его не передала? Когда мистер Робинсон расспрашивал его — нравится ли ему наше общество, не находит ли он, что в зале много хорошеньких женщин, и которая из них кажется ему самой красивой, он сразу ответил на последний вопрос: — «О, разумеется, старшая мисс Беннет! Тут даже не может быть двух мнений!»

— Честное слово, это сказано довольно решительно. Можно подумать, что... Но вы знаете — ведь все может кончиться ничем.

— Не правда ли, я была более удачливой шпионкой, чем ты, Элайза? — сказала Шарлот. — Мистер Дарси, кажется, говорит менее приятные вещи, чем его друг? Бедная Элайза! Ты, оказывается, всего-навсего «как будто мила»!

— Надеюсь, вы не станете вбивать Лиззи в голову, что она должна быть огорчена его словами. Это такой несносный человек, что понравиться ему было бы просто несчастьем. Миссис Лонг сказала мне вчера, что он просидел с ней полчаса кряду и за все время ни разу не раскрыл рта.

— Уверены ли вы в этом, сударыня? — спросила Джейн. — Нет ли тут какого-то недоразумения? Я ведь хорошо видела, как мистер Дарси с ней разговаривал.

— Какие пустяки! Она его спросила в конце концов — понравился ли ему Незерфилд. Вот ему и пришлось что-то ответить. Но, по ее словам, Дарси за этот вопрос очень на нее рассердился.

— Мне рассказала мисс Бингли, — заметила Джейн, — что он терпеть не может подолгу разговаривать с посторонними. Зато с близкими друзьями он держится необыкновенно приветливо.

— Вот уж не поверю ни единому слову, дорогая. Если бы он умел быть приветливым, он разговаривал бы с миссис Лонг. Мне-то вполне ясно, в чем тут дело: все говорят, что он прямо лопается от гордости, а тут он каким-то образом узнал, что у миссис Лонг нет своего экипажа и что на бал она прикатила в наемной карете.

— Меня не так огорчает, что Дарси не беседовал с миссис Лонг, — сказала Шарлот. — Мне только жаль, что он отказался танцевать с Элайзой.

— На твоём месте, Лиззи, — сказала мать, — в следующий раз я бы сама отказалась принять его приглашение.

— Думаю, сударыня, что я могу спокойно обещать вам никогда с ним не танцевать.

— Признаюсь, — сказала мисс Лукас, — гордость мистера Дарси задевает меня не так сильно, как чья-либо другая. У него для гордости достаточные основания. Приходится ли удивляться тому, что столь прекрасный молодой человек, знатный и богатый, придерживается такого высокого мнения о своей особе? Если можно так выразиться, он имеет право быть гордым.

— Все это верно, — ответила Элизабет. — И я бы охотно простила ему его гордость, если бы он не задел мою собственную.

— Гордость, — вмешалась Мэри, всегда стремившаяся к основательности суждений, — представляется мне весьма распространенным недостатком. Из прочитанного мною следует в самом деле, что человеческая природа ей очень подвержена. Среди нас весьма немногие не лелеют в своей душе чувства самодовольства, связанного с той или иной, действительной или мнимой, чертой характера, которая выделяла бы их среди окружающих. Гордость и тщеславие — разные вещи, хотя этими словами часто пользуются как синонимами. Человек может быть гордым, не будучи тщеславным. Гордость скорее связана с нашим собственным о себе мнением, тщеславие же — с мнением других людей, которое нам бы хотелось, чтобы они составили о нас.

— Если бы я был так же богат, как мистер Дарси, — воскликнул юный Лукас, который приехал в Лонгборн вместе с сестрами, — я бы не стал особенно важничать, а завел бы себе свору борзых да откупоривал бы каждый день по бутылочке винца!

— Ты бы при этом выпивал гораздо больше вина, чем следует, — возразила миссис Беннет. — И если бы ты попробовал это сделать при мне, я отобрала бы у тебя бутылку.

Мальчик стал с ней спорить, утверждая, что она не осмелилась бы этого сделать, но она продолжала настаивать на своем и спор прекратился только с отъездом гостей.

Глава VI

Лонгборнские леди вскоре навестили незерфилдских дам. Визит был должным образом возвращен. Приятные манеры старшей мисс Беннет расположили в ее пользу миссис Хёрст и мисс Бингли. И хотя мамаша была признана невыносимой, а о младших дочках не стоило и говорить, двум старшим было дано понять, что с ними желали бы поддерживать более близкое знакомство. Такое внимание очень обрадовало Джейн. Но Элизабет, все еще чувствовавшая их высокомерное отношение ко всему местному обществу, в том числе, пожалуй, даже к ее сестре, приняла его довольно холодно, считая, что некоторая доброжелательность миссис Хёрст и мисс Бингли к Джейн, по всей вероятности, проистекает из склонности к ней мистера Бингли. В самом деле, эта склонность бросалась в глаза всякому, кто видел их вместе. Для Элизабет было также очевидно, что увлечение Джейн мистером Бингли, возникшее с самого начала их знакомства, становится все более сильным и что в скором времени она будет по уши в него влюблена. Элизабет, однако, с удовлетворением замечала, что эта влюбленность станет известна посторонним не скоро, так как большую силу чувства Джейн сочетала с таким самообладанием и приветливостью, которые должны были защитить ее от подозрений слишком любопытных знакомых. Она рассказала об этих наблюдениях своей подруге мисс Лукас.

— Быть может это неплохо, — сказала Шарлот, — настолько владеть собой, чтобы не выдавать в подобных случаях своих чувств. Однако в этой способности может таиться и некоторая опасность. Если женщина скрывает увлечение и от своего избранника, она рискует лишиться возможности удержать его за собой. И тогда слабым утешением будет для нее сознание, что мир остался в таком же неведении. Почти всякая привязанность в такой степени держится на благодарности или тщеславии, что пренебрегать ими вовсе небезопасно. Слегка увлечясь все мы готовы совершенно бескорыстно — небольшая склонность вполне естественна. Но мало найдется людей столь великодушных, которые будут любить вас без всякого поощрения. В девяти случаях из десяти женщине лучше казаться влюбленной сильнее, чем это есть на самом деле. Бингли несомненно нравится твоя сестра. И тем не менее на этом все может остановиться, если она не поможет ему двинуться дальше.

— Но она помогает ему настолько, насколько допускает ее характер. Неужели он так недалек, чтобы не заметить склонности, которая даже мне кажется очевидной.

— Не забывай, Элайза, что характер Джейн известен ему не так хорошо, как тебе.

— Но если женщина равнодушна к мужчине и не пытается подавить в себе это чувство, должен он это заметить?

— Возможно, — если только он проводит с ней достаточно много времени. Но хотя Бингли и Джейн видятся довольно часто, они никогда не остаются наедине подолгу. А встречаясь в обществе, они, конечно, не могут все время разговаривать только друг с другом. Поэтому Джейн должна была бы использовать как можно лучше каждый час, в течение которого она располагает его вниманием. Когда сердце его будет завоевано, у нее останется сколько угодно времени для того, чтобы влюбиться в него самой.

— Неплохой план, — ответила Элизабет, — для тех, кто ищет, как бы только получше выйти замуж. И если бы я задумала заполучить богатого мужа или мужа вообще, я бы наверно им воспользовалась. Но чувства Джейн — совершенно иного рода. У нее нет никаких планов. До сих пор она еще даже не уверена ни в силе собственного чувства, ни в том, насколько оно разумно. С тех пор, как они познакомились, прошло всего две недели. Она протанцевала с ним два танца в Меритоне, затем видела его в течение одного утра в Незерфилде. После этого они еще четыре раза обедали вместе в большой компании. Этого еще недостаточно, чтобы она могла изучить его характер.

— Конечно, нет, если смотреть на все так, как ты смотришь. Если бы она только обедала с ним, она могла бы лишь узнать его любимые блюда. Но ты забываешь, что они провели при этом вместе четыре вечера. А четыре вечера могут значить очень многое.

— Да, эти четыре вечера позволили им установить, что оба они игру в «Двадцать одно» предпочитают игре в покер. Боюсь, однако, что другие не менее важные черты характера успели им раскрыться гораздо меньше.

— Что ж, — сказала Шарлот, — желаю Джейн успеха от всего сердца. И будь они обвенчаны завтра, я бы считала, что она может так же рассчитывать на счастливую жизнь, как если бы она изучала характер своего будущего мужа хоть целый год. Удача в браке полностью зависит от игры случая. Как бы хорошо ни были известны сторонам обоюдные склонности и как бы хорошо они, на первый взгляд, между собой ни сочетались, — все это никак не скажется на будущем счастье супругов. Со временем между ними возникнет неминуемый разлад, и им выпадут все полагающиеся на их долю огорчения. И не лучше ли в таком случае как можно меньше знать недостатки человека, с которым придется провести жизнь?

— Тебе хочется меня позабавить, Шарлот. Но все эти рассуждения — чистейший вздор. Ты понимаешь это сама. И ты ни за что не руководствовалась бы ими в собственной жизни.

Приглядываясь к отношениям между мистером Бингли и Джейн, Элизабет была далека от мысли о том, что с некоторых пор она сама стала предметом пристального наблюдения со стороны его приятеля. Мистер Дарси вначале едва допускал, что она недурна собой. Он совершенно равнодушно смотрел на нее на балу. И когда они встретились в следующий раз, он видел в ней одни недостатки. Но лишь только он вполне доказал себе и своим друзьям, что в ее лице нет ни одной правильной черты, как вдруг стал замечать, что оно кажется необыкновенно одухотворенным благодаря прекрасному выражению темных глаз. За этим открытием последовали и другие, не менее рискованные. Несмотря на то, что своим придирчивым оком он обнаружил не одно отклонение от идеала в ее наружности, он все же был вынужден признать ее необыкновенно привлекательной. И хотя он утверждал, что поведение Элизабет отличается от принятого в светском обществе, оно подкупало его своей живой непосредственностью. Элизабет ничего об этом не знала. Для нее мистер Дарси по-прежнему был только человеком, который всем был не по душе и который считал ее не настолько красивой, чтобы он мог с ней танцевать.

У Дарси появилось желание познакомиться с ней поближе, и для того, чтобы найти повод для разговора с Элизабет, он стал прислушиваться к ее разговорам с другими людьми. Эти маневры обратили на себя ее внимание. Произошло это в гостях у сэра Уильяма Лукаса, у которого собралось в этот день большое общество.

— Зачем мистеру Дарси понадобилось подслушивать мой разговор с полковником Форстером? — спросила она у Шарлот.

— На этот вопрос может ответить только сам мистер Дарси.

— Если он позволит себе это еще раз, я непременно дам ему понять, что замечаю его уловки. У него очень насмешливые глаза, и если я сама не буду с ним достаточно дерзкой, скоро я стану его побаиваться.

Как раз в этот момент мистер Дарси приблизился к ним, не обнаруживая, впрочем, желания вступить в разговор, и мисс Лукас стала подзадоривать подругу, чтобы она намекнула ему о своем намерении. Вызов подействовал, и Элизабет, мгновенно к нему обернувшись, сказала:

— Не показалось ли вам, мистер Дарси, что, уговаривая полковника Форстера дать бал в Меритоне, я сейчас говорила достаточно убедительно?

— Вы говорили с большим жаром. Впрочем, какая леди не воспламенится от подобной темы!

— О, вы к нам слишком суровы.

— Ну, а теперь пришло время уговорить и тебя, — сказала мисс Лукас. — Я открываю инструмент, Элайза, и ты знаешь, что за этим должно последовать.

— Какая-то странная ты подруга, Шарлот, вечно стараешься заставить меня играть и петь перед кем угодно. Если бы мне вздумалось прослыть выдающейся музыкантшей, ты была бы просто незаменима. Но так как к этому я не стремлюсь, право же, я поступлю лучше, если не стану утруждать слух тех, кто привык слушать в самом деле хороших исполнителей.

Однако когда мисс Лукас стала настаивать, она сказала:

— Ну что ж, чему быть — того не миновать! — И, хмуро глядя на мистера Дарси, добавила: — В наших краях помнят еще старую поговорку: «Умей вовремя сказать, вовремя смолчать». Видно уж лучше мне смириться, да тем и закончить дело.

Пела она приятно, хоть и не особенно мастерски. После одной или двух песенок, еще до того, как она смогла что-то ответить слушателям, просившим о повторении, ее оттеснила от фортепиано сестра Мэри — единственная в семье дурнушка, которая усиленно занималась самоусовершенствованием и всегда была рада себя показать.

У Мэри не было ни таланта, ни вкуса. И хотя тщеславие сделало ее трудолюбивой, оно в то же время внушило ей такие педантично самодовольные манеры, которые повредили бы и более мастерскому исполнению. Простое и безыскусное пение Элизабет, хотя и менее совершенное, понравилось публике больше. Поэтому после затянувшегося концерта Мэри была рада заслужить аплодисменты, играя шотландские и ирландские песенки по просьбе младших сестер — вместе с сестрами Лукас и двумя или тремя офицерами они затеяли в другом конце комнаты танцы.

Мистер Дарси находился неподалеку от них, негодуя по поводу способа препровождения времени, который исключал возможность разумной беседы. Он был слишком поглощен своими мыслями, чтобы заметить подошедшего к нему сэра Уильяма Лукаса, пока последний не обратился к нему со словами:

— Не правда ли, какое это очаровательное развлечение для молодежи, мистер Дарси! В самом деле, может ли быть что-нибудь пленительнее танцев? Я нахожу, что танцы — одно из высших достижений цивилизованного общества.

— Совершенно верно, сэр. И в то же время они весьма распространены в обществе, не тронутым цивилизацией. Плясать может каждый дикарь.

Сэр Уильям улыбнулся.

— Ваш друг танцует просто превосходно, — продолжал он после некоторой паузы, увидев, что к танцующим присоединился мистер Бингли. — Не сомневаюсь, что и вы, мистер Дарси, могли бы поразить нас своим искусством.

— Вы, вероятно, видели, сэр, как я танцевал в Меритоне.

— Вы угадали, — и получил при этом немалое удовольствие! Вам часто приходится танцевать в Сент-Джеймсе?

— Никогда, сэр.

— Разве вы не находите это подходящим способом выразить свое внимание королевской семье?

— Я ни одной семье не выражаю своего внимания подобным способом, если могу этого избежать.

— У вас, должно быть, есть в столице собственный дом?

Мистер Дарси кивнул.

— Одно время я тоже подумывал о том, чтобы переселиться в Лондон — я так люблю хорошее общество. Но, признаться, я побаиваюсь, как бы лондонский воздух не оказался вреден леди Лукас.

Он замолчал, дожидаясь ответа. Его собеседник, однако, не был расположен продолжать разговор. В эту минуту к ним приблизилась Элизабет, и сэру Уильяму пришла в голову мысль проявить галантность.

— Как, дорогая мисс Элайза, вы не танцуете? Мистер Дарси, я буду крайне польщен, если по моему совету вы пригласите танцевать эту очаровательную юную леди. Не правда ли, вы не сможете отказаться танцевать, когда перед вами находится само олицетворение красоты? — И, схватив руку Элизабет, он хотел было уже соединить ее с рукой мистера Дарси, который, испытывая немалое изумление, был отнюдь не прочь этим воспользоваться. Совершенно неожиданно Элизабет отпрянула назад и, с неудовольствием обратившись к сэру Уильяму, воскликнула:

— Уверяю вас, сэр, я совершенно не предполагала принять участие в танцах. Право, я была бы очень огорчена, если вы подумали, что я подошла к вам, желая найти себе кавалера.

Мистер Дарси учтиво и серьезно стал просить Элизабет оказать ему честь, приняв его приглашение; но тщетно — она твердо стояла на своем и делу также не помогла попытка уговорить ее, предпринятая сэром Уильямом.

— Вы превосходно танцуете, мисс Элайза, и с вашей стороны просто жестоко лишить меня такого приятнейшего зрелища. И хотя этот джентльмен — небольшой любитель танцев, но у него, конечно, не может быть возражений против того, чтобы так легко оказать нам столь большую услугу.

— Мистер Дарси — сама любезность, — улыбаясь, сказала Элизабет.

— Разумеется, это так. Но, принимая во внимание его побуждения, дорогая мисс Элайза, этому нельзя удивляться. Кто не был бы счастлив танцевать в паре с такой дамой?

Элизабет отошла от них с лукавой усмешкой... Ее отказ не повредил ей в глазах мистера Дарси, и он вспоминал о ней вполне благожелательно, когда к нему обратилась мисс Бингли:

— Хотите, я угадаю, о чем вы задумались?

— Надеюсь, что вам это не удастся.

— Вы думаете о том, как невыносимо будет проводить таким образом много вечеров, один за другим, — в подобном обществе. И, знаете, я совершенно с вами согласна. В жизни еще не

испытывала такой скуки! Лезут из кожи вон, чтобы себя показать! Сколько ничтожества и вместе с тем самодовольства в этих людях! Чего бы я не дала, чтобы услышать, как вы над ними потешаетесь.

— На этот раз вы не угадали, поверьте. Я размышлял о гораздо более приятных вещах: ну, скажем, об очаровании, заключающемся в красивых глазах на лице хорошенькой женщины.

Мисс Бингли уставилась на него, требуя чтобы он открыл ей, что за леди удостоилась чести навести его на подобные мысли. Ничуть не смутившись, мистер Дарси ответил:

— Мисс Элизабет Беннет.

— Мисс Элизабет Беннет! — повторила мисс Бингли. — Признаюсь, я поражена до глубины души! Давно ли она пользуется такой благосклонностью? И скоро ли разрешите пожелать вам счастья?

— Именно тот вопрос, которого я от вас ожидал. Какой стремительностью обладает женское воображение! Оно перескакивает от простого одобрения к любви и от любви к браку в один миг. Я так и знал, что вы мне пожелаете счастья.

— Что ж, если вы говорите серьезно, я это буду считать вполне решенным. У вас будет очаровательная теща, которая, конечно, постоянно будет жить с вами в Пемберли.

Мистер Дарси слушал с совершенным безразличием, как она развлекалась подобным образом. И поскольку его спокойствие убедило ее, что на самом деле тревожиться не из-за чего, она еще долго продолжала изощряться в подобного рода остроумии.

Глава VII

Почти вся собственность мистера Беннета заключалась в имении, приносившем две тысячи фунтов годового дохода. К несчастью его дочерей, это имение наследовалось по мужской линии^[17] и, так как в семье не было ребенка мужского пола, переходило после смерти мистера Беннета к дальнему родственнику. Средства миссис Беннет, достаточные при ее теперешнем положении, ни в коей мере не могли восполнить возможную утрату имения в будущем. Отец ее, который при жизни был стряпчим^[18] в Меритоне, оставил ей всего четыре тысячи фунтов.

Ее сестра вышла замуж за мистера Филиппа — бывшего клерка отца, который унаследовал его контору. Брат миссис Беннет жил в Лондоне, где он был занят в солидном торговом деле.

Селение Лонгборн находилось всего в одной миле от Меритона — расстоянии, весьма удобном для девиц Беннет, которые обычно устремлялись туда по три-четыре раза в неделю с тем, чтобы оказать знаки внимания тетушке, а заодно и расположенной по пути модной лавке. Особенно часто подобные вылазки совершались двумя младшими дочерьми, Кэтрин и Лидией. Наиболее легкомысленные из сестер, они, за неимением лучшего, непременно должны были наведаться в Меритон, чтобы развлечься после завтрака, и запастись новостями для болтовни перед сном. И как бы округа ни была бедна происшествием, у тетушки им всегда удавалось разузнать что-нибудь стоящее внимания. В настоящее время они не испытывали недостатка в новостях и удовольствиях благодаря расположившемуся на зиму в окрестностях Меритона милицейскому полку,^[19] офицеры которого были расквартированы в городке.

Теперь при посещении миссис Филиппа выяснялось множество самых любопытных подробностей. Каждый день приносил новые сведения об именах офицеров и отношениях между ними. Квартиры офицеров недолго оставались неизвестными, и вскоре стали завязываться знакомства с их обитателями. Мистер Филипп навестил каждого из офицеров и тем самым открыл для своих племянниц новый источник блаженства, несравнимого с прежними радостями жизни. Они не могли

разговаривать ни о чем, кроме офицеров. И даже богатство мистера Бингли, всякое упоминание о котором так волновало их мать, не стоило в их глазах ни гроша по сравнению с мундиром прапорщика.

Однажды, наслушавшись подобной болтовни, мистер Беннет, как бы между прочим, заметил:

— Я понял из ваших рассуждений, что вы можете считаться двумя самыми глупыми девчонками в королевстве. Подобная мысль приходила мне в голову и раньше. Но теперь я в этом окончательно убедился.

Кэтрин смутилась и замолчала, но Лидия, не обратив на его слова никакого внимания, продолжала рассказывать про то, как она восхищена капитаном Картером и как ей хочется еще раз с ним повидаться, прежде чем он завтра уедет в Лондон.

— Меня удивляет, мой дорогой, — сказала миссис Беннет, — с каким пренебрежением судите вы о способностях ваших детей. Если бы я и усомнилась в чьих-либо детях, то уж, во всяком случае, не в своих.

— Если мои дети глупы, мне хотелось бы, по крайней мере, не питать в этом отношении никаких иллюзий.

— К счастью, они необыкновенно умны!

— Надеюсь, что расхожусь с вами только в этом вопросе. Мне было бы приятно, если бы наши взгляды полностью совпадали. Но пока я, увы, нахожу, что две наших младших дочки — препорядочные дуры.

— Дорогой мистер Беннет, нельзя же требовать от молоденьких девочек, чтобы они были так же умны, как их отец и мать. В нашем возрасте они, наверно, будут думать об офицерах не больше, чем мы с вами. Я припоминаю то время, когда мне самой очень нравились красные мундиры^[20] и, признаюсь, в глубине души я и теперь к ним равнодушна. И если бы какой-нибудь обаятельный молодой полковник с шестью тысячами в год попросил руки моей дочери, уверяю вас, я не смогла бы ему отказать. Позавчера вечером у сэра Уильяма мне очень понравился полковник Форстер в своей парадной форме.

— Ах, мама! — воскликнула Лидия. — Тетя говорит, что полковник Форстер и капитан Картер уже не так часто бывают у мисс Уотсон. Теперь она их чаще видит в библиотеке Кларка.

Ответу миссис Беннет помешало появление посыльного с письмом для ее старшей дочери. Письмо пришло из Незерфилда, и слуга, который его принес, ждал ответа. Глаза миссис Беннет заблестели от радости, и, пока Джейн читала письмо, она забросала дочь нетерпеливыми вопросами и восклицаниями.

— Ну, Джейн, от кого оно? Что в нем говорится? Что он тебе там написал? Скорее, скорее, Джейн! Говори же, милочка!

— Оно от мисс Бингли, — сказала Джейн и прочла вслух:

«Моя дорогая,

Если вы не согласитесь сегодня из жалости к нам пообедать вместе со мной и Луизой, мы можем возненавидеть друг друга на веки веков, так как пребывание двух женщин tête-à-tête[1] в течение целого дня никогда не обходится без ссоры. Приезжайте как можно скорее. Мой брат и его друзья обедают с офицерами.

Вечно ваша

- С офицерами! — воскликнула Лидия. — Как же тетя об этом ничего не сказала?
- Обедают в гостях? — сказала миссис Беннет. — Какая досада!
- Можно мне воспользоваться коляской? — спросила Джейн.
- Нет, дорогая, поезжай лучше верхом. Собирается дождь, и тебе придется там переночевать.
- Неплохо придумано, — сказала Элизабет, — если только вы уверены, что они не захотят отвезти ее домой.
- Но ведь карета мистера Бингли будет с мужчинами в Меритоне. А у Хёрстов вовсе нет лошадей.
- Мне бы все-таки больше хотелось поехать в коляске.
- Милочка, я уверена, что папа не сможет дать лошадей. Они ведь нужны для работы на ферме, не правда ли, мистер Беннет?
- Лошади нужны для работы на ферме гораздо чаще, чем их удастся для этого получить!
- Если вы их используете там сегодня, мама будет довольна, — сказала Элизабет.

В конце концов от отца добились подтверждения того, что лошади заняты. Джейн должна была поэтому ехать верхом, и мать проводила ее до дверей, радостно предсказывая ухудшение погоды. Надежды эти вполне оправдались: не успела Джейн уехать, как начался проливной дождь, который привел в беспокойство ее сестер и чрезвычайно обрадовал мать. Дождь продолжался весь вечер без перерыва, так что о возвращении Джейн не могло быть и речи.

— Как удачно я все придумала! — не раз восклицала миссис Беннет, как будто она не только предсказала, но сама вызвала ухудшение погоды. Однако только на следующее утро она смогла полностью оценить все великолепие своего замысла. Завтрак подходил к концу, когда из Незерфилда прибыл слуга со следующей запиской, адресованной Элизабет:

«Дорогая Лиззи,

Сегодня утром я очень плохо себя почувствовала — должно быть оттого, что вчера основательно промокла. Наши добрые друзья и слышать не хотят о моем возвращении, пока я хоть немного не поправлюсь. Они настаивают также на том, чтобы меня осмотрел мистер Джонс — поэтому не тревожьтесь, если услышите, что он меня навестил. У меня всего только головная боль и небольшое воспаление в горле.

Твоя и т. д.»

— Что ж, моя дорогая, — обратился к жене мистер Беннет, когда Элизабет прочла записку вслух, — если ваша дочь серьезно заболеет и, быть может, умрет, — как приятно будет сознавать, что произошло это в погоне за мистером Бингли, осуществленной по вашим указаниям.

— Я вовсе не опасаюсь за ее жизнь. Люди не умирают от каких-то простуд. За ней будут хорошо ухаживать, и пока она там, ничего плохого случиться не может. Если бы можно было взять экипаж, я бы охотно ее навестила.

По-настоящему встревоженная Элизабет решила проведать сестру. И так как экипажа не было, а ездить верхом она не умела, ей ничего не оставалось, как отправиться в Незерфилд пешком. Она объявила об этом намерении.

— Ты с ума сошла, — воскликнула мать, — идти пешком по такой грязи! Да на тебя смотреть нельзя будет, когда ты туда придешь.

— Но я зато смогу присмотреть за Джейн, а это все, что мне нужно.

— Может быть, Лиззи, все же послать за лошадьми? — спросил отец.

— Нет, право, не нужно. Я даже буду рада пройтись пешком. Расстояния не замечаешь, если перед тобой определенная цель. Да и всего-то тут каких-нибудь три мили. К обеду я буду дома.

— Я восхищена твоей готовностью помогать ближнему, — сказала Мэри. — Но каждый душевный порыв следует верить разумом. Мне думается, что во всяком деле нужно прилагать силу, соразмерную необходимому действию.

— Хочешь, пройдем вместе до Меритона? — предложили Кэтрин и Лидия. Элизабет согласилась, и три девицы вышли из дома одновременно.

— Если мы поспешим, — говорила по дороге Лидия, — мы, быть может, успеем повидать капитана Картера перед его отъездом.

В Меритоне они расстались. Младшие сестры отправились к жене одного из офицеров, а Элизабет быстро зашагала вперед, пересекая одно поле за другим, торопливо перебираясь через насыпи и прыгая через лужи, пока не оказалась перед Незерфилдом, усталая, в забрызганных грязью чулках и с пылающим от напряженной ходьбы лицом.

Ее провели в комнату для завтрака, где собралось все незерфилдское общество за исключением Джейн. Приходу Элизабет все были немало удивлены. Сестрам мистера Бингли казалось просто невероятным, чтобы она смогла пройти в такую рань, при такой погоде да и притом в полном одиночестве целых три мили пешком. И хотя она была принята весьма любезно, Элизабет понимала, что в их глазах поступок ее не заслуживал одобрения. В манерах мистера Бингли, напротив, можно было заметить признаки чего-то большего, чем простая любезность. В них чувствовалось его расположение и признательность. Мистер Дарси был немногословен, а мистер Хёрст — вообще не сказал ничего. Первый размышлял о том, насколько она похорошела, разгоряченная быстрой ходьбой, и в какой мере ее побуждения оправдывали столь дальнюю одинокую прогулку. Мысли второго были целиком сосредоточены на завтраке.

Сведения о состоянии здоровья Джейн были мало утешительными. Мисс Беннет провела тревожную ночь и хотя и встала с постели, но чувствовала себя настолько плохо, что не смогла покинуть свою комнату. По просьбе Элизабет ее немедленно провели к больной. Приход сестры очень обрадовал Джейн, которая не написала, насколько ей хотелось бы ее повидать, только из опасения вызвать чрезмерную тревогу. Однако она почти не могла говорить, и когда мисс Бингли оставила их вдвоем, сумела только выразить благодарность за необычайную доброту, с которой о ней здесь заботились. Элизабет ухаживала за больной молча.

После завтрака пришли сестры мистера Бингли, и Элизабет почувствовала к ним симпатию, увидев, сколько заботы и внимания оказывают они своей подруге. Приехавший вскоре аптекарь,^[21] осмотрев больную, сказал, что, как и предполагалось, заболевание вызвано сильной простудой, потребовал принятия самых энергичных мер, предписал постельный режим и обещал прислать микстуру. Предписание было выполнено немедленно, так как лихорадка и головная боль все время усиливались. Элизабет не покидала сестру ни на минуту. Другие дамы также почти не отлучались — правда, делать им было больше нечего, так как мужчин не было дома.

К трем часам Элизабет почувствовала, что ей пора возвращаться и неохотно об этом сказала. Мисс Бингли предложила ей экипаж, и она уже почти готова была им воспользоваться. Однако Джейн так огорчилась по поводу предстоявшей разлуки, что мисс Бингли поневоле пригласила Элизабет

провести еще некоторое время в Незерфилде. Приглашение было принято с искренней благодарностью, и в Лонгборн послали слугу, который должен был предупредить родных и доставить необходимое платье.

Глава VIII

В пять часов дамы ушли переодеваться, и в половине шестого Элизабет позвали к столу. Отвечая на заданные ей вежливые вопросы о здоровье больной, она с удовольствием отметила про себя искреннее беспокойство мистера Бингли.

К сожалению, она не могла сообщить ничего утешительного. Состояние Джейн по-прежнему оставалось весьма тяжелым. Услышав это, сестры мистера Бингли три или четыре раза выразили свое огорчение, порассуждали о том, какая ужасная вещь — простуда и насколько каждая из них не любит болеть, и больше уже не вспоминали о подруге. И Элизабет почувствовала к ним прежнюю неприязнь, убедившись, как мало они думают о Джейн, не видя ее перед собой.

Из всей компании единственным человеком, заслуживавшим ее симпатии, был мистер Бингли. Элизабет сознавала, что остальные смотрят на нее, как на непрошенную гостью, и только Бингли своим искренним беспокойством о Джейн и вниманием к ее сестре несколько смягчил это ощущение. Кроме мистера Бингли ее почти никто не замечал. Внимание мисс Бингли было полностью поглощено мистером Дарси, миссис Хёрст старалась не отставать от сестры, что же касается сидевшего рядом с Элизабет мистера Хёрста — бездушного человека, из тех, что живут на свете лишь для того, чтобы есть, пить и играть в карты, — то после того, как он узнал, что жаркое она предпочитает рагу,^[22] ему уже больше не о чем было с ней говорить.

Сразу же после обеда Элизабет вернулась к Джейн. И, как только она вышла из комнаты, мисс Бингли принялась злословить на ее счет. Ее манеры были признаны вызывающими и самонадеянными, и было сказано, что она полностью лишена вкуса, красоты, изящества и умения поддерживать беседу. Миссис Хёрст думала то же самое. При этом она добавила:

— Короче говоря, единственным положительным свойством этой особы является способность преодолевать пешком по утрам необыкновенно большие расстояния. Никогда не забуду, в каком виде она появилась сегодня — как будто какая-то дикарка.

— Она такой и была, Луиза. Я едва удерживалась от смеха. Вообще, как глупо, что она пришла. Если ее сестра простудилась, ей-то зачем было бежать в такую даль? А что за вид — лицо обветренное, волосы растрепанные!..

— Да, а ее юбка! Надеюсь, вы видели ее юбку — в грязи дюймов на шесть, ручаюсь. Она старалась опустить пониже края плаща, чтобы прикрыть грязные пятна на подоле, но, увы, это не помогало.

— Быть может, все это верно, Луиза, — сказал Бингли, — но я, признаюсь, ничего этого не заметил. Мне показалось, что мисс Элизабет Беннет прекрасно выглядит, когда она вошла к нам сегодня утром. А грязи на подоле я даже не разглядел.

— Вы-то, надеюсь, ее разглядели, мистер Дарси? — сказала мисс Бингли. — Я полагаю, что вам не захотелось бы встретиться в таком виде вашу сестру.

— Вы совершенно правы.

— Пройти пешком три, нет, четыре, да нет, — пять или сколько там миль, чуть ли не по колено в грязи, к тому же в совершенном одиночестве! О чем она думала? Я в этом вижу худший вид сумасбродства — столь свойственное провинциалам пренебрежение всеми приличиями.

— Это также могло быть проявлением и весьма похвальной привязанности к родной сестре, — сказал мистер Бингли.

— Боюсь, мистер Дарси, — тихонько сказала мисс Бингли, — как бы сегодняшнее приключение не повредило вашему мнению о ее глазках.

— Отнюдь нет, — ответил он. — После прогулки они горели еще ярче.

Наступила короткая пауза, вслед за которой миссис Хёрст начала снова:

— Мне очень нравится Джейн Беннет. Она в самом деле славная девочка. И я от души желаю ей счастливо устроиться в жизни. Но боюсь, что при таких родителях и прочей родне у нее для этого мало шансов.

— Ты, кажется, говорила, что их дядя — стряпчий в Меритоне?

— Как же! А еще один у них живет в Чипсайде.^[23]

— Какая прелесть! — воскликнула ее сестра, и обе чуть не покатались со смеху.

— Даже если бы их дядюшки заселили весь Чипсайд, — решительно заявил Бингли, — она не стала бы от этого менее привлекательной.

— Да, но это весьма помешало бы ей выйти замуж за человека с некоторым положением в обществе, — заметил Дарси.

Бингли ничего не ответил, но его сестры горячо поддержали Дарси и продолжали еще довольно долго острить насчет вульгарных родичей их дорогой подруги.

Спустя некоторое время они все же почувствовали новый прилив нежности и опять отправились к ней в комнату, где оставались до тех пор, пока их не позвали пить кофе. Джейн по-прежнему чувствовала себя плохо, и Элизабет не покидала ее до позднего вечера. Несколько успокоенная тем, что больная заснула, она в конце концов ощутила — не желание, а скорее необходимость — вернуться к остальному обществу. Когда она вошла в гостиную, все сидели за картами. Ее тут же пригласили принять участие в игре. Однако боясь, что игра идет на крупные деньги, Элизабет отказалась, сославшись на болезнь сестры и сказав, что непродолжительное время, в течение которого она может побыть внизу, она охотнее проведет за книгой. Мистер Хёрст посмотрел на нее с удивлением.

— Вы предпочитаете чтение картам? — спросил он. — Странно!

— Мисс Элайза Беннет, — сказала мисс Бингли, — презирует карточную игру. Она много читает и не признает других удовольствий.

— Я не заслуживаю ни похвал, ни упреков такого рода, — ответила Элизабет. — Мне нравятся очень многие вещи, и я вовсе не так уж много читаю.

— Я, например, убежден, что вам нравится ухаживать за вашей сестрой, — сказал Бингли. — И я надеюсь, что это удовольствие возрастет еще больше по мере ее выздоровления.

Элизабет поблагодарила его от всего сердца и направилась к столу, где лежало несколько книг. Бингли предложил показать ей и другие книги, которые хранились в библиотеке.

— Я был бы рад, если бы, к вашей пользе, а моей чести, мог похвалиться более обширной коллекцией. Но я ленив, и хотя она совсем невелика, в ней больше книг, чем я когда-либо надеюсь прочесть.

Элизабет уверила его, что ей вполне достаточно тех книг, которые находятся в комнате.

— Меня удивляет, — сказала мисс Бингли, — что наш отец обходился таким малым количеством книг. Зато какая превосходная библиотека у вас в Пемберли,^{24} мистер Дарси!

— Другой там быть не могло, — ответил Дарси. — Она составлялась трудами множества поколений.

— И как много вы сами к ней прибавили! Вы все время покупаете книги.

— Было бы странно, если бы я пренебрегал фамильной библиотекой в такое время, как наше.

— Пренебрегали! Конечно, вы не пренебрегаете ничем, что могло бы хоть сколько-нибудь увеличить прелесть этого славного поместья. Чарлз, если у тебя будет собственный дом, хотела бы я, чтобы он хотя бы вполтину был так хорош, как Пемберли.

— Я сам бы этого желал.

— Правда, я советовала бы тебе купить имение где-нибудь неподалеку от Пемберли и принять его за образец. Во всей Англии я не знаю лучшего графства, чем Дербишир.

— От души с тобой согласен. Я даже купил бы Пемберли, если бы Дарси его продал.

— Я говорю о возможном, Чарлз.

— Честное слово, Кэролайн, владельцем такого имения можно скорее стать, купив Пемберли, нежели пытаться его воспроизвести.

Этот разговор настолько заинтересовал Элизабет, что она перестала читать свою книгу и вскоре, отложив ее в сторону, подошла к карточному столику и, встав между мистером Бингли и миссис Хёрст, стала наблюдать за игрой.

— Мисс Дарси, я думаю, заметно выросла с прошлой весны, — сказала мисс Бингли. — Она наверно, станет такой же высокой, как я.

— Вполне возможно. Сейчас она ростом, пожалуй, с мисс Элизабет Беннет, или даже чуть-чуть повыше.

— Как бы мне хотелось снова ее увидеть! Я в жизни больше не встречала никого, кто бы мне так понравился. Ее внешность и манеры очаровательны. А какая образованность в подобном возрасте! Она играет на фортепиано не хуже подлинных музыкантов.

— Меня удивляет, — сказал Бингли, — как это у всех молодых леди хватает терпения, чтобы быть прекрасно образованными.

— Все молодые леди — образованные?!^{25} Чарлз, дорогой, что вы хотите этим сказать?

— Да, по-моему все. Все они рисуют картинки, раскрашивают экраны и вяжут кошельки. Едва ли я знаю хотя бы одну девицу, которая не умела бы делать всего этого. И мне еще, пожалуй, не приходилось слышать, чтобы о молодой леди в первый раз не сказали, будто она прекрасно образована.

— Ваше перечисление обычных совершенств молодых женщин, — сказал Дарси, — к сожалению, верно. Образованной называют всякую даму, которая заслужила это название только тем, что вяжет кошельки или раскрашивает экраны. Но я далек от того, чтобы согласиться с вашим мнением о женской образованности. Я, например, не мог бы похвастаться, что среди моих знакомых найдется больше пяти-шести по-настоящему образованных женщин.

— Я с вами вполне согласна, — сказала мисс Бингли.

— В таком случае, — заметила Элизабет, — вы, вероятно, сможете дать точное определение понятия «образованная женщина»?

— Да, оно кажется мне довольно ясным.

— О, в самом деле, — воскликнула его преданная союзница. — По-настоящему образованным может считаться лишь тот, кто стоит на голову выше всех окружающих. Женщина, заслуживающая это название, должна быть очень хорошо обучена музыке, пению, живописи, танцам и иностранным языкам. И кроме всего, она должна обладать каким-то особым своеобразием внешности, манер, походки, интонации и языка — иначе это название все-таки будет заслуженным только наполовину.

— Всем этим она действительно должна обладать, — сказал Дарси. — Но я бы добавил к этому нечто более существенное — развитый обширным чтением ум.

— В таком случае меня несколько не удивляет то, что вы знаете только шесть таких образованных женщин. Мне кажется скорее странным, что вам все же удалось их найти.

— Неужели вы так строго относитесь к собственному полу, что сомневаетесь в том, что подобные женщины существуют?

— Мне такие не попадались. Я никогда не видела, чтобы в одном человеке сочетались все те способности, манеры и вкус, которые вами были сейчас перечислены.

Миссис Хёрст и мисс Бингли возмущались несправедливостью такого упрека их полу и наперебой стали уверять, что им приходилось встречать немало женщин вполне соответствующих предложенному описанию, пока наконец мистер Хёрст не призвал их к порядку, жалуюсь на их невнимание к игре. Разговор прекратился, и Элизабет вскоре вышла из комнаты.

— Элайза Беннет, — сказала мисс Бингли, когда дверь затворилась, — принадлежит к тем девицам, которые пытаются понравиться представителям другого пола, унижая собственный. На многих мужчин, признаюсь, это действует. Но по-моему это — низкая уловка самого худшего сорта.

— Несомненно, — отозвался Дарси, к которому это замечание было обращено. — Низким является каждый способ, употребляемый женщинами для привлечения мужчин. Все, что порождено хитростью — отвратительно.

Мисс Бингли не настолько была удовлетворена полученным ответом, чтобы продолжать разговор на ту же тему.

Элизабет снова вернулась к ним, сообщив, что ее сестре стало хуже и что она не сможет больше от нее отлучаться. Бингли принялся настаивать, чтобы немедленно послали за мистером Джонсом. Его сестры стали уверять, что в глуши нельзя получить должной помощи и посоветовали послать специальный экипаж, чтобы привезти известного врача из столицы. Элизабет и слышать не хотела об этом, но охотно согласилась с предложением мистера Бингли. Было решено, что за мистером Джонсом пошлют с самого утра, если к тому времени Джейн не станет значительно лучше. Бингли был очень обеспокоен, а его сестры заявили, что чувствуют себя крайне несчастными. Однако им удалось утешить себя пением дуэтов после ужина, в то время как он не нашел ничего лучшего, как потребовать от дворецкого, чтобы больной гостье и ее сестре было оказано самое большое внимание.

Глава IX

Почти всю ночь Элизабет провела у постели больной и, к своей радости, утром смогла передать довольно благоприятные сведения о ее здоровье через горничную, очень рано присланную мистером Бингли, а затем через двух элегантных особ, которые прислуживали его сестрам. Однако, несмотря на начавшееся улучшение, она все же попросила помочь ей передать в Лонгборн записку, в которой настаивала на приезде матери, чтобы та сама могла оценить положение. Записка была послана незамедлительно, и так же быстро исполнена содержащаяся в ней просьба. Миссис Беннет в сопровождении двух дочек прибыла в Незерфилд вскоре после того, как семья позавтракала.

Если бы мать нашла Джейн в опасном состоянии, она, несомненно, была бы этим удручена. Но, успокоенная тем, что болезнь Джейн не была угрожающей, она не желала, чтобы дочь выздоровела слишком быстро, так как это заставило бы ее вскоре покинуть Незерфилд. Поэтому она даже слушать не захотела, когда Джейн попросила, чтобы ее перевезли домой. Приехавший следом за ней аптекарь тоже не считал такой переезд разумным. После того, как миссис Беннет немного побывала с Джейн, к ним поднялась мисс Бингли и пригласила ее и трех ее дочерей в комнату для завтрака. Мистер Бингли, встретив их, выразил надежду, что состояние Джейн не оказалось более тяжелым, чем ожидала миссис Беннет.

— Увы, сэр, это именно так! — отвечала она. — Бедняжка слишком плоха для того, чтобы ее сейчас можно было перевезти в Лонгборн. Мистер Джонс считает, что об этом и думать сейчас не следует. Нам придется еще некоторое время пользоваться вашим гостеприимством.

— Перевезти в Лонгборн! — воскликнул Бингли. — Но об этом не может быть и речи. Уверен, что моя сестра и слышать этого не захочет.

— Можете не сомневаться, сударыня, — с холодной учтивостью заметила мисс Бингли, — что если мисс Беннет останется в нашем доме, то ей будет оказано необходимое внимание.

Миссис Беннет весьма пылко выразила свою признательность.

— Я совершенно уверена, — добавила она, — что не будь вокруг нее таких близких друзей, с нею бы уже бог знает что случилось. Бедняжка ведь в самом деле совсем плоха, — она так страдает, несмотря на свойственное ей величайшее терпение. Но ведь это просто черта ее ангельского характера, с каким вы едва ли где-нибудь встретитесь. Я часто говорю другим моим девочкам, что им до Джейн далеко. Мне очень нравится у вас эта комната, мистер Бингли! Какой очаровательный вид на главную дорожку вашего парка. Не знаю, есть ли во всем графстве уголок, подобный Незерфилду. Вы ведь не поспешите из него уехать, не правда ли, хоть вы его и сняли пока на короткий срок?

— Я всегда отличался стремительностью, — отвечал он. — Поэтому если я решусь покинуть Незерфилд, меня, возможно, не будет здесь через пять минут. В данное время, однако, мне кажется, что я здесь обосновался надолго.

— Именно это я и ожидала от вас услышать, — сказала Элизабет.

— Вы уже начинаете разбираться в моем характере, не правда ли? — ответил, обернувшись к ней, Бингли.

— О да, я превосходно вас понимаю.

— Хотелось бы мне считать это комплиментом. Но боюсь, что человек, которого так хорошо видно насквозь, кажется немного жалким.

— Это зависит от обстоятельств. Скрытые, сложные характеры вовсе не обязательно должны оцениваться выше или ниже, чем натуры, подобные вашей.

— Лиззи, — вмешалась мать, — пожалуйста, не забывай, где ты находишься и не позволяй себе болтать всякие глупости, которые ты так часто произносишь у себя дома.

— Я и не подозревал, — продолжал Бингли, — что вы занимаетесь изучением человеческой природы. Это, должно быть, весьма интересный предмет.

— Да, особенно интересны сложные характеры. У них, по крайней мере, это преимущество.

— Провинция, — сказал Дарси, — дает немного материала для такого изучения. Слишком ограничен и неизменен круг людей, с которыми здесь можно соприкоснуться.

— Люди, однако, сами меняются так сильно, что то и дело можно подметить что-нибудь новое в каждом человеке.

— О, в самом деле, — воскликнула миссис Беннет, оскорбленная тоном Дарси, которым он говорил о провинциальном обществе, — смею вас уверить, что в провинции всего этого ничуть не меньше, чем в городе.

Все были немало изумлены, и Дарси, бросив на нее взгляд, молча отвернулся. Однако гостье, вообразившей, что ею одержана решительная победа, захотелось продлить свой триумф.

— Я, со своей стороны, вовсе не считаю, что у Лондона есть какие-нибудь серьезные преимущества перед провинцией, конечно, если не иметь в виду магазинов и развлечений. Жить в провинции приятнее, не правда ли, мистер Бингли?

— Когда я нахожусь в провинции, — ответил он, — мне не хочется из нее уезжать. Но когда я живу в городе, со мной и там происходит то же самое. У того и у другого — свои хорошие стороны, и я мог бы быть одинаково счастлив и тут и там.

— Да, но это потому, что у вас здравый взгляд на вещи. А вот этот джентльмен, — она посмотрела на Дарси, — с презрением смотрит на провинциальную жизнь.

— Вы ошибаетесь, сударыня, — вмешалась Элизабет, краснея за свою мать. — Просто вы совершенно неправильно поняли мистера Дарси. Он только хотел сказать, что в провинции встречаешься с меньшим разнообразием людей, чем в городе, а с этим вы, разумеется, согласитесь.

— Ну, конечно, дорогая, никто тут и не говорит о большем разнообразии. Впрочем, что касается ограниченного круга знакомств, то мне трудно поверить, что он здесь меньше, чем где-нибудь в другом месте. Ведь нас приглашают обедать в двадцать четыре дома!

Едва ли мистеру Бингли удалось бы сохранить при этом серьезное выражение лица, если бы он не счел необходимым пощадить чувства Элизабет. Его сестра была не столь деликатна и посмотрела на Дарси с весьма выразительной улыбкой. Попробуй придумать что-нибудь, что могло бы направить мысли матери по новому руслу, Элизабет спросила у миссис Беннет, не заходила ли к ним в ее отсутствие Шарлот Лукас.

— О да, вчера она была у нас со своим отцом. Что за милейший человек этот сэр Уильям — не правда ли, мистер Бингли? Настоящая светскость: благородство и любезность! У него всегда найдется что сказать каждому человеку. Вот, по-моему, образец хорошего тона! Особы, которые воображают о себе бог знает что и даже не желают раскрыть рта, напрасно предполагают, что они хорошо воспитаны.

— Шарлот с вами обедала?

— Нет, она спешила домой. Наверно, ей нужно было там помочь в приготовлении пирога. Что касается меня, мистер Бингли, то я держу у себя таких слуг, которые сами справляются со своей работой. О да, мои девочки воспитаны по-другому. Впрочем, каждый поступает как может. Девушки

Лукас все же очень милы, смею вас уверить. Так обидно, что они некрасивы! Я вовсе не говорю, что Шарлот совсем безобразна — она ведь наш большой друг.

— Кажется, она очень приятная молодая женщина, — сказал Бингли.

— О, еще бы! Но вы же не станете отрицать, что она дурнушка. Это признает сама леди Лукас, завидуя красоте моей Джейн. Не хотелось бы хвалиться собственной дочерью, но, в самом деле, если уже говорить о Джейн — не часто найдешь такую красавицу. Об этом говорят на каждом шагу — себе самой я бы не поверила. Когда ей только минуло пятнадцать, мы жили у моего брата Гардинера в Лондоне. И, представьте, там был один джентльмен, который влюбился в нее без памяти — моя невестка ждала уже, что он вот-вот сделает ей предложение еще до того, как мы от них уедем. Правда, этого не случилось. Быть может, он считал, что Джейн еще слишком молода. Но зато он посвятил ей стихи — знаете, просто очаровательные!

— Тем этот роман и кончился, — поспешно вмешалась Элизабет. — Я думаю, что это не единственное увлечение, нашедшее подобный конец. Интересно, кто первый открыл, что иногда поэзия убивает любовь?

— Я привык считать поэзию питательной средой для любви, — сказал Дарси.

— Да — прочной, здоровой и страстной любви — возможно. То, что уже окрепло, может питаться чем угодно. Но если говорить о легкой склонности, то я уверена, что после одного хорошего сонета от нее может не остаться и следа.

Дарси только улыбнулся. В наступившем молчании Элизабет с тревогой ждала, что мать снова позволит себе какую-нибудь бестактность. Миссис Беннет, в самом деле, очень хотелось поговорить, но так как ей ничего не приходило в голову, она после некоторой паузы стала снова благодарить мистера Бингли за его заботу о Джейн и извиняться за беспокойство, которое ему причиняет еще и Лиззи. Бингли был искренно любезен в своих ответах, заставив быть вежливой и свою младшую сестру, которая произнесла все, что подобало при таких обстоятельствах. И хотя свою роль она исполнила без особенной грации, миссис Беннет все же осталась вполне довольна и вскоре попросила подать экипаж. В то же мгновение, как по сигналу, выступила ее младшая дочка. Китти и Лидия в течение всего визита перешептывались между собой. При этом они условились, что младшая должна напомнить мистеру Бингли про обещание устроить бал в Незерфилде, которое он дал по приезду в Хартфордшир.

Лидия, рослая пятнадцатилетняя девица, с прекрасным лицом, недурная собой, была любимицей матери. Именно благодаря этой привязанности она начала выезжать в свет в столь юном возрасте. Ее природные смелость и жизнерадостность развились в самоуверенность благодаря вниманию офицеров, которым ее рекомендовали хорошие обеды дядюшки и врожденное легкомыслие. Поэтому ей ничего не стоило заговорить с мистером Бингли о бале и недвусмысленно напомнить ему его обещание, добавив, что с его стороны было бы позорнейшим проступком, если бы он не сдержал слова. Его ответ на этот неожиданный выпад был весьма приятен для слуха миссис Беннет.

— Поверьте, я с радостью выполняю свое обещание. И как только мисс Беннет поправится, я попрошу, чтобы именно вы сообразовали выбрать день для этого праздника. Но пока она больна, вам, я полагаю, и самой не захотелось бы танцевать.

Лидия сказала, что вполне удовлетворена его словами.

— О, да, будет гораздо лучше подождать, пока Джейн выздоровеет. К тому же, очень может быть, что за это время в Меритон вернется капитан Картер. А после вашего бала, — добавила она, — заставлю их устроить свой. Прямо так и скажу полковнику Форстеру, что ему стыдно уклоняться.

После этого миссис Беннет и ее младшие дочери уехали, а Элизабет тотчас вернулась к Джейн, предоставив двум леди и мистеру Дарси возможность рассуждать без всяких помех о ней и ее родных. Впрочем, несмотря на все остроты мисс Бингли по поводу ее «очаровательных глазок», дамы так и не смогли заставить мистера Дарси что-нибудь в ней осудить.

Глава X

В остальном день прошел почти так же, как предыдущий. Миссис Хёрст и мисс Бингли провели в первой половине дня несколько часов у больной, которая продолжала мало-помалу поправляться. Вечером Элизабет спустилась в гостиную, где собралось остальное общество. На этот раз карточного столика там не было. Мистер Дарси писал письмо, а сидевшая рядом с ним мисс Бингли следила за его пером и постоянно отвлекала его внимание различными пожеланиями, которые она просила передать его сестре. Мистер Хёрст и мистер Бингли играли в пикет,^[26] а миссис Хёрст наблюдала за их игрой.

Элизабет, принявшись за шитье, испытала немалое удовольствие, прислушиваясь к тому, что происходило между Дарси и его соседкой. Непрерывные восторженные замечания леди по поводу его почерка, ровности строчек или размеров его письма и полное равнодушие, с которым принимались эти похвалы джентльменом, составили любопытный диалог и в точности соответствовали представлению, сложившемуся у Элизабет, о характерах его участников.

— Как этому письму обрадуется мисс Дарси!

Ответа не последовало.

— Вы пишете необыкновенно быстро.

— Вы ошибаетесь. Я пишу довольно медленно.

— Сколько писем приходится вам написать на протяжении года! Да еще деловые письма! Представляю себе, какое это изнурительное занятие.

— Что ж, ваше счастье, что оно досталось на мою долю.

— Ради бога, напишите вашей сестрице, как мне хочется ее повидать.

— Я уже написал раньше по вашей просьбе.

— По-моему у вас плохое перо. Дайте, я его вам очиню. Я научилась отлично чинить перья.

— Благодарю вас, но я всегда чиню перья сам.

— Как это вы ухитряетесь так ровно писать?

Он промолчал.

— Скажите вашей сестре, что меня очень обрадовали ее успехи в игре на арфе. И пожалуйста передайте, что я в восторге от ее прелестного рисуночка для скатерти и считаю его гораздо более удачным, чем рисунок мисс Грантли.

— Вы позволите отложить ваши восторги до следующего письма? Здесь у меня уже не осталось для них места, какого они заслуживают.

— О, пусть вас это не беспокоит. Я ведь увижусь с ней в январе. Скажите, вы ей всегда пишете такие восхитительно длинные письма, мистер Дарси?

— Да, они довольно пространные, но насколько они восхитительны, не мне судить.

— Мне кажется само собой разумеющимся, что человек, который способен с легкостью написать длинное письмо, не может написать его плохо.

— Для Дарси это не комплимент, Кэролайн, — вмешался ее брат, — письма даются ему не так-то легко. Слишком уж он старается все время выискивать четырехсложные словечки,^[27] — не правда ли, Дарси?

— Стиль моих писем, разумеется, отличается от вашего.

— О, — воскликнула мисс Бингли, — так небрежно, как пишет Чарлз, не пишет никто. Одну половину слов он пропускает, а вторую — зачеркивает.

— В моей голове мысли проносятся так стремительно, что я не успеваю их выразить. Оттого-то мои письма иной раз не доносят никаких мыслей до тех, кому они адресованы.

— Ваша скромность, мистер Бингли, — сказала Элизабет, — разоружила бы любого вашего критика.

— Нет ничего более обманчивого, — сказал Дарси, — чем показная скромность. Под ней часто скрывается равнодушие к посторонним мнениям, а иногда и замаскированная похвальба.^[28]

— Чем же вы назовете мое смиренное суждение?

— Разумеется, замаскированной похвальбой. Ведь в глубине души вы гордитесь недостатками своих писем. Вы считаете, что их порождает быстрота мысли и невнимательность исполнения — свойства, хоть и не похвальные, но все же не лишенные привлекательности. Способность делать что-либо быстро всегда высоко ценится ее обладателем, зачастую независимо от качества выполненного дела. Сегодня утром вы ведь хотели представить себя в весьма выгодном свете, заявив миссис Беннет, что не задержались бы в Незерфилде и пяти минут после того, как вам вздумалось бы его покинуть. А на самом деле, что особенно похвального в поспешности, из-за которой многие ваши дела остались бы незаконченными и от которой никакого проку нет ни вам самому, ни кому-то другому?

— Ну, это уж чересчур, — воскликнул Бингли, — упрекать вечером за вздор, сказанный поутру. Впрочем, клянусь честью, я верил в то, что говорил о себе тогда и продолжаю в это верить до этих пор. И уж, во всяком случае, я говорил о своей излишней торопливости вовсе не с тем, чтобы порисоваться перед дамами.

— Не сомневаюсь, что вы в это верили. Но я-то вовсе не убежден, что вы бы уехали с такой стремительностью. Ваше поведение точно так же зависело бы от обстоятельств, как и поведение любого другого человека. И если бы в тот момент, когда вы вскочили на коня, поблизости нашелся друг, который сказал бы: «Бингли, а не лучше ли вам на недельку задержаться?» — быть может, вы так бы и поступили и никуда бы не поехали — другими словами, застряли бы еще на целый месяц.

— Вы только доказали, — воскликнула Элизабет, — что мистер Бингли несправедлив сам к себе. И превознесли его гораздо больше, чем это сделал он сам.

— Мне очень приятно, что вы обращаете слова моего друга в похвалу мягкости моего характера, — сказал Бингли. — Но боюсь, что ваше толкование его слов прямо противоположно мысли, которую вкладывал в них Дарси. Он-то, разумеется, думает, что при таких обстоятельствах для меня лучше всего было бы наотрез отказаться и ускакать как можно быстрее.

— Разве мистер Дарси находит, что опрометчивость вашего первоначального решения искупалась бы упрямством, с которым вы его выполняли?

— Честное слово, мне трудно вам объяснить, в чем тут дело. Пусть лучше Дарси говорит за себя.

— Вы хотите, чтобы я защищал мнение, которое вы мне приписываете, но которого я не высказывал. Допустим, однако, что дело обстоит так, как вы говорите. Как вы помните, мисс Беннет, мы предположили, что друг, который захотел отсрочить отъезд, выразил только свое желание, просьбу и даже ничем этой просьбы не объяснил.

— А разве вы не видите заслуги в готовности легко уступить настояниям друга?

— Неразумная уступка не сделала бы чести умственным способностям обоих.

— Мне кажется, мистер Дарси, что вы недооцениваете влияние дружбы или привязанности. А между тем уважение к просителю нередко может заставить человека выполнить просьбу, даже не вникая в то, насколько она обоснована. Я не имею в виду тот случай, который вы предположили в отношении мистера Бингли. Мы можем подождать, пока в самом деле сложатся подобные обстоятельства и тогда уже судить о разумности его поступков. Но, говоря вообще, если бы друга попросили отказаться от не слишком важного шага, неужели вы бы его осудили за то, что он уступил, не дожидаясь логических доказательств?

— А уж не следует ли нам, прежде чем обсуждать дальше этот вопрос, поточнее определить значительность просьбы, так же, как и степень близости между друзьями?

— Совершенно необходимо! — воскликнул Бингли. — Давайте условимся обо всех мелочах, не забывая даже о росте и силе друзей, — это, мисс Беннет, может иметь гораздо большее значение, чем на первый взгляд кажется. Поверьте, если бы Дарси не выглядел по сравнению со мной таким великаном, я бы с ним гораздо меньше считался. При известных обстоятельствах и в определенных местах он, признаюсь, заставляет себя бояться, особенно в его собственном доме, да еще в воскресный вечер, когда ему нечего делать.

Дарси улыбнулся, но Элизабет почувствовала, что в глубине души он довольно сильно обижен, и сдержала улыбку. Мисс Бингли была глубоко возмущена нанесенным ему оскорблением, и разбранила брата за его глупую болтовню.

— Я разгадал ваш замысел, Бингли, — сказал его друг, — вам не нравится наш спор, и вы решили таким способом с ним покончить.

— Быть может. Споры слишком похожи на диспуты. Если вы и мисс Беннет отложите ваши пререкания до тех пор, пока я уйду из этой комнаты, я буду вам премного обязан. И тогда вы сможете говорить обо мне все, что вам вздумается.

— Ваша просьба, — сказала Элизабет, — не требует жертвы с моей стороны. А для мистера Дарси было бы гораздо лучше, если бы ему удалось закончить свое письмо.

Мистер Дарси воспользовался ее советом и дописал письмо до конца.

Освободившись, он попросил мисс Бингли и Элизабет немного развлечь компанию музыкой. Мисс Бингли устремила к фортепиано и, любезно предложив Элизабет выступить первой, от чего та столь же любезно, но более искренно отказалась, уселась за инструмент.

Миссис Хёрст пела вместе с сестрой. И пока обе они были заняты, Элизабет, перебирая разбросанные на инструменте ноты, невольно заметила, как часто останавливается на ней взор мистера Дарси. Она никак не могла предположить, что столь выдающийся человек ею любит. Вместе с тем, мысль о том, что он смотрит на нее именно потому, что она ему не нравится, казалась не менее дикой. В конце концов ей оставалось объяснить его внимание только тем, что среди присутствовавших в зале людей в ней он находил больше всего черт, не отвечающих его идеалам. Эта догадка нимало ее не огорчила. Он был ей настолько неприятен, что его мнением о себе она вовсе не дорожила.

Исполнив несколько итальянских арий, мисс Бингли для разнообразия начала играть веселую шотландскую мелодию. Почти тотчас же мистер Дарси подошел к Элизабет и сказал:

— А не желаете ли вы, мисс Беннет, воспользоваться случаем и протанцевать рил?^[29]

Она улыбнулась, ничего не ответив. Удивленный ее молчанием, он повторил свой вопрос.

— Я вас прекрасно расслышала, — сказала она. — Просто я не смогла сразу придумать ответ. Вам, конечно, хотелось, чтобы я приняла приглашение и тем самым дала вам желанный повод осудить мой вкус. Но я всегда любила разгадывать такого рода ловушки, лишая тех, кто их придумал, предвкушаемого удовольствия. Вот почему мне пришло в голову сказать, что я вообще терпеть не могу танцевать рил. А теперь осуждайте меня, если осмелитесь!

— Увы, за это я не мог бы вас осудить.

Элизабет, считавшая, что ее слова должны были его задеть, была удивлена его любезностью. Но прелестное лукавство, сквозившее в ее поведении, едва ли могло задеть кого бы то ни было. Дарси чувствовал, что он еще никогда не был так сильно очарован никакой другой женщиной. И ему было ясно, что если бы у Элизабет оказались более подходящие родственники, то его сердцу угрожала бы серьезная опасность.

Мисс Бингли заметила или заподозрила вполне достаточно, чтобы почувствовать ревность. Поэтому ее горячая забота о скорейшем выздоровлении ее дорогой подруги Джейн подкреплялась в ней желанием поскорее отделаться от ее сестры.

Она часто пыталась возбудить в душе Дарси неприязнь к Элизабет болтовней об их предполагаемой женитьбе и рассуждениями о том, насколько он будет счастлив в таком браке.

— Надеюсь, — сказала мисс Бингли, когда они на следующее утро прогуливались вдвоем по окаймленным кустами дорожкам около дома, — что после того, как столь желанное событие совершится, вам удастся намекнуть вашей теще, как бывает полезно иногда держать язык за зубами. А когда вы с этим справитесь — отучите младших сестер от привычки бегать за офицерами. И, если только мне позволено затронуть столь деликатную тему, постарайтесь избавить вашу избранницу от чего-то такого, что граничит с высокомерием и наглостью.

— Может быть, вы посоветуете мне еще что-нибудь полезное для моего семейного счастья?

— О, разумеется! Непременно повесьте портреты дяди и тети Филипс в галерею Пемберли. Где-нибудь рядом с портретом судьи — дяди вашего отца. Они ведь — представители одной и той же профессии,^[30] не правда ли, хотя и разных ее сторон? Что же касается портрета вашей Элизабет, то даже не пытайтесь его заказывать. Разве какой-нибудь художник сумеет достойно запечатлеть на полотне эти прелестные глазки?

— Их выражение в самом деле будет не так-то легко передать. Но их форму, цвет, удивительно длинные ресницы хороший художник сможет изобразить.

В эту минуту они встретились с самой Элизабет и миссис Хёрст, которые шли по другой дорожке.

— Я не знала, что вы собираетесь на прогулку, — воскликнула мисс Бингли, несколько обеспокоенная тем, что их могли подслушать.

— Как вам не стыдно! Убежали из дому, не сказав ни слова, — ответила миссис Хёрст.

И, уцепившись за свободную руку мистера Дарси, она предоставила Элизабет двигаться дальше одной, как ей заблагорассудится. Ширины дорожки как раз хватало для трех человек. Мистер Дарси, заметив ее бестактность, тотчас же сказал:

— Эта тропинка недостаточно широка для нашей компании. Давайте выйдем на аллею.

Однако Элизабет, которой очень хотелось от них отделаться, смеясь, ответила:

— Нет, нет, оставайтесь там, где находитесь! Вы образуете необыкновенно живописную группу. Гармония будет нарушена, если к вам присоединится четвертый. Прощайте!

И она с радостью убежала от них, довольная тем, что через день или два сможет, наконец, вернуться домой. Джейн чувствовала себя настолько хорошо, что уже в этот вечер собиралась ненадолго покинуть свою комнату.

Глава XI

Когда дамы после обеда вышли из-за стола, Элизабет поднялась к Джейн и, хорошенько ее закутав, спустилась с ней в гостиную, где больная была встречена множеством радостных возгласов своих подруг. За все время знакомства Элизабет с сестрами мистера Бингли они еще никогда не казались ей такими приветливыми, как в тот час, в течение которого дамы ждали прихода мужчин. Обе они великолепно поддерживали разговор, были способны подробно описать какое-нибудь развлечение, с юмором рассказать анекдот, с задором высмеять кого-нибудь из знакомых.

Однако, когда мужчины появились, Джейн сразу же отошла на второй план, взгляд мисс Бингли немедленно остановился на Дарси, и, прежде чем он сделал несколько шагов, она уже должна была ему что-то сказать. Подойдя к Джейн, Дарси любезно поздравил ее с выздоровлением. Мистер Хёрст также ей слегка поклонился, пробормотав что-то вроде: «Весьма рад». Зато приветствие Бингли было пылким и многоречивым. Он был полон забот и восторга. Первые полчаса он потратил на разведение огня в камине, чтобы Джейн не пострадала от перемены воздуха. По его желанию она перешла в кресло около камина, чтобы быть подальше от дверей. Затем он расположился подле нее и в течение всего вечера разговаривал почти только с ней. Элизабет, сидевшая за шитьем в противоположном углу, следила за всеми его хлопотами с большим удовлетворением.

После чая мистер Хёрст тщетно пытался напомнить своей невестке о карточном столике. Кэролайн было известно, что у мистера Дарси не было желания сесть за игру. Громкое обращение мистера Хёрста ко всем собравшимся было отклонено. Мисс Бингли ответила ему, что играть никому не хочется. И так как это подтверждалось общим молчанием, мистеру Хёрсту не оставалось ничего иного, как растянуться на диване и захрапеть. Дарси взял книгу, мисс Бингли сделала то же самое, а миссис Хёрст занялась тем, что стала перебирать свои браслеты и кольца, изредка вставляя словечко в разговор брата и Джейн.

Внимание мисс Бингли в равной степени было поглощено чтением собственной книги и наблюдением за тем, как читал свою книгу мистер Дарси. Она то и дело о чем-нибудь его спрашивала и заглядывала в раскрытую перед ним страницу. Однако вовлечь его в беседу ей не удавалось: он коротко отвечал на вопросы и продолжал читать. Наконец, совершенно обессиленная тщетными попытками сосредоточиться на собственной книге, выбранной только потому, что на полке она стояла рядом с томом, который читал Дарси, мисс Бингли, широко зевнув, сказала:

— Как приятно так провести вечер! Говоря откровенно, я не знаю удовольствий, подобных чтению. Насколько быстрее устаешь от всякого другого занятия! Когда я обзаведусь собственным домом, я буду чувствовать себя самым несчастным человеком, если у меня не окажется превосходной библиотеки.

Никто не ответил. Она зевнула еще раз, отшвырнула книгу и оглядела комнату в поисках какого-нибудь развлечения. Услышав, что брат говорит с мисс Беннет о бале, она повернулась к нему и неожиданно сказала:

— Между прочим, Чарлз, ты в самом деле намерен устраивать танцы в Незерфилде? Прежде чем принять решение, я бы советовала тебе узнать желание присутствующих. Должно быть, я не слишком ошибусь, если скажу, что среди нас может найтись кто-нибудь, кому бал едва ли доставит удовольствие.

— Ты, видимо, имеешь в виду Дарси, — ответил мистер Бингли. — Что ж, если ему будет угодно, он сможет отправиться спать. А что касается самого бала, то это — вопрос решенный. И как только все будет готово и Николс наготовит достаточно белого супа,^[31] я немедленно разошлю приглашения.

— Я бы любила балы гораздо больше, — сказала мисс Бингли, — если бы они устраивались по-другому. Нынешние балы невыносимо скучны. Насколько было бы полезнее, если бы танцы во время бала были заменены разумной беседой.

— Конечно, полезнее, дорогая. Но, осмелюсь сказать, это вряд ли было бы похоже на бал.

Мисс Бингли не снизошла до ответа и вскоре встала и начала прохаживаться по комнате. У нее была стройная фигура и красивая походка. Однако Дарси, для которого предназначалась демонстрация этих качеств, был по-прежнему поглощен чтением. В отчаянии она предприняла еще один маневр и, повернувшись к Элизабет, сказала:

— Мисс Элайза Беннет, разрешите предложить вам последовать моему примеру и немножко пройтись по комнате. Уверяю вас, что после того, как долго просидишь на одном месте, это действует очень ободряюще.

Элизабет удивилась, но сделала так, как ее просили. Мисс Бингли добилась успеха и в отношении истинного объекта своих маневров. Дарси поднял глаза. Проявление внимания мисс Бингли по этому адресу было для него не меньшей новостью, чем для самой Элизабет, и он бессознательно захлопнул книгу. Ему тотчас же предложили присоединиться к их компании, но он отказался. По его мнению, прогуливаться по комнате они могли только по двум причинам, причем в обоих случаях его участие сделалось бы для них помехой. — Что он хотел этим сказать? Она умирает от желания узнать, что он имеет в виду, — и мисс Бингли обратилась к Элизабет с вопросом, догадывается ли она, что бы это могло означать.

— Конечно, нет, — ответила она. — Но можете быть уверены, что чем-то он хотел нас задеть. И самый верный для нас способ вызвать разочарование мистера Дарси заключается в том, чтобы его ни о чем не спрашивать.

Мисс Бингли, однако, была неспособна чем бы то ни было вызвать разочарование мистера Дарси. Поэтому она продолжала настаивать, чтобы ей объяснили скрытый смысл его слов.

— Ничего не имею против, — сказал мистер Дарси, как только ему позволили говорить. — Вы либо выбрали этот способ препровождения времени, так как весьма доверяете друг другу и должны поделиться каким-то секретом, либо думаете, что ваша внешность особенно выигрывает, когда вы ходите. В первом случае я буду для вас помехой, во втором же я с гораздо большим успехом могу наслаждаться вашей красотой, сидя около камина.

— Какой ужас! — воскликнула мисс Бингли. — Я никогда в жизни не слышала ничего более дерзкого! Как наказать нам его за эти слова?

— Нет ничего проще, стоит только по-настоящему захотеть, — сказала Элизабет. — Мы все можем легко досадить друг другу. Дразните его, смейтесь над ним. Вы же с ним близкие друзья и должны знать его слабые места.

— Но, честное слово, я не знаю. Уверяю вас, наше знакомство меня этому не научило. Дразнить само хладнокровие и присутствие духа! Нет, нет, я чувствую, что из этого ничего не выйдет. Не захотим же мы выставлять себя дурочками, смеясь без всякого повода. О нет, мистер Дарси может быть спокоен.

— Разве над мистером Дарси нельзя смеяться? — удивилась Элизабет. — Какое редкое преимущество! Настолько редкое, что я надеюсь, оно навсегда останется исключением. Мне бы очень не повезло, если бы у меня оказалось много таких знакомых, — ведь я обожаю смешное.

— Мисс Бингли, — отвечал Дарси, — приписывает мне неуязвимость, которой я, к сожалению, не обладаю. Мудрейший и лучший из людей, нет, мудрейшие и самые благородные их действия могут быть высмеяны особами, у которых главная цель в жизни — насмешка.

— Конечно, такие люди бывают, — сказала Элизабет. — Но надеюсь, что я не принадлежу к их числу. Мне кажется, я никогда не высмеивала мудрость и благородство. Глупость и причуды, капризы и непоследовательность кажутся мне смешными, и я смеюсь над ними, когда мне это удастся. Но все это качества, от которых вы, по-видимому, совершенно избавились.

— Этого, наверно, никто не может достигнуть. Но на протяжении своей жизни я немало потрудился над тем, чтобы освободиться от недостатков, которые могут сделать смешным даже неглупого человека.

— Таких, например, как гордость и тщеславие?

— Да, тщеславие это, в самом деле, недостаток. Но гордость... Что ж, тот, кто обладает настоящим умом, может всегда сдерживать гордость в должных пределах.

Элизабет отвернулась, чтобы скрыть улыбку.

— Вы, как будто, уже успели разобраться в характере мистера Дарси, не так ли? — спросила мисс Бингли. — Мне очень хочется узнать ваше мнение.

— Что ж, я вполне убедилась, что мистер Дарси лишен недостатков. Да он этого и сам не скрывает.

— Подобных претензий, — ответил Дарси, — я не высказывал. Слабостей у меня вполне достаточно. Я только надеюсь, что от них избавлен мой ум. А вот за нрав свой я бы не поручился. Возможно, что я слишком мало уступчив — во всяком случае, с точки зрения удобства тех, кто меня окружает. Я не умею забывать глупость и пороки ближних так быстро, как следовало бы, так же, как и нанесенные обиды. Меня не так легко растрогать. Характер мой, вероятно, может быть назван мстительным. Если кто-нибудь лишается моего уважения, то уже навсегда.

— Вот это в самом деле серьезный порок! — воскликнула Элизабет. — Неумолимая мстительность — безусловно мрачная черта характера. Но вы хорошо выбрали свой недостаток. Я не способна над ним смеяться. Вы можете меня не бояться.

— Думаю, что каждому свойственна склонность к каким-то недостаткам, которая не может быть преодолена даже отличным воспитанием.

— Ваша слабость — это готовность ненавидеть людей.

— А ваша, — отвечал он с улыбкой, — намеренно их не понимать.

— Мне хочется немножко послушать музыку, — сказала мисс Бингли, устав прислушиваться к разговору, в котором она не принимала участия. — Луиза, ты не рассердишься, если я разбужу твоего мужа?

Ее сестра ничего не имела против, и она раскрыла фортепиано. Дарси, поразмыслив, не стал об этом жалеть, так как чувствовал, что уделяет Элизабет слишком много внимания.

Глава XII

Как было условлено между сестрами, Элизабет наутро написала матери, чтобы за ними в этот же день прислали экипаж. Миссис Беннет, однако, рассчитывала, что ее дочери останутся в Незерфилде до вторника,^{32} с тем, чтобы Джейн провела там целую неделю и поэтому не испытала никакого удовольствия оттого, что они собираются приехать раньше. Ее ответ поэтому оказался мало благоприятным — по крайней мере, для Элизабет, с нетерпением ждавшей возвращения домой. В письме говорилось, что миссис Беннет едва ли удастся послать экипаж раньше вторника, причем в постскриптуме добавлялось, что если мистер Бингли и его сестры станут уговаривать их остаться подольше, то она отлично обойдется без старших дочерей и более долгое время. Элизабет, однако, и думать не могла о задержке в Незерфилде — она даже не вполне была уверена в том, что их об этом попросят. Напротив, боясь, как бы не показалось, что их пребывание слишком затянулось, она стала уговаривать Джейн сразу же попросить экипаж у Бингли. В конце концов было решено сказать, что им хотелось бы вернуться домой в это же утро и одновременно обратиться с просьбой об экипаже.

Известие об их отъезде вызвало всеобщее огорчение. При этом была высказана уверенность, что для полного выздоровления больной им следует пробыть в Незерфилде еще хотя бы один день. Под конец сестры согласились задержаться до следующего утра. Мисс Бингли вскоре стала жалеть о том, что предложила отложить их отъезд, так как ревность и неприязнь, вызванные в ней одной из сестер, были гораздо сильнее ее привязанности ко второй.

Хозяин дома был искренно опечален сообщением о скорой разлуке и настойчиво доказывал мисс Беннет, что она еще не совсем поправилась для переезда. Но тщетно — Джейн, когда она была уверена в правильности своих действий, умела проявить твердость.

Мистер Дарси был доволен этим решением. Элизабет пробыла в Незерфилде достаточно долго. Чары ее действовали на него гораздо сильнее, чем ему бы хотелось. К тому же мисс Бингли была с ней чересчур резка, а к самому Дарси приставала чаще, чем в обычные дни. Он весьма мудро рассудил, что ему следует избегать всяческих знаков внимания по отношению к Элизабет, которые позволили бы ей заподозрить, что от нее может зависеть его счастье. При этом он сознавал, что если подобные догадки уже успели зародиться в ее голове, то их подтверждение в значительной степени зависит от того, как он себя поведет в последний день перед ее отъездом. Укрепившись в своем намерении, он сказал ей за всю субботу не более десятка слов, и, хотя им пришлось около получаса пробыть вдвоем в одной комнате, он в течение всего времени с таким усердием читал книгу, что даже не взглянул в ее сторону.

В воскресенье, сразу после утреннего богослужения, наступил, наконец, столь желанный для большинства момент разлуки. Любезность мисс Бингли к Элизабет, так же, как и ее привязанность к Джейн, перед самым отъездом заметно возросли. При расставании старшую сестру уверили в том, что встреча с ней — в Лонгборне или Незерфилде — всегда будет самым радостным событием. После того, как мисс Бингли нежнейшим образом обняла Джейн и даже протянула руку ее сестре, Элизабет рассталась со всей компанией в прекрасном расположении духа.

Мать встретила их не очень сердечно. Миссис Беннет была крайне удивлена их приездом, полагая, что они весьма неразумно причинили всем столько хлопот, и не сомневалась, что Джейн заболит опять. Отец, напротив, хотя и в весьма сдержанной форме, дал им понять, что он доволен их возвращением — ему сильно не хватало старших дочерей при семейных беседах. В отсутствие Джейн и Элизабет вечерние разговоры потеряли значительную часть своего остроумия и почти весь свой смысл.

Они застали Мэри, как обычно, погруженную в изучение музыкальной гармонии и основ человеческой природы и выслушали несколько новых цитат и нравоучительных изречений. Совсем в ином роде были сообщения Кэтрин и Лидии. С прошлой среды в полку произошло множество событий: несколько офицеров обедали у их дядюшки, был подвергнут телесному наказанию рядовой^[33] и распространились самые достоверные слухи о том, что полковник Форстер собирается жениться.

Глава XIII

— Надеюсь, моя дорогая, вы позаботились о том, чтобы у нас был сегодня приличный обед? — спросил на следующее утро за завтраком мистер Беннет. — Я полагаю, что за нашим столом должно появиться некое новое лицо.

— О ком вы говорите, друг мой? Насколько мне известно, никто к нам не собирается. Разве что заглянет Шарлот Лукас... Но для нее, я надеюсь, мои обеды всегда достаточно хороши. Не думаю, чтобы она особенно привыкла к подобному столу у себя дома.

— Я имею в виду одного приезжего джентльмена.

Глаза миссис Беннет заблестели.

— Приезжего джентльмена? Уверена, что это мистер Бингли! Ах, Джейн, лукавая девочка, как же ты раньше ничего не сказала? Ну что ж, я буду рада увидеть мистера Бингли. Но, боже мой, какой ужас! У нас не будет рыбного блюда. Лидия, душенька моя, позвони, пожалуйста. Необходимо сию же минуту отдать распоряжение миссис Хилл.

— Это вовсе не мистер Бингли, — отвечал ее муж. — Я жду человека, которого еще никогда в жизни не видел.

Слова эти вызвали общее удивление, и, к полному удовольствию мистера Беннета, все члены семейства засыпали его вопросами. Позабавившись всеобщим любопытством, он в конце концов дал следующее разъяснение:

— Около месяца тому назад я получил вот это письмо, на которое ответил две недели спустя. Дело казалось настолько тонким, что я предпочел его предварительно обдумать. Письмо написал мой кузен, мистер Коллинз, тот самый, который после моей смерти сможет выбросить вас из этого дома, как только ему заблагорассудится.

— Ах, мой друг, — воскликнула миссис Беннет, — и слышать о нем не желаю! Ради бога, не говорите об этом чудовище. Можно ли совершить что-нибудь более несправедливое, чем выгнать из принадлежащего вам имения ваших собственных детей? Я убеждена, что будь я на вашем месте, я бы уже давно постаралась что-нибудь предпринять.

Джейн и Элизабет попытались объяснить матери сущность закона о майорате.^[34] Подобные попытки делались ими и раньше. Но предмет этот выходил за пределы ее разума, и она

продолжала горько сетовать на жестокость законов, отнимающих дом у семьи с пятью дочерьми в пользу человека, до которого никому нет никакого дела.

— Это, конечно, крайне несправедливо, — сказал мистер Беннет. — И мистеру Коллинзу ничем не удастся снять с себя вины в наследовании Лонгборна. Однако, если вы позволите мне прочесть его послание, то, быть может, вас несколько примирит с ним тон, в котором оно написано.

— Уверена, что со мной этого не случится! Как вообще у него хватило наглости и лицемерия вам писать! Терпеть не могу этих фальшивых друзей! Уже лучше бы он враждовал с вами, подобно его отцу.

— Как вы услышите, он и впрямь ощущает некоторые сыновние обязательства в этом смысле:

«Хансфорд, около Уэстерхема, 15 октября

Дорогой сэр,

Недоразумения, существовавшие между Вами и моим высокочтимым покойным родителем, причиняли мне всегда много огорчений, и с тех пор, как я имел несчастье его потерять, я не раз испытывал желание преодолеть разделяющую нас пропасть. В течение некоторого времени меня все же одолевали сомнения, как бы я нечаянно не оскорбил память отца, установив хорошие отношения с теми, с кем ему было угодно находиться в размовке».

— Вот видите, миссис Беннет!

«Однако в настоящее время у меня созрело решение. Приняв на прошлую пасху пасторский сан, я оказался тем счастливым смертным, который удостоился прихода в поместье ее сиятельства⁽³⁶⁾ леди Кэтрин де Бёр, вдовы сэра Льюиса де Бёра. Благодаря щедрости и расположению этой леди, я стал священником здешнего прихода, в каковой роли моим самым искренним стремлением будет вести себя с подобающим уважением по отношению к ее сиятельству и осуществлять обряды и церемонии, предписанные пастырю англиканской церкви. В качестве служителя церкви я считаю также своим долгом сеять мир и благоволение среди всех семейств, на которых может простирается мое влияние. По этой причине я льщу себя надеждой, что Вы доброжелательно отнесетесь к моему настоящему изъявлению доброй воли и не отклоните протянутую мною оливковую ветвь, великодушно закрыв глаза на то, что я являюсь наследником Лонгборна. Я не могу без сожаления сознавать, что представляю собой невольное средство нанесения ущерба благополучию Ваших прелестных дочерей, и, позволяя себе принести им в этом свои извинения, спешу также заверить Вас в моей готовности сделать все от меня зависящее, чтобы как-то восполнить этот ущерб... Но об этом позднее. Если у Вас не будет возражений против моего визита, я доставлю себе удовольствие посетить Вас и Ваше семейство в понедельник 18-го ноября в четыре часа и, возможно, пользоваться Вашим гостеприимством до субботы на следующей неделе, — что я могу себе позволить без особых хлопот, так как леди Кэтрин отнюдь не возражает против того, чтобы я изредка отсутствовал в воскресенье, разумеется, если какое-нибудь другое духовное лицо выполнит за меня подобающие этому дню церковные обязанности.

Остаюсь, дорогой сэр, с почтительнейшим поклоном Вашей супруге и дочерям, Ваш доброжелатель и друг - Уильям Коллинз».

— Итак, в четыре часа мы можем ждать у себя этого миротворца, — сказал мистер Беннет, складывая письмо. — По-видимому, это необычайно добропорядочный и воспитанный молодой человек. Я полагаю, что мы будем дорожить этим знакомством, особенно если леди Кэтрин и впредь будет так любезно отпускать его в наши края.

— В том, что он пишет о наших девочках, есть все же какой-то смысл. Если он хочет что-то для них сделать, я не собираюсь его от этого отговаривать.

— Трудно представить, — сказала Джейн, — как это он думает восполнить наносимый им ущерб. Но уже одно такое желание делает ему честь.

Элизабет больше всего бросилось в глаза его крайнее почтение к леди Кэтрин и добрые намерения крестить, венчать и хоронить, по мере необходимости, свою паству.

— Ну и диковина, должно быть, этот наш троюродный братец, — сказала она. — Сразу его даже и не раскусишь. Что за напыщенный слог! И для чего он вздумал извиняться в своих наследственных правах? Трудно поверить, чтобы он нам помог, даже если бы он был на это способен. Вы думаете — он человек разумный?

— Нет, моя дорогая, совсем не думаю. Я надеюсь на нечто прямо противоположное. Письмо его — такая смесь раболепия и самодовольства, которая служит отличным предзнаменованием. Поэтому-то мне очень интересно на него посмотреть.

— Что касается стиля, — сказала Мэри, — то его письмо безукоризненно. Идея об оливковой ветви, пожалуй, не блещет новизной, но выражена не плохо.

Для Кэтрин и Лидии письмо и его автор не представляли ни малейшего интереса. Нельзя было ожидать, что кузен появится в красном мундире, а за последние недели общество мужчин в одежде другого цвета не доставляло им никакого удовольствия. Вместе с тем прочитанное письмо настолько рассеяло в душе миссис Беннет недоброжелательство по отношению к мистеру Коллинзу, что она охотно стала готовиться к встрече, чем немало удивила мужа и дочерей.

Мистер Коллинз прибыл точно в назначенное время и был принят всей семьей с большим радушием. Хозяин дома, правда, ограничился лишь кратким приветствием, но дамы были достаточно словоохотливы, а мистер Коллинз не нуждался в ободрении и не отличался молчаливостью. Он оказался полным и высоким молодым человеком лет двадцати пяти, важного вида и солидного поведения. Не прошло и нескольких минут знакомства, как он уже преподнес миссис Беннет комплимент по поводу необычайной красоты ее дочерей, о которой он уже столько слышал. При этом он признался, что в данном случае молва даже преуменьшила их истинные достоинства и выразил уверенность, что они достаточно быстро сделают прекрасные партии. Такая галантность пришлась, правда, не совсем по вкусу некоторым из его слушателей. Но миссис Беннет, которой всякий комплимент доставлял удовольствие, приняла его весьма благосклонно.

— Вы в самом деле, сэр, очень добры. Я всей душой желаю, чтобы ваше предсказание сбылось, — иначе их ждет печальная судьба. Обстоятельства сложились так нелепо!..

— Быть может, вы имеете в виду мои наследственные права?

— О, сэр, разумеется! Вы сами понимаете, как это ужасно для моих бедных девочек. Я ведь вовсе не считаю вас виноватым — такие вещи зависят только от случая. Когда имение переходит по мужской линии, оно может достаться кому угодно.

— Я, сударыня, вполне сочувствую несчастью моих прелестных кузин и мог бы не мало сказать по этому поводу. Однако, чтобы не опережать событий, пока что я воздержусь. Могу все же заверить молодых леди, что я прибыл сюда, готовый восхищаться их красотой. Сейчас я ничего к этому не прибавлю, но когда мы познакомимся поближе...

Тут его речь была прервана приглашением к обеду. Барышни пересмеивались друг с другом. Их красота была не единственным предметом восхищения мистера Коллинза. Гостиная, столовая, обстановка, все подверглось внимательному осмотру и получило высокую оценку. Похвалы эти,

несомненно, тронули бы миссис Беннет, если бы ее душу не леденила мысль, что мистер Коллинз смотрит на все, как на свою будущую собственность. Обед, в свою очередь, вызвал поток самых восторженных отзывов, причем мистер Коллинз пожелал узнать, кулинарным способностям какой из своих кузин они обязаны столь отменным угощением. Однако тут хозяйка дома водворила гостя на место, заверив его с достоинством, что она вполне может держать хорошего повара и что ее дочерям нечего делать на кухне. Гость не преминул попросить у нее прощения за допущенную оплошность, и миссис Беннет, смягчившись, сказала, что нисколько на него не обиделась. Однако мистер Коллинз еще в течение четверти часа продолжал извиняться.

Глава XIV

На протяжении всего обеда мистер Беннет почти ни с кем не разговаривал. Но когда прислуга удалилась, он решил, что для беседы с гостем наступило подходящее время. Коснувшись темы, которая несомненно должна была воспламенить мистера Коллинза, он заметил, что последний, по-видимому, очень доволен своей патронессой. Сочувствие леди Кэтрин де Бёр всем его желаниям и ее забота о комфорте мистера Коллинза кажутся, на первый взгляд, из ряда вон выходящими. Мистер Беннет едва ли мог найти более удачный предмет для разговора. Гость говорил о леди де Бёр с величайшим восторгом. Тема эта сделала его слог необычно высокопарным даже для него самого. С полной убежденностью он объявил, что за всю жизнь ему не приходилось наблюдать подобного поведения высокопоставленных особ — такой снисходительности и благосклонности, с какими отнеслась к нему леди Кэтрин. Она милостиво одобрила обе его проповеди, которые он уже имел честь произнести в ее присутствии. Дважды она пригласила его к обеду в Розингсе и всего только неделю назад присылала за ним, чтобы он принял участие в ее вечерней игре в кадрили.^[37] Многие, как известно, находят, что леди Кэтрин не в меру горда. Однако по отношению к нему она всегда была необыкновенно приветлива. Ее сиятельство всегда разговаривала с ним так же, как с любым другим порядочным человеком. Она ничуть не возражала ни против его знакомства с окрестным обществом, ни против того, чтобы он время от времени оставлял на неделю-другую свой приход ради визита к родственникам. Она даже снизошла до того, что порекомендовала ему по возможности поскорее жениться, конечно, с подобающей осмотрительностью и однажды посетила мистера Коллинза в его скромной обители. Там она вполне одобрила все предпринятые им усовершенствования и даже снабдила его кое-какими советами по части устройства полок в каморке на втором этаже.

— Все это необыкновенно похвально с ее стороны и, разумеется, крайне любезно, — заметила миссис Беннет. — Осмелюсь сказать, что это, должно быть, чрезвычайно приятная женщина. Как жаль, что большинство важных дам на нее не похожи! И она живет, сэр, неподалеку от вас?

— Сад, в котором находится мое скромное обиталище, только одной аллеей отделен от Розингс Парка^[38] — резиденции ее сиятельства.

— Вы как будто сказали, что она — вдова, сэр? Есть ли у нее дети?

— У нее всего одна дочь — наследница Розингса, весьма значительного имения.

— Увы, — воскликнула миссис Беннет, покачав головой. — В таком случае она гораздо счастливее многих других барышень. А что собой представляет эта благородная особа? Хороша ли она?

— Воистину это — очаровательнейшая юная леди! Ее мать, леди Кэтрин, сама говорит, что по части красоты мисс де Бёр намного превзошла других прелестнейших представительниц своего пола, так как в ней есть что-то такое, что сразу отличает молодую особу высокого происхождения. К несчастью, у нее довольно слабое сложение, которое помешало ей преуспеть во многих искусствах.

По мнению дамы, занимавшейся ее воспитанием, мисс де Бёр пошла бы весьма далеко, будь только она покрепче здоровьем. И она настолько мила, что нередко удостаивает своим посещением мою скромную обитель, когда выезжает на прогулку в своем запряженном пони маленьком фаэтоне.

— А она уже была представлена ко двору? Я почему-то не встречала ее имени в списках придворных дам.^{39}

— Увы, здоровье, к несчастью, не позволяет ей переселиться в город. Это обстоятельство, как я однажды уже заметил самой леди Кэтрин, лишило двор Британии его лучшего украшения. Ее сиятельству очень понравилось мое замечание. Можете себе представить, я часто прибегаю к такого рода изящным комплиментам, которые столь нравятся дамам. Например, я не раз говаривал леди Кэтрин, что ее прелестная дочь рождена, чтобы стать герцогиней и украсить собой любое место, которое само украсило бы всякую другую леди. Я считаю священным долгом свидетельствовать подобными приятными мелочами свое внимание к ее сиятельству.

— Вы рассуждаете весьма здраво, — сказал мистер Беннет. — И ваше счастье, что вы обладаете талантом льстить с такой деликатностью. А позвольте спросить, — рождаются ли у вас эти приятные свидетельства внимания в результате мгновенного проблеска мысли или вы их придумываете заблаговременно?

— Обычно они всегда имеют отношение к происходящему. И хотя иногда, ради развлечения, я на досуге занимаюсь изобретением элегантных маленьких сюрпризов, которые могут подойти к различным случаям жизни, но, преподнося их, я всегда стараюсь придать им форму экспромта.

Ожидания мистера Беннета целиком подтвердились. Глупость кузена вполне оправдала его надежды. И, слушая гостя с серьезнейшим выражением лица, он от души развлекался. При этом, если не считать редких случаев, когда он бросал взгляд на Элизабет, он вовсе не нуждался в партнере, с которым мог бы разделить удовольствие.

Ко времени вечернего чаепития принятая им доза оказалась, однако, уже настолько значительной, что мистер Беннет был рад спровадить своего кузена в гостиную и попросить его почитать что-нибудь дамам. Мистер Коллинз с готовностью согласился, и ему была принесена книга. Однако, взглянув на заглавие (легко было видеть, что это — книга из общественной библиотеки^{40}), он сразу же от нее отпрянул и, попросив прощения, заявил, что никогда не читает романов. Китти изумленно на него уставилась, а Лидия даже от удивления вскрикнула. Были извлечены другие книги, и после некоторого раздумья он остановился на проповедях Фордайса.^{41} Как только том был раскрыт, Лидию одолела зевота. И не успел он прочесть монотонным голосом трех страниц, как она воскликнула, перебив его на полуслове:

— Вы слышали, мама, дядя Филипп хочет уволить Ричарда? Если он на это решится, Ричарда тут же возьмет к себе полковник Форстер. Мне об этом в субботу сказала тетюшка. Нужно будет завтра же сходить в Меритон и расспросить обо всем поподробнее. А заодно и узнать, когда же вернется из города мистер Денни.

Две старшие сестры попросили Лидию придержать язык, но мистер Коллинз, оскорбленный до глубины души, отложил книгу и сказал:

— Мне часто приходилось наблюдать, как мало интересуют молодых леди книги серьезного содержания, написанные, увы, для их же пользы. И, признаюсь, меня это удивляет. В самом деле, могло ли быть для них что-нибудь благотворнее хорошего нравоучения! Но я больше не стану утруждать слух моих юных кузин... — и, повернувшись к мистеру Беннету, он предложил ему сыграть партию в трик-трак.^{42} Мистер Беннет принял приглашение, заметив, что кузен поступает весьма разумно, предоставляя девочкам заниматься своими пустячными развлечениями. Миссис Беннет и ее дочери самым искренним образом извинились за выходку Лидии, обещая, если он

возобновит чтение, впредь не допустить ничего подобного. Однако, заверив, что он не затаил против юной кузины ни малейшей обиды и что ее поступок вовсе не был для него оскорбителен, мистер Коллинз уселся с мистером Беннетом за другой столик и приготовился к игре.

Глава XV

Мистер Коллинз не был одаренной натурой. Вместе с тем его природные недостатки были мало исправлены воспитанием и общением с людьми. Большую часть жизни он провел под надзором отца — человека необразованного и мелочного. Находясь в университете, он прослушал курсы наук, но не завел каких-нибудь полезных знакомств. Подавленный отцовским воспитанием, первоначально привившим его характеру раболепие, позднее он приобрел самодовольство недалекого человека, который живет сам по себе и неожиданно рано преуспел в жизни. Благодаря счастливой случайности он подвернулся вдове сэра Льюиса де Бёра в тот момент, когда освободился хансфордский приход. Почтение к ее высокому рангу, благоговение перед личностью патронессы и вместе с тем высокое мнение о собственной персоне, авторитете священнослужителя и правах главы церковного прихода сделали из него человека, в характере которого своеобразно сочетались высокомерие и угодничество, самодовольство и униженность.

Обзаведясь приличным жильем и вполне достаточным доходом, он возымел намерение жениться. В поисках же примирения с семьей мистера Беннета он задумал взять себе в жены одну из его дочерей, при условии, если знакомство с ними подтвердит дошедшие до него сведения об их красоте и благонравии. В этом-то и заключался его план восполнения ущерба, который наносился семье Беннет его наследственными правами. Сам мистер Коллинз считал, что ему пришел в голову необыкновенно удачный и для всех приемлемый план, который свидетельствовал в то же время о его великодушии, ибо не представлял для него никакой личной выгоды.

План этот не изменился после того, как он познакомился с семьей своего родственника. Созерцание прелестного личика мисс Беннет старшей, напротив, укрепило мистера Коллинза в его намерениях, подтвердив в то же время его строгие взгляды на права, связанные со старшинством. Таким образом, на протяжении первого вечера его избранницей сделалась Джейн. Следующее утро, однако, внесло в его планы некоторую поправку. Перед завтраком он провел четверть часа *tête-à-tête*[2] с миссис Беннет. Беседа между ними коснулась пасторского дома в Хансфорде и, естественным образом, перешла к надежде мистера Коллинза найти будущую хозяйку этого дома в Лонгборне. И среди приятнейших улыбок, свидетельствовавших, что она, вообще говоря, вполне одобряет его намерения, миссис Беннет смогла все же предостеречь гостя в отношении той своей дочери, на которой он было остановил свой выбор. «Она-де ничего не может позволить себе сказать в отношении младших девочек, — быть может, она недостаточно осведомлена, — но ей неизвестно о существовании у них каких-либо душевных привязанностей. Что же касается старшей дочери, — она просто должна упомянуть об этом, так как чувствует себя этим обязанной по отношению к Джейн, — весьма вероятно, что в скором времени она будет обручена».

Мистеру Коллинзу потребовалось только сменить одну сестру на другую. И это было сделано тотчас же, за то время, пока миссис Беннет перемешивала угли в камине. Почти равная Джейн годами и внешностью, Элизабет стала естественной преемницей прав старшей сестры.

Миссис Беннет высоко оценила намерения, на которые намекал мистер Коллинз, поверив, что в скором времени у нее будет две замужних дочери. И человек, имени которого она еще накануне не могла слышать, приобрел теперь ее полное расположение.

Лидия не забыла о своем желании отправиться в Меритон, и вместе с нею решили прогуляться также все ее сестры, кроме Мэри. По просьбе мистера Беннета мистер Коллинз должен был их

сопровождать. Хозяину дома очень хотелось от него избавиться и получить в свое распоряжение библиотеку, куда гость последовал за ним после завтрака и где, якобы заинтересованный одним из самых толстых томов, он почти без перерыва докучал своему родственнику болтовней о доме и саде в Хансфорде. Такое поведение кузена совершенно вывело мистера Беннета из терпения. В библиотеке он всегда рассчитывал найти покой и тишину. И хотя, как мистер Беннет признавался Элизабет, он постоянно был готов столкнуться с проявлениями глупости и самодовольства в любой другой части дома, здесь он привык от них отдыхать. Поэтому предложение совершить прогулку с девицами Беннет было высказано мистеру Коллинзу самым настоятельным образом. Более расположенный к прогулке, чем к чтению, мистер Коллинз с неменьшей охотой это предложение принял и тут же захлопнул свою огромную книгу.

Разговор по пути в Меритон почти все время поддерживал один мистер Коллинз, высокопарная болтовня которого лишь изредка прерывалась вежливыми замечаниями его кузин. Однако, очутившись в городке, младшие сестры совершенно перестали обращать на него внимание и принялись поглядывать во все стороны в поисках офицеров, так что отвлечь их от этого занятия мог только выставленный в окне лавки особенно модный чепчик или образчик только что привезенной кисеи.

Внимание девиц вскоре привлек неизвестный молодой человек благородной наружности, который прогуливался вместе с каким-то офицером по противоположной стороне улицы. Когда они поравнялись, офицер поклонился. Это был сам мистер Денни, о приезде которого Лидия хотела разузнать в Меритоне. Его спутник произвел на дам неотразимое впечатление, и они принялись разгадывать, кто бы это такой мог оказаться. Китти и Лидия решили выяснить это по возможности тотчас же и пересекли улицу, как бы направляясь в находившуюся неподалеку лавку. Им посчастливилось перейти на другую сторону как раз в ту минуту, когда два молодых человека, повернув назад, подошли к тому же самому месту. Мистер Денни сразу заговорил, попросив разрешения представить своего друга, мистера Уикхема, который прибыл с ним накануне в Меритон и, к удовольствию говорившего, был зачислен в их полк. Все складывалось необыкновенно удачно, ибо чтобы стать окончательно неотразимым, молодому человеку не хватало только полкового мундира. Внешность его вполне располагала в его пользу. В ней все было хорошо: правильные черты лица, отличная фигура, приятные манеры. Представленный дамам, он сразу обнаружил счастливую склонность к непринужденной беседе и при этом в его готовности не чувствовалось ни малейшей искусственности. Компания продолжала стоять, любезно болтая, когда послышалось цоканье копыт и вдали показались скакавшие вдоль улицы Дарси и Бингли. Увидев знакомых дам, всадники подъехали ближе и засвидетельствовали им свое почтение. Говорил главным образом Бингли, речь которого почти целиком была обращена к старшей мисс Беннет. По его словам, они направлялись в Лонгборн, чтобы осведомиться о ее здоровье. Мистер Дарси подтвердил это кивком головы и, вспомнив о своем намерении не засматриваться на Элизабет, внезапно остановил взгляд на незнакомце. Элизабет, которая в это время случайно на них посмотрела, была поражена действием этой встречи на того и другого: оба изменились в лице — один побледнел, другой покраснел. Через несколько секунд мистер Уикхем притронулся рукой к шляпе — приветствие, на которое мистер Дарси едва ответил. Что бы это могло означать? Нельзя было придумать никакого объяснения. И также невозможно было удержаться от желания проникнуть в скрывавшуюся за этим тайну.

Через минуту мистер Бингли попрощался и усакал со своим другом, как будто так и не заметив происшедшего.

Мистер Денни и мистер Уикхем проводили молодых леди до дома мистера Филиппа и здесь раскланялись с ними, несмотря на настойчивые приглашения Лидии зайти в дом, поддержанные громкими восклицаниями высунувшейся из окна миссис Филипп.

Эта дама всегда была рада видеть своих племянниц. А недавнее долгое отсутствие двух старших мисс Беннет делало приход Джейн и Элизабет особенно желанным. Она тут же стала говорить о том, как удивило ее их раннее возвращение в Лонгборн. Они вернулись в чужом экипаже, и миссис Филипс могла бы об этом ничего не узнать, не попадись ей на улице мальчишка из аптеки мистера Джонса, который сказал, что он больше не носит лекарств в Незерфилд, так как обе мисс Беннет оттуда уехали. В эту минуту ее внимание было привлечено к мистеру Коллинзу, которого ей представила Джейн. Миссис Филипс встретила его самым любезным образом, на что гость отвечал еще более любезно. Извиняясь за то, что он вторгся в дом, не имея чести быть с ней знакомым, мистер Коллинз льстил себя надеждой, что его поступок может быть все же оправдан родством с молодыми леди, представившими его ее вниманию. Миссис Филипс почувствовала благоговение перед столь воспитанным гостем. Однако ее тут же отвлекли от одного незнакомца расспросами относительно другого, о котором она, увы, могла сообщить своим племянницам только уже им известные сведения: что его привез из Лондона мистер Денни и что он собирается вступить лейтенантом в ***ширский полк. По ее словам, она вела наблюдения за ним уже в течение часа, пока он разгуливал по их улице, и если бы мистер Уикхем снова оказался перед окнами, Китти и Лидия, несомненно, тотчас бы продолжили это занятие. К несчастью, однако, на улице не появилось больше никого, кроме одного-двух офицеров, которые, по сравнению с заинтересовавшим их человеком, показались «невзрачными и не стоящими внимания». Кое-кто из полка должен был на следующий день прийти к Филипсам, и тетушка взялась уговорить мужа, чтобы он позвал также мистера Уикхема, если к ней приедут ее родственники из Лонгборна. Приглашение было немедленно принято, и миссис Филипс обещала, что они смогут весело поиграть в лото, прежде чем будет подан легкий горячий ужин.^[43] Все были очень обрадованы ожиданием столь приятных развлечений и расстались весьма довольные друг другом. Перед уходом мистер Коллинз снова принес свои извинения, которые были любезно отклонены хозяйкой дома.

По пути в Лонгборн Элизабет рассказала Джейн, что произошло на ее глазах между двумя молодыми людьми. Но так как ее сестра была готова защищать каждого из них в отдельности и обоих одновременно от любого возможного обвинения, то ей понять эту сцену было еще труднее.

Мистер Коллинз доставил большое удовольствие их матери восхвалениями манер и любезности миссис Филипс. Если не считать леди Кэтрин и мисс де Бёр, он, по его мнению, еще никогда не встречал более благовоспитанной дамы. Мало того, что она так любезно приняла его в своем доме. Она пригласила его еще и на завтрашний вечер, хотя до сих пор он не имел чести быть с ней знакомым. В какой-то степени это объяснялось его родством с семьей Беннет, но все же ему никогда еще не приходилось видеть подобного внимания к своей особе.

Глава XVI

Поскольку желание всех мисс Беннет отправиться к тетушке было одобрено их родителями, а опасения мистера Коллинза покинуть на один вечер хозяина и хозяйку дома были решительно отклонены, карета в надлежащее время доставила молодого человека и его пять кузин в Меритон. По прибытии барышни с удовольствием узнали, что мистер Уикхем принял приглашение мистера Филипса и уже находится среди гостей.

Когда, выслушав это сообщение, все вступили в гостиную и расселись по местам, мистер Коллинз обрел наконец возможность осмотреться и прийти в восторг от своих наблюдений. По его словам, он был настолько поражен величиной зала и обстановкой, что мог вообразить себя находящимся в маленькой летней комнате для завтрака в самом Розингсе.

Такое сравнение на первый взгляд показалось миссис Филипс не особенно лестным. Однако когда он дал ей понять, что собой представляет Розингс и кому принадлежит это поместье, когда она услышала описание лишь одной из гостиных в доме леди Кэтрин и узнала, что только камин в ней обошелся владелице в восемьсот фунтов, миссис Филипс смогла оценить значение преподнесенного ей комплимента в такой мере, что вряд ли была бы даже обижена сравнением своего самого парадного зала с комнатой дворецкого в доме патронессы его преподобия.

Описывая величие леди Кэтрин и ее владений и позволяя себе изредка вставить словечко о собственном скромном обиталище и предпринятых в нем усовершенствованиях, мистер Коллинз весьма приятно провел время до прихода мужчин. В лице миссис Филипс он нашел самого внимательного слушателя. Мнение этой дамы о его персоне возрастало с каждым словом рассказчика вместе с желанием как можно скорее поделиться полученными сведениями со своими знакомыми. Для девиц, которым уже надоело слушать кузена и которым не оставалось ничего другого, как с нетерпением ждать музыки и рассматривать собственные посредственные имитации китайских рисунков на камине, время тянулось гораздо медленнее. Но вот, наконец, минуты ожидания миновали. Появились мужчины, и когда Уикхем вошел в комнату, Элизабет стало ясно, что она смотрела на него при первой встрече и думала о нем впоследствии не без некоторого бессознательного восхищения. Офицеры ***ширского полка были в большинстве достойными молодыми людьми, из которых на вечере присутствовали самые избранные. Однако мистер Уикхем настолько же превосходил любого из них своим видом, фигурой, манерами и походкой, насколько сами они выгодно отличались от вошедшего следом за ними выдыхавшего пары портвейна, располневшего и обрюзгшего дядюшки Филипса.

Мистер Уикхем был тем счастливым представителем мужского пола, к которому обратились глаза всех присутствовавших в зале дам. А Элизабет оказалась среди них той счастливицей, возле которой он в конце концов нашел себе место. Усевшись, он тотчас же вступил с ней в беседу, приятнейший характер которой, хотя она и касалась всего-навсего сырости вечера и приближения дождливой погоды, позволил ей почувствовать, что самая скучная и избитая тема может приобрести значительность при надлежащем искусстве собеседника.

Такие соперники в борьбе за внимание со стороны прекрасного пола, как мистер Уикхем и его приятели-офицеры, заставили мистера Коллинза почти совсем стушеваться. Для молодых леди он и в самом деле попросту перестал существовать. Однако время от времени он все же обретал внимательного слушателя в лице миссис Филипс и благодаря ее заботам не испытывал недостатка в кофе и булочках.

Когда были расставлены карточные столы, он получил возможность в свою очередь оказать ей любезность, приняв участие в игре.

— Я еще пока недостаточно опытный партнер, — сказал он, — но мне необходимо усовершенствоваться. Ибо при моем положении в жизни...

Миссис Филипс была ему очень признательна за принятое приглашение, но не смогла дослушать его до конца.

Мистер Уикхем не играл в вист^[44] и был с восторгом принят за другим столом, где он сел между Лидией и Элизабет. Вначале существовала опасность, что способная безумолку болтать Лидия завладеет им полностью. Однако игра интересовала ее ничуть не меньше. И вскоре она настолько ей увлеклась и с таким жаром начала выкрикивать ставки и выигрыши, что перестала обращать внимание на кого бы то ни было. Благодаря этому мистер Уикхем получил возможность, насколько позволяла игра, разговаривать с Элизабет, которая слушала его с большой охотой, хотя и не надеялась, что разговор коснется предмета, интересовавшего ее больше всего — его знакомства с мистером Дарси. Она даже не смела назвать имени этого человека. Совершенно неожиданно,

однако, ее любопытство было удовлетворено. Мистер Уикхем сам коснулся этой темы. Осведомившись о расстоянии между Незерфилдом и Меритонем и получив ответ на этот вопрос, он с некоторой неуверенностью спросил, давно ли здесь находится мистер Дарси.

— Около месяца, — сказала Элизабет. И, не желая упустить волновавшую ее тему, добавила: — У него, я слышала, большое имение в Дербишире?

— О, да, — ответил Уикхем, — отличное поместье — чистых десять тысяч годовых! Вряд ли вы могли встретить кого-нибудь, кроме меня, кто дал бы вам на этот счет более точные сведения. С его семейством я связан известным образом с раннего детства.

Элизабет не могла не выразить своего удивления.

— Еще бы вам не удивляться, мисс Беннет! Должны же вы были вчера заметить, как холодно мы с ним встретились. Вы с ним близко знакомы?

— Ровно настолько, чтобы не желать знакомства более близкого! — с чувством ответила Элизабет. — Мне довелось провести с ним под одной кровлей четыре дня и он показался мне человеком весьма неприятным.

— Не смею судить — приятный или неприятный он человек, — сказал Уикхем. — Мне даже не подобает иметь такого мнения. Слишком долго и хорошо я его знаю, чтобы быть беспристрастным судьей. И все же мне кажется, что ваше мнение о Дарси удивило бы многих. Быть может, где-нибудь в другом месте вы бы его даже не высказали. Здесь, конечно, другое дело. Вы находитесь среди своих...

— Честное слово, я не сказала ничего, что не смогла бы повторить в любом доме нашей округи, за исключением Незерфилда. Он никому в Хартфордшире не нравится. Гордость этого человека оттолкнула от него решительно всех. И едва ли вы найдете кого-нибудь, кто отозвался бы о мистере Дарси лучше, чем я.

— Не стану прикидываться огорченным, что мистера Дарси или кого бы то ни было оценивают по заслугам, — сказал после небольшой паузы мистер Уикхем. — Однако с мистером Дарси это случается довольно редко. Мир обычно бывает ослеплен его богатством и властью или подавлен его высокомерными и внушительными манерами. И его видят таким, каким он желает выглядеть сам.

— Даже поверхностное знакомство позволило мне почувствовать, насколько у него тяжелый характер.

Уикхем только покачал головой.

Когда ему удалось снова заговорить с Элизабет, он спросил:

— И долго мистер Дарси собирается пробыть в этих местах?

— Вот уж не знаю. Когда я была в Незерфилде, об его отъезде ничего не говорили. Надеюсь, что его пребывание по соседству не отразится на вашем намерении поступить в ***ширский полк?

— О нет! Мне незачем уступать ему дорогу. Пусть сам убирается, если не хочет со мной встречаться. Мы не состоим в дружеских отношениях, и мне всегда тяжело его видеть. Но других причин избегать его, кроме тех, которые я могу открыть всему свету, не существует. Прежде всего это сознание причиненной мне жестокой обиды. А еще — мне мучительно больно оттого, что он сделался таким человеком. Его отца, покойного мистера Дарси, я считал лучшим из людей. Он был моим самым близким другом. И меня мучают тысячи трогательнейших воспоминаний, когда судьба сталкивает

нас с молодым мистером Дарси. Он причинил мне немало зла. Но я все бы ему простил, если бы он не опозорил память отца и не обманул так сильно его надежд.

Элизабет слушала его, затаив дыхание, чувствуя, что разговор захватывает ее все больше и больше. Однако деликатность темы помешала ее расспросам.

Мистер Уикхем перешел к предметам более общим: городу Меритону, его окрестностям и, наконец, к его жителям. Одобрив все, что ему удалось повидать, он особенно тонко, но вполне ощутимо похвалил местное общество.

— При поступлении в ***ширский полк я прежде всего имел в виду завести здесь постоянные и притом приятные дружеские связи. Я знал, что это — прославленная и достойная войсковая часть. Но мой друг Денни особенно соблазнял меня своими рассказами о городе, в котором полк в настоящее время расквартирован. Сколько внимания проявляют здесь к офицерам! И как много приобрели они здесь приятных знакомств! Да, общество, признаюсь, мне необходимо. Я — человек, разочарованный в жизни, и душа моя не терпит одиночества. У меня непременно должны быть занятия и общество. Меня не готовили к военной карьере. Но, волею обстоятельств, теперь это — лучшее, на что я могу рассчитывать. Увы, моей сферой должна была стать церковь. Меня воспитывали для духовной стези. И я бы уже располагал отличным приходом, будь это угодно джентльмену, которого мы упомянули в нашей беседе.

— Неужели это возможно?

— О да, покойный мистер Дарси предназначал для меня лучший приход в своих владениях — сразу же после того, как в нем должна была открыться вакансия. Он был моим крестным отцом и просто души во мне не чаял. Заботы его обо мне не поддаются описанию. Он так хотел меня обеспечить и был спокоен, что ему это удалось! Но вот приход освободился и... достался другому.

— Боже правый! — воскликнула Элизабет. — Но это неслыханно! Как мог мистер Дарси пренебречь волей родного отца?! И вы для защиты своих прав не обратились к закону?

— Формальные недоговоренности в завещании не позволили мне опереться на закон. Человек чести не усомнился бы в воле покойного, но мистер Дарси предпочел подвергнуть ее сомнению. Эту часть завещания он объявил только условной рекомендацией, и осмелился утверждать, что я утратил свои права из-за моего легкомыслия, моей расточительности, короче говоря, — решительно всех пороков или же попросту никаких. Верно лишь то, что два года тому назад приход оказался свободным, — как раз тогда, когда я по возрасту мог этим воспользоваться, — но я его не получил. И столь же верно, что я не могу обвинить себя в каком-нибудь проступке, из-за которого я должен был бы его лишиться. У меня горячий, несдержанный нрав. И, быть может, я слишком вольно высказывал свое мнение о молодом Дарси, признаюсь, иногда даже прямо ему в лицо. Ничего худшего я не припомню. Но все дело заключается в том, что мы с ним — слишком разные люди и что он меня ненавидит.

— Но это чудовищно! Он заслуживает публичного осуждения!

— Рано или поздно это случится. Но это не будет делом моих рук. Пока я помню Дарси-отца, я не смогу очернить или разоблачить Дарси-сына.

Элизабет вполне оценила его благородные чувства, заметив, как хорош он был в тот момент, когда о них говорил. После некоторой паузы она спросила:

— Но какие же у него для этого могли оказаться причины? Что толкнуло его на столь жестокий поступок?

— Решительная и глубокая неприязнь ко мне. Неприязнь, которую я не могу в какой-то мере не приписывать чувству ревности. Если бы покойный мистер Дарси любил меня не так сильно, его сын, быть может, относился бы ко мне лучше. Но необычайная привязанность ко мне отца стала, по-видимому, раздражать сына с самого раннего возраста. Ему не нравилось возникшее между нами своеобразное соревнование, и он не мог смириться с тем, что мне нередко оказывалось предпочтение.

— Мне и в голову не приходило, что мистер Дарси — такой недостойный человек. Правда, он мне и раньше не нравился. И все же так плохо я о нем не судила. Конечно, я замечала, с каким презрением он относится к окружающим. Но я никогда не предполагала, что он способен на такую низкую месть, такую несправедливость, такую бесчеловечность.

Подумав, она добавила:

— Я, правда, припоминаю, как он однажды хвалился в Незерфилде, что бывает в гневе безжалостен и не умеет прощать. Какой ужасный характер!..

— Не стану высказывать своего мнения по этому поводу, — ответил Уикхем. — Мне трудно быть к нему справедливым.

Элизабет снова погрузилась в раздумье и после некоторой паузы воскликнула:

— Так обойтись с крестником, другом, любимцем родного отца! — Она могла бы добавить: «С юношей, самая внешность которого располагает к нему людей с первого взгляда», но ограничилась словами: «С человеком, который к тому же с самого детства был его ближайшим товарищем! И который, как я вас поняла, связан с ним теснейшими узами!».

— Мы родились в одном приходе, в одном и том же поместье. И провели вместе все детские годы — жили под одной кровлей, играли в одни игры, радовались общей отеческой ласке. В юности мой отец избрал тот жизненный путь, на котором с такой честью подвизается ваш дядюшка, мистер Филипс. Но он пренебрег всем, стремясь оказаться полезным покойному мистеру Дарси и посвятил свою жизнь заботам о Пемберли. Зато как высоко ценил его мистер Дарси! Какими задушевными друзьями были наши отцы! Мистер Дарси всегда признавал, чем он обязан своему другу. И незадолго до смерти отца мистер Дарси по собственной воле обещал ему обеспечить мое будущее. Я убежден, что он поступил так столько же из чувства благодарности к отцу, сколько из-за своей привязанности к сыну.

— Неслыханно! — воскликнула Элизабет. — Чудовищно! Казалось бы, одна гордость должна была заставить младшего мистера Дарси выполнить по отношению к вам свой долг! Если ему несвойственны лучшие чувства, то как его гордость позволила ему поступить так бесчестно? О да, бесчестно — его поведению нет другого названия!

— Это и в самом деле странно, — подтвердил Уикхем. — Ведь почти все его поступки так или иначе объясняются гордостью. Гордость нередко была его лучшим советчиком. Из всех чувств она его больше всего приблизила к добродетели. Но ведь не бывает правил без исключений: в отношениях со мной им руководили более сильные побуждения.

— Неужели его непомерная гордость когда-нибудь могла принести ему пользу?

— О да. Она часто заставляла его поступать снисходительно и великодушно — щедро раздавать деньги, оказывать гостеприимство, поддерживать своих арендаторов, помогать бедным. Все этому способствовала фамильная гордость и сыновняя гордость — настолько он гордится своим отцом. Опасение лишиться былой славы свой род, ослабить влияние и популярность дома Пемберли сыграло немалую роль в его жизни. Ему свойственна и гордость старшего брата, которая в соединении с известной братской привязанностью сделала из него доброго и внимательного

опекуна своей сестры. И вы могли бы услышать, что о нем говорят как о самом лучшем и заботливом брате.

— А что собой представляет мисс Дарси?

Он покачал головой.

— Если бы вы знали, как мне бы хотелось отозваться о ней хорошо. С именем Дарси так больно связывать что-то дурное. Но, увы, она слишком похожа на своего брата — столько в ней гордости. А какая это была милая, ласковая девочка в детстве, как нежно она была ко мне привязана! И кто скажет — сколько часов потратил я, заботясь о ее развлечениях? Но теперь она для меня — ничто. Это — довольно хорошенькая девица лет пятнадцати-шестнадцати, получившая, насколько я могу судить, недурное образование. С тех пор, как скончался ее отец, она постоянно живет в Лондоне в обществе какой-то дамы, которая руководит ее занятиями.

После нескольких пауз, прерывавшихся попытками найти другие темы для разговора, Элизабет не смогла удержаться от того, чтобы еще раз не вернуться к мистеру Дарси.

— Меня удивляет, — сказала она, — его близость к мистеру Бингли. Как это мистер Бингли, который кажется мне самым воплощением благожелательности и, я уверена, обладает превосходным характером, может поддерживать дружбу с подобным человеком? Неужели они могут друг с другом ладить? Кстати, вы знакомы с мистером Бингли?

— Нет, мы друг друга не знаем.

— О, это — в самом деле милейший человек. Он и не догадывается о том, что собой представляет мистер Дарси.

— Вполне вероятно. Когда мистер Дарси пожелает, он умеет понравиться. Он не лишен способностей. Если нужно, он оказывается превосходным собеседником. Вообще среди равных он совсем другой, нежели среди тех, кто стоит ниже его на общественной лестнице. Гордость не оставляет его никогда. Но к богатым он более справедлив и снисходителен. С ними он бывает искренен, порядочен и даже, пожалуй, приветлив, — если к тому же принять во внимание его внешность и положение.

Вскоре после этого игра в вист закончилась, и ее участники собрались вокруг другого стола. Мистер Коллинз расположился при этом между своей кузиной Элизабет и ее тетужкой, которая, разумеется, не преминула осведомиться о его карточных успехах. Последние оказались отнюдь не блестящими — он не выиграл ни одной ставки. Однако в ответ на выраженное ею сочувствие он с самым серьезным видом попросил ее ни в коей мере не огорчаться, ибо он не придает значения деньгам и вполне может пренебречь небольшим проигрышем.

— Мне достаточно известно, сударыня, — сказал он, — что, садясь за карточный стол, человек должен быть готов к подобного рода невзгодам. К счастью, мои обстоятельства не таковы, чтобы я должен был много думать о пяти шиллингах. Конечно, есть немало людей, которые не смогли бы сказать то же самое. Но благодаря леди Кэтрин де Бёр я достаточно обеспечен, чтобы не обращать внимания на подобные пустяки.

Слова эти привлекли внимание Уикхема. Взглянув на мистера Коллинза, он вполголоса спросил у Элизабет, насколько ее родственник близко знаком с семейством де Бёр.

— Леди Кэтрин де Бёр, — ответила она, — совсем недавно предоставила ему церковный приход. Мне неизвестно, каким образом она обратила на него свое внимание, но знакомство их не может быть продолжительным.

— Вы, конечно, знаете, что леди Кэтрин де Бёр и леди Энн Дарси были родными сестрами. Леди Кэтрин поэтому приходится теткой мистеру Дарси.

— О нет, я этого не знала. Я вообще не имею никакого понятия о родственных связях леди Кэтрин. До позавчерашнего дня я даже не догадывалась о ее существовании.

— Ее дочь, мисс де Бёр, получит огромное наследство. Полагают, что она и ее кузен соединят два состояния.

При этих словах Элизабет улыбнулась, невольно вспомнив о бедной мисс Бингли. Тщетными были, оказывается, все ее усилия привлечь внимание мистера Дарси. Тщетными и бесполезными были ее привязанность к его сестре и восхищение им самим. Мистер Дарси был предназначен для другой.

— Мистер Коллинз, — сказала она, — всячески превозносит леди Кэтрин и ее дочь. Но некоторые странности в его рассказах о своей благотельнице заставили меня заподозрить, что чувство признательности ввело его в заблуждение. Несмотря на всю благосклонность к моему кузену, ее сиятельство представляется мне взбалмошной и самодовольной.

— Думаю, что то и другое верно. Я не видел ее уже много лет, но припоминаю, что мне никогда не нравились ее деспотические и вызывающие манеры. Она слывет женщиной необычайно умной и рассудительной. Но я полагаю, что этим она отчасти обязана своему рангу и состоянию, отчасти самоуверенности, а в остальном — гордости племянника, которому хочется, чтобы вся его родня славилась выдающимся умом.

Отзыв этот показался Элизабет вполне убедительным. Молодые люди, очень довольные друг другом, не переставали болтать до тех пор, пока начавшийся ужин не прервал игру, позволив и другим дамам воспользоваться долей внимания мистера Уикхема. За столом миссис Филипс обычно царил такой шум, что разговаривать во время ужина было почти совершенно невозможно. Однако манеры мистера Уикхема понравились всем. Что бы он ни сказал, было сказано хорошо, что бы ни сделал, было сделано с изяществом. Элизабет уехала домой, думая только о нем. Дорогой мысли о мистере Уикхеме и о том, что он ей рассказал, не покидали ее ни на минуту. И все же ей даже не удалось произнести его имени, так как Лидия и мистер Коллинз болтали без умолку. Лидия непрерывно тараторила о лотерейных билетах, о ставках, которые она проиграла, и ставках, которые выиграла. Мистер Коллинз превозносил любезность мистера и миссис Филипс, убеждал всех, что его совершенно не тревожит карточный проигрыш, перечислял все поданные на стол блюда и беспрестанно беспокоился, не слишком ли он потеснил кузин в экипаже. Круг этих тем был слишком обширен для того, чтобы он успел с ними покончить до остановки кареты перед домом в Лонгборне.

Глава XVII

На следующий день Элизабет рассказала Джейн о своем разговоре с Уикхемом. Джейн была удивлена и расстроена: она не могла поверить, что мистер Дарси столь недостоин дружбы мистера Бингли. И, вместе с тем, ей было несвойственно сомневаться в правдивости молодого человека с такой привлекательной внешностью, какой обладал мистер Уикхем. Одной мысли о нанесенном ему ущербе было достаточно, чтобы вызвать ее горячие симпатии. Поэтому ей ничего не оставалось, как попытаться оправдать обоих, приписав все, что могло бросить на них тень, недоразумениям или ошибкам.

— Я думаю, — сказала она, — что оба они были неизвестным нам образом введены в заблуждение. Быть может, какие-то люди, преследуя корыстные цели, создали у них друг о друге ложное

представление. Но что именно вызвало между ними разлад, в котором нам лучше не обвинять ни того, ни другого, навсегда останется для нас тайной.

— Ты совершенно права. А теперь, дорогая Джейн, что ты скажешь в защиту тех, кто был в этом деле замешан и преследовал корыстные цели? Не следует ли оправдать также и этих людей? Иначе нам все же придется о ком-то плохо подумать.

— Можешь смеяться надо мной сколько угодно, но переубедить меня тебе не удастся. Лиззи, дорогая, ты только на минуту подумай, какую тень это бросает на мистера Дарси! Так обойтись с любимцем отца, с юношей, жизнь которого его отец обещал обеспечить. Это просто невероятно. Ни один человек, который дорожит своей репутацией, не способен на такой поступок. Разве самые близкие друзья могли бы в нем так обмануться? О нет, это невозможно.

— Мне гораздо легче представить себе, что в нем обманулся мистер Бингли, чем вообразить, что рассказанная вчера история — выдумка мистера Уикхема. Он называл имена, обстоятельства, факты без малейшей запинки. Пусть мистер Дарси попытается, если сможет, все опровергнуть. В глазах его светилась чистая правда!

— Это настолько неприятно и запутанно — прямо не знаешь, что и подумать.

— Прости, пожалуйста, но мне-то ясно, что об этом следует думать.

Для Джейн, однако, ясно было только одно — что мистер Бингли, если он и в самом деле был введен в заблуждение, будет глубоко огорчен, когда ему станут известны все обстоятельства.

Этот разговор происходил на поросшей кустарником дорожке около дома, которую молодым девицам пришлось покинуть из-за приезда некоторых лиц, упоминавшихся в их беседе. Мистер Бингли и его сестры явились в Лонгборн для того, чтобы лично пригласить всех на долгожданный бал в Незерфилде, имеющий быть в ближайший вторник. Обе леди были счастливы снова увидеть свою дорогую подругу, с которой, как им казалось, они не виделись целую вечность. И они наперебой расспрашивали ее, чем она занималась с тех пор, как они расстались. На других Беннетов они почти не обращали внимания, стараясь находиться подальше от хозяйки дома, по возможности не разговаривать с Элизабет и не обмениваться ни одним словом с ее младшими сестрами. Вскоре они поднялись, поразив брата своей поспешностью, и сейчас же уехали. Уходя, они так торопились к выходу, как будто им хотелось уклониться от обмена любезностями с миссис Беннет.

Мысли о незерфилдском бале чрезвычайно занимали всех дам в семействе Беннет. Миссис Беннет была склонна считать, что он устраивается в честь ее старшей дочери и чувствовала себя необыкновенно польщенной тем, что вместо письменного приглашения мистер Бингли сам явился в Лонгборн просить их пожаловать на бал. Джейн рисовала в своем воображении счастливый вечер, который она проведет в обществе двух подруг, принимая знаки внимания со стороны мистера Бингли. Элизабет с удовольствием представляла себе, как она будет танцевать с мистером Уикхемом, находя доказательство всего, что он ей рассказал, в выражении лица и поведении мистера Дарси. Блаженство, которое предвкушали Кэтрин и Лидия, в меньшей степени было связано с какими-нибудь определенными людьми или обстоятельствами. И хотя каждая из них, подобно Элизабет, собиралась половину вечера танцевать с Уикхемом, он ни в коей мере не был для них единственным возможным кавалером — бал должен был быть балом при любых обстоятельствах. Даже Мэри уверяла родных, что у нее нет против него возражений.

— С меня достаточно, если я могу располагать своими утренними часами. И я вовсе не считаю, что приношу особенно большую жертву, время от времени принимая участие в вечерних развлечениях. Общество ко всем предъявляет свои права. И я отношусь к тем его членам, которые находят полезным позволить себе изредка немного отдохнуть и развлечься.

Элизабет была в превосходном настроении. И хотя обычно она старалась разговаривать с мистером Коллинзом как можно меньше, на этот раз она не сдержалась, спросив у него, думает ли он воспользоваться приглашением Бингли и подобает ли его сану участвовать в подобных развлечениях. Она была немало удивлена, услышав, что ее кузен не испытывал на этот счет ни малейших сомнений и вовсе не опасался упреков со стороны архиепископа или леди Кэтрин де Бёр по поводу своего участия в танцах.

— Позвольте вам заметить, — добавил он, — что бал подобного рода, устроенный вполне достойным молодым человеком для респектабельной публики, не может, по моему мнению, таить в себе зловредных начал. Будучи далек от того, чтобы относиться к танцам с неодобрением, я питаю надежду танцевать в течение вечера с каждой из моих прелестных кузин. И, пользуясь случаем, мисс Элизабет, я имею честь уже сейчас пригласить вас на первый танец, — особая привилегия, которая, как я полагаю, будет правильно понята моей кузиной Джейн и отнюдь не воспринята ею за недостаток уважения с моей стороны.

Элизабет поняла, что попала впросак. Она была уверена, что на первый танец ее непременно пригласит Уикхем. И что же, — вместо этого ей придется танцевать с Коллинзом. Никогда еще она не проявляла своей общительности так не вовремя. Но делать было нечего. Счастливые для нее и для мистера Уикхема минуты должны были, таким образом, наступить несколько позднее. Приглашение мистера Коллинза было принято со всей любезностью, на которую она была способна. Оттого что в его разглагольствованиях проскользнуло нечто большее чем простая галантность, они не стали приятнее. Ей впервые пришло в голову, что из всех дочерей мистера Беннета именно она может оказаться достойной стать хозяйкой хансфордского прихода, а заодно — и четвертым участником карточной партии в Розингсе при отсутствии более подходящих партнеров. Подозрение это превратилось в уверенность по мере того, как она стала замечать все возраставшие знаки внимания со стороны кузена и его частые комплименты по поводу ее жизнерадостности и остроумия. Она была скорее встревожена, нежели обрадована действием своих чар, в особенности после того, как миссис Беннет дала ей понять, что весьма приветствует возможность такой партии. Сознывая, какая буря будет вызвана в доме ее ответом, Элизабет предпочла вести себя так, как будто она не понимала намеков. Могло случиться, что мистер Коллинз не соберется сделать предложение. И, пока он ни на что не решился, не было смысла поднимать шум по этому поводу.

Без надежды на бал в Незерфилде, к которому нужно было готовиться и о котором можно было вдоволь наговориться, младшие мисс Беннет чувствовали бы себя в это время крайне несчастными. С самого дня приглашения и до того дня, когда бал, наконец, состоялся, почти непрерывно лил дождь, лишивший их возможности добираться до Меритона. Ни тетушки, ни офицеров, ни новостей — даже банты для бальных башмаков были приобретены с помощью посыльного. Испытанию подверглось даже терпение Элизабет, так как плохая погода воздвигла непреодолимое препятствие ее дальнейшему знакомству с мистером Уикхемом. Только ожидание танцев во вторник позволило Китти и Лидии как-то пережить совершенно несносные пятницу, субботу, воскресенье и понедельник.

Глава XVIII

Прежде чем Элизабет вступила в незерфилдскую гостиную и принялась тщетно выискивать мистера Уикхема среди собравшихся красных мундиров, ей и в голову не приходила мысль, что он может туда не явиться. Встреча с ним казалась ей настолько сама собой разумеющейся, что Элизабет даже не подумала о некоторых обстоятельствах, которые могли воспрепятствовать его появлению в Незерфилде. Она наряжалась к балу с особой тщательностью и в самом превосходном настроении готовилась к завоеванию всех оставшихся непокоренными уголков его сердца, будучи уверена, что

эта задача может быть легко решена в течение одного вечера. Но как только она вошла, у нее зародилось зловещее подозрение, что в угоду своему другу Бингли не включил Уикхема в список приглашенных на бал офицеров. И хотя в действительности дело обстояло не совсем так, отсутствие Уикхема было тут же подтверждено его другом, мистером Денни, на которого с нетерпеливыми расспросами набросилась Лидия. Сообщив, что Уикхему пришлось накануне уехать по делам в Лондон и что он до сих пор оттуда не вернулся, Денни с многозначительной улыбкой добавил:

— Не думаю, чтобы дела были способны оторвать его от нас именно в такой день, если бы он не стремился избежать встречи с неким присутствующим здесь джентльменом.

Это замечание едва ли дошло до ушей Лидии, но было понято ее сестрой. Оно доказывало, что Дарси не менее виновен в отсутствии Уикхема, чем если бы подтвердилась ее первоначальная догадка. И, разочарованная во всех своих ожиданиях, Элизабет почувствовала к Дарси такую неприязнь, что с трудом принудила себя вежливо ответить на любезное приветствие, с которым он устремился к ней навстречу. Внимание, сочувствие, снисходительность к этому человеку были равносильны предательству по отношению к Уикхему. Она настолько отвергала всякую возможность беседы с Дарси, что, отвернувшись от него, не смогла преодолеть свой гнев даже в разговоре с мистером Бингли, слепая привязанность которого к своему другу казалась ей непростительной.

Однако Элизабет не была создана для меланхолии. И хотя все ее связанные с балом надежды рухнули, она не могла чересчур долго предаваться мрачным мыслям. Поведав свои огорчения Шарлот Лукас, с которой они не виделись больше недели, она охотно перешла к рассказу о своем необыкновенном кузене, предоставив его вниманию своей подруги. Первый танец, однако, снова поверг ее в полное уныние. Это была убийственная церемония. Мистер Коллинз, важный и неуклюжий, делающий все время неверные па и то и дело извиняющийся, вместо того, чтобы следить за ходом танца, заставил ее почувствовать все унижение и досаду, какие только способен вызвать на протяжении одного танца неприятный партнер. Минута, когда она от него наконец освободилась, принесла ей несказанное облегчение.

После Коллинза она танцевала с одним из офицеров. Она несколько пришла в себя, разговорившись с ним об Уикхеме и узнав, что молодой человек пользуется всеобщей симпатией. Оставив своего кавалера, она вернулась к мисс Лукас и, поглощенная беседой, не сразу заметила, что к ней обращается мистер Дарси, приглашая ее на следующий танец. От неожиданности Элизабет растерялась и в замешательстве приняла приглашение. Дарси отошел, и она осталась наедине с подругой, крайне недовольная тем, что не проявила достаточной находчивости. Шарлот попыталась ее успокоить.

— Надеюсь все же, что ты останешься довольна своим партнером.

— Упаси боже! Это было бы самым большим несчастьем. Остаться довольной человеком, которого решила ненавидеть! Ты не могла пожелать мне ничего худшего.

Когда танцы возобновились и Дарси приблизился к ним, предложив ей свою руку, Шарлот все же не удержалась и тихонько предостерегла подругу, чтобы она вела себя разумно и из симпатии к Уикхему не уронила бы себя в глазах несравненно более значительного человека. Элизабет ничего не ответила и заняла место среди танцующих, удивляясь, как это она удостоилась стоять в паре с мистером Дарси и замечая то же удивление в глазах окружающих. Некоторое время они танцевали молча. Она уже стала думать, что молчание это продлится до конца танца и хотела сперва ничем его не нарушать. Но, вообразив вдруг, что могла бы вызвать большую досаду партнера, если бы заставила его говорить, она произнесла несколько слов по поводу исполнявшейся фигуры. Дарси ответил и замолчал. После паузы, длившейся одну-две минуты, она обратилась к нему снова.

— Теперь, мистер Дарси, ваша очередь поддержать разговор. Я отозвалась о танце, а вы могли бы сделать какое-нибудь замечание о величине зала или числе танцующих пар.

Он улыбнулся и выразил готовность сказать все, что она пожелала бы услышать.

— Ну вот и отлично, — ответила она. — На ближайшее время вы сказали вполне достаточно. Быть может, немного погодя я еще замечу, что частные балы гораздо приятнее публичных. Но пока мы вполне можем помолчать.

— А вы обычно разговариваете, когда танцуете?

— Да, время от времени. Нужно ведь иногда нарушать молчание, не правда ли? Кажется очень нелепым, когда два человека вместе проводят полчаса, не сказав друг другу ни слова. И все же кое-кто остался бы в выигрыше, если мы поведем разговор таким образом, чтобы сказать друг другу как можно меньше.

— Говоря это, вы подразумевали свои собственные желания или предполагали, что это угодно мне?

— И то и другое, — лукаво ответила Элизабет. — Я уже давно заметила немало совпадений в нашем образе мыслей. Мы оба мало общительны и не склонны к разговору, если только нам не представляется случай сказать что-нибудь из ряда вон выходящее — такое, что может вызвать изумление всех присутствующих и наподобие пословицы из уст в уста передаваться потомству.

— Что касается вашего характера, — сказал он, — то вы, по-моему, обрисовали его не вполне точно. Не мне решать, насколько верно вы охарактеризовали меня. Впрочем, не сомневаюсь, что, по крайней мере, вы сами находите этот портрет удачным.

— Не могу судить о собственном искусстве.

Дарси ничего не ответил, и они опять замолчали, пока во время следующей фигуры танца он не спросил у нее, часто ли ее сестрам и ей самой приходится бывать в Меритоне. Ответив утвердительно, она не удержалась от соблазна и добавила:

— Когда мы с вами на днях там встретились, мы только что приобрели в этом городе новое знакомство.

Действие этих слов сказалось незамедлительно. На лице Дарси появилось надменное выражение. Но он не сказал ни слова, а у Элизабет, как она ни ругала себя за свое малодушие, не хватило решимости пойти дальше. Немного погодя Дарси холодно заметил:

— Мистер Уикхем обладает такими счастливыми манерами и внешностью, что весьма легко приобретает друзей. Достаточно ли он способен их сохранять — вот что кажется мне более сомнительным.

— Он имел несчастье потерять вашу дружбу, — многозначительно заметила Элизабет. — Быть может, это наложит тяжелый отпечаток на всю его жизнь.

Дарси ничего не ответил, но было видно, что ему хотелось переменить тему разговора. В эту минуту рядом с ними очутился сэр Уильям Лукас, пробиравшийся через толпу танцующих на противоположную сторону зала. Заметив мистера Дарси, он чрезвычайно любезно раскланялся и тут же рассыпался в комплиментах по поводу его манеры танцевать и красоты его дамы.

— Я получил, дорогой сэр, высочайшее удовольствие. Как редко приходится видеть танцующих с таким изяществом. Ваша принадлежность к высшему обществу бросается в глаза. Но разрешите заметить, что прелестная леди, с которой вы сейчас танцуете, кажется мне вполне достойной своего партнера, и я надеюсь получать теперь подобное наслаждение особенно часто. Конечно, после того, как произойдет определенное и, разумеется, столь желанное — не правда ли, дорогая мисс

Элайза? — событие! — При этом он посмотрел в сторону Бингли и Джейн. — Сколько оно вызовет поздравлений! Но, — я обращаюсь к мистеру Дарси, — не позволяйте мне вас задерживать, сэр. Вы не станете благодарить меня за то, что я мешаю вашей очаровательной беседе с молодой дамой, сверкающие глазки которой уже начинают посматривать на меня с явным укором.

Последняя часть этой тирады едва ли была услышана Дарси. Но предположение сэра Уильяма относительно его друга сильно на него подействовало. Его лицо приняло очень серьезное выражение, и он пристально посмотрел на танцевавших неподалеку Бингли и Джейн. Придя, однако, в себя, он обернулся к своей даме и сказал:

— Вмешательство сэра Уильяма заставило меня потерять нить нашего разговора.

— По-моему, мы вовсе не разговаривали. Едва ли сэр Уильям мог найти в этом зале двух танцующих, которые хотели бы так мало сказать друг другу. Мы пытались уже безуспешно коснуться нескольких тем. И мне даже в голову не приходит, о чем бы мы могли поговорить теперь.

— Что вы думаете о книгах? — спросил он с улыбкой.

— О книгах? О нет, я уверена, что мы с вами никогда не читали одних и тех же книг. И уж во всяком случае не испытывали при чтении одинаковых чувств.

— Мне жаль, что вы так думаете. Но даже если бы вы были правы, тем легче нам было бы найти тему для разговора. Мы могли бы сопоставить различные мнения.

— Нет, я не в состоянии говорить о книгах во время бала. Здесь мне на ум приходят другие мысли.

— Они всегда относятся к тому, что вас непосредственно окружает, не правда ли? — сказал он недоверчиво.

— Да, да, всегда, — машинально ответила Элизабет. На самом деле мысли ее блуждали в это время весьма далеко от предмета разговора, что вскоре подтвердилось ее внезапным замечанием:

— Помнится, мистер Дарси, вы признавались, что едва ли простили кого-нибудь в своей жизни. По вашим словам, тот, кто однажды вызвал ваше неудовольствие, не может надеяться на прощение. Должно быть вы достаточно следите за тем, чтобы не рассердиться без всякого повода?

— О да, разумеется, — уверенно ответил Дарси.

— И никогда не становитесь жертвой предубеждения?

— Надеюсь, что нет.

— Для тех, кто не поступает своим мнением, особенно важно судить обо всем здраво с самого начала.

— Могу я узнать, что вы имеете в виду?

— О, я просто пытаюсь разобраться в вашей натуре, — ответила она, стараясь сохранить на лице непринужденное выражение.

— И вам это удастся?

Она покачала головой:

— Увы, ни в малейшей степени. Я слышала о вас настолько различные мнения, что попросту теряюсь в догадках.

— Что ж, могу представить себе, что полученные вами сведения весьма противоречивы, — сказал он очень серьезно. — Я бы предпочел, мисс Беннет, чтобы вы пока не рисовали в своем

воображении моего духовного облика. В противном случае полученная вами картина не сделает чести ни вам, ни мне.

— Но если я сейчас не подмечу самого главного, быть может, мне никогда не представится другого случая.

— Я бы не хотел лишать вас какого бы то ни было удовольствия, — холодно сказал Дарси.

Она ничего не ответила. И, закончив танец, они молча разошлись с чувством взаимного осуждения. Впрочем, мистер Дарси уже питал в своем сердце достаточно сильную привязанность к Элизабет, благодаря которой он довольно быстро нашел ей оправдание, сосредоточив свой гнев на другом лице.

Вскоре после этого к Элизабет подошла мисс Бингли и обратилась к ней с любезно-высокомерным видом:

— Итак, мисс Элайза, вы в восторге от Джорджа Уикхема, не правда ли? Я слышала об этом от Джейн. Она буквально засыпала меня вопросами о вашем новом приятеле. Однако из ее слов я поняла, что среди прочих своих сообщений молодой человек забыл вам сказать, что он — сын старого Уикхема, служившего дворецким у покойного мистера Дарси. Я бы все же хотела дружески вас предостеречь, чтобы вы не очень доверяли его высказываниям. Все, что он говорит о плохом обращении с ним мистера Дарси, — чистейший вымысел. Мистер Дарси, напротив, проявил необыкновенное благородство. Зато Джордж Уикхем поступил по отношению к мистеру Дарси самым непорядочным образом. Я незнакома с подробностями, но хорошо знаю, что мистера Дарси едва ли можно было бы в чем-нибудь упрекнуть. Недаром он даже не переносит упоминания о Джордже Уикхеме! И хотя моему брату казалось невозможным исключить Уикхема из списка приглашенных офицеров, он весьма обрадовался, узнав, что тот сам уклонился от приглашения. Появление Уикхема в этих местах — неслыханная дерзость. Непонятно, как он мог на это осмелиться! Мне очень жаль, мисс Элайза, что я должна была разоблачить пороки вашего протеже. Но, пожалуй, учитывая его происхождение, от него едва ли можно было ожидать чего-нибудь лучшего.

— Из ваших слов, сударыня, я поняла, что порок мистера Уикхема заключается в его происхождении, — резко ответила Элизабет. — Вы не сказали про него ничего плохого, кроме того, что его отец служил дворецким у мистера Дарси. Но об этом, смею вас заверить, он сообщил мне и сам.

— Прошу прощения, — саркастически заметила, отходя от нее, мисс Бингли. — Извините за вмешательство — я руководствовалась лучшими побуждениями.

— Какая наглость! — произнесла про себя Элизабет. — Но вы, сударыня, глубоко заблуждаетесь, рассчитывая повлиять на меня столь недостойной выходкой. Кроме вашего самодовольного невежества и порочности мистера Дарси, вы ничего ей не доказали.

Она тут же разыскала Джейн, которая уже успела поговорить по интересовавшему их поводу с мистером Бингли. Сестра встретила ее сияющей улыбкой, свидетельствующей о том, сколько радости доставил ей этот вечер. Догадавшись о мыслях Джейн по выражению ее лица, Элизабет поняла, что все ее сочувствие невзгодам мистера Уикхема, негодование против его врагов и прочее значат очень немного по сравнению с надеждой на грядущее счастье сестры.

— Мне, конечно, хотелось бы узнать, — сказала она с не менее приветливой улыбкой, — удалось ли тебе что-нибудь выяснить о мистере Уикхеме. Но, быть может, ты провела время так приятно, что могла думать только об одном человеке? За это я бы на тебя не обиделась.

— Я вовсе про него не забыла, Лиззи, — ответила Джейн. — Но, увы, не могу сказать тебе ничего утешительного. Мистеру Бингли эта история мало знакома. В чем именно мистер Уикхем виноват перед мистером Дарси, он не знает. Но он готов поручиться за добропорядочность, честность и благородство своего друга. И он твердо убежден, что мистер Уикхем не заслуживал даже той заботы, которую проявил по отношению к нему мистер Дарси. Меня это очень огорчает, но из его слов, так же, как из слов мисс Бингли, следует, что мистера Уикхема нельзя считать порядочным человеком. Боюсь, что он вел себя слишком неосмотрительно и тем самым лишился уважения мистера Дарси вполне заслуженно.

— А мистер Бингли знаком с мистером Уикхемом?

— Нет, он его ни разу не видел до встречи в Меритоне.

— В таком случае его взгляды на Уикхема заимствованы у мистера Дарси. Что ж, я вполне удовлетворена. Ну-с, а какие у него сведения о церковном приходе?

— Он не припоминает в точности обстоятельств, хотя не раз слышал о них от своего друга. Приход, кажется, был оставлен за Уикхемом только условно.

— Я не сомневаюсь в искренности мистера Бингли, — сказала Элизабет как можно мягче. — Но ты меня извини, если я не удовольствуюсь общими фразами. Мистер Бингли, конечно, должен добросовестно защищать интересы своего друга. Но так как некоторые части этой истории ему неизвестны, а с остальными он знаком только со слов самого мистера Дарси, я позволю себе относиться к обоим молодым людям по-прежнему.

Элизабет перевела разговор на гораздо более приятную тему, которая не вызывала между ними никаких разногласий. С радостью услышала она от Джейн, сколько счастливых и вместе с тем робких надежд вызывает в ней ухаживание мистера Бингли. И Элизабет высказала все, что было возможно, чтобы поддержать в ней эти надежды. Когда к ним присоединился мистер Бингли, Элизабет отошла в сторону и отыскивала мисс Лукас. Она едва успела ответить на вопрос подруги о том, насколько ей понравился ее последний партнер по танцам. В эту минуту к ним подошел мистер Коллинз и в крайнем возбуждении сообщил, что он имел удовольствие только что сделать величайшее открытие.

— Благодаря чистой случайности, — сказал он, — я обнаружил в этой комнате близкого родственника моей патронессы. Мне посчастливилось услышать, как он в разговоре с молодой леди, являющейся украшением этого дома, упомянул имена его кузины мисс де Бёр и ее матери леди Кэтрин. Случаются же на свете подобные чудеса! Кто бы мог подумать, что здесь, на этом балу, я встречу чуть ли не с племянником леди Кэтрин? Я благодарю небо за то, что оно вовремя раскрыло мне глаза, позволив засвидетельствовать ему мое почтение! Конечно, я не премину совершить это сию же минуту. И я уповаю на то, что он простит мне медлительность, которая оправдывается моей неосведомленностью.

— Не собираетесь ли вы представиться мистеру Дарси?

— О, разумеется. Я буду покорнейше просить у него прощения за то, что не сделал этого раньше. Думаю, что он в самом деле придется племянником леди Кэтрин. И я буду в состоянии заверить его, что всего неделю тому назад здоровье ее сиятельства не оставляло желать лучшего.

Элизабет всячески попыталась удержать мистера Коллинза от этого шага. Она доказывала, что Дарси сочтет обращение к нему незнакомого человека скорее непозволительной вольностью, нежели данью уважения к своей тетке, что здесь они вполне могут не обращать друг на друга внимания и, наконец, что если бы даже в этом и возникла необходимость, то первый шаг к знакомству должен был сделать мистер Дарси, занимающий более высокое положение в обществе.

Мистер Коллинз выслушал ее с видом человека, твердо решившего поступить по-своему, и когда она замолчала, ответил:

— Дорогая моя мисс Элизабет! Я питаю самое высокое мнение относительно вашей превосходной способности судить о вещах, в которых вы хорошо разбираетесь. Но позвольте мне сказать, что имеется глубокое различие между нормами человеческих отношений, принятыми среди мирян, и теми, которые определяют поведение священнослужителей. Я должен также присовокупить к этому, что ставлю служение церкви, в смысле почетности, вровень с исполнением самых высоких обязанностей в королевстве, — конечно, если только не забывать, что это служение должно осуществляться с подобающим смирением. А потому разрешите мне следовать в данном случае голосу совести, который призывает меня совершить то, что я считаю своим долгом. Простите меня за нежелание воспользоваться вашим советом, которым я готов руководствоваться в любом другом деле. Но при сложившихся обстоятельствах я полагаю себя по образованию и опыту более способным судить о правильности своего поведения, нежели подобная вам юная леди.

Отвесив глубокий поклон, мистер Коллинз покинул Элизабет и направился прямо к мистеру Дарси. С тревогой стала она наблюдать, какое действие произведет на Дарси это неожиданное обращение. При первых же словах кузена на лице Дарси выразилось недоумение. Мистер Коллинз начал с торжественного расшаркивания, и, хотя речь его до нее не долетала, ей казалось, что она слышит фразу за фразой, по мере того, как по движению его губ она разгадывала произносимые им слова: «извинения», «Хансфорд» и «леди Кэтрин де Бёр». Ей было крайне досадно видеть, что ее родственник выставляет себя перед мистером Дарси в столь комическом свете. Последний смотрел на Коллинза с нескрываемым изумлением и когда тот, наконец, позволил Дарси заговорить, ответил ему очень холодно. Это, однако, нисколько не обескуражило мистера Коллинза и не удержало его от новой тирады, продолжительность которой, казалось, еще больше увеличила презрение к нему мистера Дарси, так что, когда она закончилась, он только слегка кивнул головой и пошел прочь, в то время как Коллинз возвратился к Элизабет.

— Поверьте, что я ни в коей мере не разочарован оказанным мне приемом, — сказал он, подойдя. — Мистер Дарси весьма доволен моей почтительностью. Он разговаривал со мной необыкновенно любезно и даже отплатил мне комплиментом, сказав, что достаточно знает разборчивость леди Кэтрин и не сомневается, что ее благосклонностью могут пользоваться только истинно достойные люди. Как это прекрасно сказано! Право, он мне очень понравился.

Так как самой Элизабет уже нечего было ждать от бала, она почти все внимание сосредоточила на сестре и мистере Бингли. Это навело ее на приятнейшие мысли, от которых она почувствовала себя почти такой же счастливой, как Джейн. В своем воображении она уже видела сестру хозяйкой этого дома, живущей в довольстве и счастье, которое может возникнуть только в браке, основанном на настоящей любви. При таких обстоятельствах она считала себя даже способной попытаться полюбить сестер мистера Бингли. Было очевидно, что мысли миссис Беннет сосредоточены на том же, и Элизабет твердо решила держаться от нее поодаль, боясь как бы мать не наговорила ей чего-нибудь лишнего. Однако, усаживаясь за стол, Элизабет, к своему огорчению, оказалась почти рядом с миссис Беннет. С досадой услышала она, что безудержная и громкая болтовня матери с самым неподходящим человеком — леди Лукас — посвящена не чему иному, как предстоящей женитьбе Бингли и Джейн. Тема была настолько увлекательной, что в своих перечислениях преимуществ будущей партии миссис Беннет была совершенно неумолима. Прежде всего она поздравляла себя с тем, что Бингли такой милый молодой человек, и что он так богат, и что живет он всего в трех милях от Лонгборна. Далее она с восторгом говорила о том, как привязались к Джейн сестры мистера Бингли и как они должны радоваться возможности взаимно породниться. Более того, как много хорошего это событие сулит ее младшим дочерям, которые после замужества Джейн окажутся на виду у других богатых мужчин. И, наконец, как будет удобно ей, в ее возрасте, оставлять своих незамужних дочерей на попечении замужней сестры и появляться в обществе только тогда, когда

ей заблагорассудится — это обстоятельство, в соответствии с общепринятыми взглядами, следовало непременно выдавать за приятное, хотя трудно было найти человека, который всю свою жизнь менее охотно сидел дома, чем миссис Беннет. В заключение выражалось множество пожеланий о том, чтобы леди Лукас оказалась столь же счастливой в ближайшем будущем, хотя всем своим видом миссис Беннет отчетливо и с явным торжеством давала понять, что считает это совершенно невероятным.

Тщетно дочка пыталась унять поток материнского красноречия или хотя бы упросить мать, чтобы она выражала свои восторги не таким громким шепотом, который, как замечала к своей невыразимой досаде Элизабет, почти полностью доходил до ушей сидевшего напротив мистера Дарси. Мать только сердилась на нее, говоря, что она несет чепуху.

— Ну что для меня твой мистер Дарси, чтобы мне нужно было его бояться? Мы, слава богу, у него не в долгу за его особенно любезное обращение с нами, чтобы стараться не сказать чего-нибудь, что ему, видите ли, не угодно услышать.

— Мама, ради бога, старайтесь говорить тише. Для чего вам оскорблять мистера Дарси? Разве вы этим хорошо зарекомендуете себя перед его другом?

Уговоры, однако, не производили на мать никакого действия. Миссис Беннет продолжала во всеуслышание разглаживать о питаемых ею надеждах, и Элизабет то и дело приходилось краснеть от стыда и досады. Ей было трудно удерживаться от того, чтобы время от времени не взглянуть на Дарси, каждый раз убеждаясь, насколько основательны ее опасения. Хотя Дарси и не всегда смотрел в сторону миссис Беннет, она была убеждена, что его внимание сосредоточено именно на ней. При этом выражение его лица постепенно менялось: если вначале на нем было написано негодующее презрение, то под конец оно было исполнено мрачной и неуклонной решимости.

В конце концов, однако, красноречие миссис Беннет иссякло, и леди Лукас, которая во время этих, едва ли разделяемых ею, восторженных излияний неоднократно подавляла зевки, получила, наконец, возможность спокойно сосредоточиться на курице и ветчине. Элизабет начала было уже приходить в себя. Однако передышка продолжалась недолго. Когда ужин окончился, заговорили о музыке, и ей пришлось перенести еще одно унижение, увидев, как Мэри, после недолгих уговоров, приготовилась порадовать публику своим искусством. Элизабет попыталась взглядами предотвратить такую самоотверженность с ее стороны, но тщетно. Обрадовавшись возможности показать себя во всем блеске, Мэри не хотела ничего понимать и тут же уселась за фортепиано. С крайней досадой Элизабет наблюдала за сестрой, не отрывая от нее глаз и нетерпеливо следя за тем, как она переходит от куплета к куплету. Окончание песни, впрочем, не принесло ей облегчения — уловив среди одобрительных возгласов намек на просьбу продлить доставленное всем удовольствие, сестра тотчас же принялась за новую. У Мэри не было никаких данных для выступлений перед публикой: голос у нее был слабый, манера исполнения — вымученная. Элизабет была в отчаянии. Она посмотрела на старшую сестру, чтобы узнать, как переносит эту же муку Джейн. Но Джейн очень мило болтала с Бингли. Элизабет взглянула на двух его сестер и увидела, что они делают насмешливые знаки друг другу и мистеру Дарси, который, однако, сохранял непроницаемо мрачное выражение. Наконец она бросила взгляд на отца, умоляя его вмешаться, так как иначе Мэри могла бы продолжать свое пение до утра. Он понял ее, и когда Мэри закончила вторую песню, громко сказал:

— Этого вполне хватит, дитя мое. Ты уже достаточно долго услаждала наш слух. Позволь теперь и другим молодым девицам выставить себя напоказ.

Хотя Мэри и сделала вид, что его слова до нее не дошли, она все же была ими несколько сконфужена. А Элизабет, переживая обиду за сестру и досадуя на отца, чувствовала, что своим вмешательством только ухудшила дело. Между тем стали искать нового исполнителя.

— Если бы мне, — произнес мистер Коллинз, — посчастливилось обладать музыкальными способностями, я несомненно считал бы для себя огромным удовольствием порадовать общество какой-нибудь арией. Ибо я нахожу музыку самым невинным развлечением, вполне совместимым с положением служителя церкви. Разумеется, я не считаю, что мы вправе уделять музыке слишком много времени — существует так много дел, требующих от нас внимания. Если бы вы знали, сколько обязанностей у пастыря церковного прихода! Во-первых, ему нужно распределить десятину, заботясь при этом о своих интересах и не нарушая в то же время интересов своего патрона. Далее, ему необходимо сочинять проповеди. Остального времени едва хватает на исполнение церковных обрядов и заботу об усовершенствовании своего жилища, комфортом которого он ни в коем случае не вправе пренебрегать. Столь же важно для него проявлять внимание и участие ко всем окружающим людям и в особенности к тем из них, кому он обязан своим положением. И я отнюдь не освобождаю себя от подобного долга, так же, как не стал бы хорошо думать о человеке, который упускает возможность выразить почтение любой особе, находящейся в родственных отношениях с его патроном!

И он заключил свою речь, произнесенную таким громким голосом, что ее услышала половина собравшегося общества, глубоким поклоном в сторону мистера Дарси. Кое-кто из присутствовавших пристально посмотрел на мистера Коллинза, кое-кто улыбнулся. Но никого его речь не позабавила больше, чем мистера Беннета, в то время как миссис Беннет вполне серьезно ее одобрила, поведав вполголоса своей соседке леди Лукас о том, что мистер Коллинз необыкновенно умный и достойный молодой человек.

Элизабет казалось, что если бы все члены ее семейства нарочно сговорились выставить в этот вечер напоказ свои недостатки, им едва ли удалось бы выполнить это с большим блеском и добиться более значительного успеха. К счастью для мистера Бингли и Джейн, некоторые номера этого спектакля, по-видимому, ускользнули от внимания молодого человека, не слишком чувствительного к проявлениям человеческой глупости. Однако достаточным злом было уже и то, что для его сестер и мистера Дарси открывалась великолепная возможность высмеивать ее родню. И Элизабет не могла решить, что для нее было более невыносимо: вызывающие улыбки двух леди или молчаливое презрение джентльмена.

Остаток вечера принес ей мало приятного. Ее продолжал мучить мистер Коллинз, неотлучно следовавший за ней по пятам. Не будучи в состоянии уговорить ее танцевать, он своим присутствием лишал ее возможности принять приглашение какого-нибудь другого кавалера. Тщетно уговаривала она его воспользоваться обществом других молодых леди, предлагая познакомить его с любой из присутствовавших дам. Мистер Коллинз утверждал, что он равнодушен к танцам и что больше всего ему бы хотелось выразить свое особое внимание дорогой кузине, надеясь тем самым как можно лучше зарекомендовать себя в ее глазах. По этой причине он предпочел бы остаться около нее до конца бала. Против такого желания было трудно что-нибудь возразить. Поэтому Элизабет была благодарна мисс Лукас за то, что ее подруга часто к ним подходила и самоотверженно принимала на себя труд поддерживать разговор с мистером Коллинзом.

Элизабет, по крайней мере, была рада избавиться от знаков внимания со стороны мистера Дарси, который, хотя нередко и прохаживался без всякого дела неподалеку от нее, но больше уже не пытался с ней заговорить. Было приятно предположить, что она добилась этого намеками на мистера Уикхема.

Гости из Лонгборна покинули зал последними. Благодаря особой уловке миссис Беннет, их экипаж был подан только спустя четверть часа после того, как все остальные приглашенные уже уехали. Это дало им возможность заметить, с каким нетерпением ждал их отъезда кое-кто из обитателей Незерфилда. Миссис Хёрст и ее сестра открывали рот только для того, чтобы посетовать на свою усталость, всем своим видом показывая, насколько им хотелось, наконец, остаться наедине. Отклоняя всякую попытку миссис Беннет завязать разговор, они наводили оцепенение на всех присутствующих. Картина эта слабо оживлялась пространными рассуждениями мистера Коллинза, которые были полны комплиментов по адресу мистера Бингли и его сестер, по поводу изысканности только что закончившегося вечера и любезности и гостеприимства хозяев дома. Мистер Дарси вообще ничего не говорил. Мистер Беннет также молчал, смакуя развернувшееся перед ним зрелище. Мистер Бингли и Джейн, стоя несколько поодаль от других, разговаривали только между собой. Элизабет хранила молчание не менее упорно, чем миссис Хёрст и мисс Бингли. И даже Лидия была настолько утомлена, что не произнесла ни слова, если не считать отрывочных восклицаний вроде: «Боже, как я устала!», сопровождавшихся энергичным зевком.

Когда все, наконец, направились к выходу, миссис Беннет любезнейшим образом выразила непереносимое желание вскоре увидеть незерфилдскую компанию у себя в Лонгборне. Обращаясь главным образом к мистеру Бингли, она сказала ему, что ее семья будет счастлива в любое время разделить с ним и его близкими свой скромный обед — без церемоний и формальных приглашений. Мистер Бингли искренно поблагодарил и охотно обещал навестить их при первом удобном случае после его возвращения из короткой деловой поездки в Лондон, куда он должен был выехать на следующее утро.

Миссис Беннет была вполне удовлетворена. Покидая Незерфилд, она была полна счастливой уверенности, что ее дочь переедет сюда спустя три-четыре месяца, необходимых для приобретения новых экипажей и обстановки и приготовления свадебных нарядов. В той же мере она была убеждена в скором замужестве и второй дочери. Надежда на этот брак также доставляла ей немалое удовольствие, хотя и не столь сильное, как предвкушение замужества Джейн. Миссис Беннет любила Элизабет меньше других своих дочерей. И хотя она ничего не имела против Коллинза и его пасторского домика, они, конечно, не шли ни в какое сравнение с мистером Бингли и Незерфилдом.

Глава XIX

На следующее утро в Лонгборне произошли новые важные события. Мистер Коллинз сделал формальное предложение второй дочери мистера Беннета. Срок его пребывания в Лонгборне истекал в ближайшую субботу, и он решил не терять времени. Он не страдал застенчивостью, которая помешала бы ему свободно выражать свои чувства, а потому осуществил свое намерение весьма продуманно, сопровождая свои действия всем, что казалось ему подходящим обстоятельствам.

Застав миссис Беннет после завтрака в обществе Элизабет и одной из ее младших сестер, он обратился к хозяйке дома со следующими словами:

— Могу ли я надеяться, сударыня, что вы употребите ваше влияние на прелестную мисс Элизабет, если я попрошу ее оказать мне сегодня особую честь, позволив побеседовать с ней наедине?

Элизабет успела только покраснеть от неожиданности, ибо миссис Беннет сейчас же воскликнула:

— Ах, боже мой! Ну конечно! Само собой разумеется! Я уверена, что Лиззи выслушает вас с большим удовольствием. У нее не может быть никаких возражений. Пойдем, Китти, ты мне понадобишься наверху.

И, собрав свое шитье, она заторопилась к выходу. Ее остановила Элизабет.

— Пожалуйста, не уходите отсюда. Я вас очень прошу. Мистер Коллинз меня извинит. Он не скажет мне ничего, что не мог бы услышать любой человек в этом доме. Я предпочитаю уйти сама.

— Ах, Лиззи, какие глупости. Мне хочется, чтобы ты оставалась в этой комнате. — И, увидев, что смутившаяся и растерявшаяся Элизабет может и в самом деле убежать, добавила: — Лиззи, я требую, чтобы ты осталась и выслушала мистера Коллинза.

У Элизабет не хватило духу нарушить столь безоговорочный приказ. И так как короткое размышление подсказало ей, что умнее всего будет покончить с делом возможно быстрее и с наименьшим шумом, она снова присела и углубилась в шитье. Ей хотелось и смеяться и плакать. Как только миссис Беннет и Китти вышли, Коллинз приступил к объяснению.

— Поверьте, дорогая мисс Элизабет, что ваша скромность не только не роняет вас в моих глазах, но даже еще сильнее подчеркивает ваши совершенства. Вы не казались бы мне столь очаровательной, если бы не обнаружили некоторого нежелания пойти мне навстречу. Позвольте, однако, вас заверить, что обращаясь к вам, я уже заручился согласием вашей почтенной матушки. Вы едва ли заблуждаетесь в отношении преследуемых мною целей, хотя, быть может, и станете это отрицать ввиду вашей природной деликатности. В самом деле, я слишком явно оказывал вам свое предпочтение, чтобы вы могли не понять моих намерений. Почти в ту самую минуту, когда я переступил порог этого дома, я понял, что вам суждено стать спутницей моей жизни. Но, прежде чем дать волю моим пламенным чувствам, быть может, мне следовало бы поделиться с вами мотивами, по которым я собираюсь жениться и которые заставили меня приехать в Хартфордшир, чтобы найти в этом доме свою будущую подругу?

Мысль, что ее рассудительный и напыщенный кузен может дать волю своим пламенным чувствам, чуть не заставила Элизабет рассмеяться. Из-за этого она не смогла воспользоваться небольшой паузой и удержать его от дальнейших излияний, позволив мистеру Коллинзу продолжить свой монолог.

— Итак я собираюсь жениться, считая, во-первых, что всякий служитель церкви, не стесненный, подобно мне, в средствах, должен быть примерным семьянином в своем приходе. Во-вторых, я уверен, что этот шаг сделает мою жизнь еще более счастливой. И, наконец, в-третьих, — хотя, быть может, мне следовало бы упомянуть об этом прежде всего, — я особо руководствуюсь в данном случае советом и пожеланиями весьма благородной леди, которую имею честь называть своей патронессой. Она уже дважды снизошла до того, чтобы высказать (без всякой просьбы с моей стороны!) свои взгляды по этому поводу. И даже в субботу, накануне моего отъезда из Хансфорда, когда миссис Дженкинсон, в перерыве между двумя партиями кадрили, поправляла скамеечку в ногах мисс де Бёр, леди Кэтрин сказала мне: «Мистер Коллинз, вам следует жениться. Служитель церкви вашего склада должен быть женатым человеком. Выбирайте разумно, выбирайте достойную. Учтите мой вкус, считаясь, конечно, и со своим. Пусть это будет порядочная и работающая женщина, не избалованная, а такая, которая способна сводить концы с концами при скромном доходе. Я вам это очень советую. Найдите себе как можно скорее подходящую жену, привезите ее в Хансфорд, и я нанесу ей визит». Я бы хотел, кстати, заметить, моя прелестная кузина, что отнюдь не ставлю внимание и доброту леди Кэтрин де Бёр на последнее место в ряду тех преимуществ, которые я в состоянии предложить вместе с моей рукой. Познакомившись с леди Кэтрин, вы поймете, что я не мог описать вам ее манеры так, как они того заслуживают. И я надеюсь, что ей понравятся свойственные вам живость и остроумие, которые, разумеется, будут должным образом

смягчены сдержанностью и уважением, внушаемыми ее высоким рангом. Вот к чему сводятся общие соображения, которые побуждают меня к женитьбе. Мне остается только сказать — почему именно я обратил свои взоры в сторону Лонгборна, а не окружающих Хансфорд селений, в которых, смею вас уверить, имеется немало приятных молодых леди. Суть дела в том, что после смерти вашего высокочтимого батюшки (да проживет он еще многие лета!) мне предстоит унаследовать его имение. И, дабы успокоить в этом отношении мою щепетильность, я решил сделать своей женой одну из его дочерей. Я бы хотел, чтобы они как можно меньше почувствовали потерю тогда, когда произойдет, увы, столь печальное событие, которое, однако, как я уже говорил, может совершиться еще очень нескоро. Таковы были мои побуждения, прелестная кузина, и я льщу себя надеждой, что они не уронят меня в ваших глазах. Мне остается только уверить вас самым пламенным образом в необыкновенной силе моей привязанности. Я вполне равнодушен к деньгам и не собираюсь предъявлять никаких претензий по этому поводу вашему батюшке, ибо достаточно знаю, сколь мало они могут быть удовлетворены. Я также осведомлен, что одна тысяча фунтов из четырех процентов годовых, и то переходящая к вам только после кончины миссис Беннет, — все, чем вы можете располагать в будущем. По этому поводу я буду нем, как рыба, и вы можете быть уверены, что ни один неблагоприятный упрек вовеки не сорвется с моих уст.

Было совершенно необходимо остановить его как можно скорее.

— Вы торопитесь, сэр! — вскричала Элизабет. — Вы забыли, что я еще ничего не ответила. Разрешите мне это сделать без промедления. Примите, сэр, благодарность за оказанную мне честь. Поверьте, я глубоко сознаю, сколь почетно для меня ваше предложение, но я вынуждена его отклонить.

— О, мне приходилось слышать, — отвечал мистер Коллинз с выразительным жестом, — что молодые леди, когда мужчина впервые просит их составить его счастье, нередко отклоняют предложение, которое в глубине души готовы принять. В некоторых случаях отказ повторяют во второй и даже в третий раз. Поэтому меня ничуть не обескуражили ваши слова, и я искренне надеюсь, что в недалеком будущем я поведу вас к алтарю.

— Однако после моего ответа, сэр, — воскликнула Элизабет, — ваша надежда не кажется обоснованной. Уверяю вас, что я не отношусь к числу молодых женщин (если они вообще существуют), у которых хватает смелости рискнуть своим счастьем, рассчитывая на повторное предложение. Я отвечала вам серьезно. Вы не сможете сделать счастливой меня, и по моему глубокому убеждению, из всех женщин на свете я меньше всех могла бы составить счастье такого человека, как вы. Не сомневаюсь, что если бы меня узнала ваш друг леди Кэтрин, то она ни в коем случае не одобрила бы ваш выбор.

— Неужели леди Кэтрин в самом деле так бы о вас подумала? — проговорил мистер Коллинз с серьезной миной. — Но я не могу себе представить, чтобы вы не понравились ее сиятельству. Можете быть уверены, что, когда я буду иметь честь с ней встретиться, я опишу ей вашу скромность, хозяйственность и прочие положительные качества в самом выгодном свете.

— Увы, мистер Коллинз, похвалы по моему адресу будут тщетными. Позвольте мне самой решать свою судьбу и соблаговолите поверить моим словам. Я желаю вам от души богатства и счастья и, отказываясь выйти за вас замуж, делаю все, что только зависит от меня, чтобы эти пожелания исполнились. Предложив мне руку, вы должны были успокоить свою щепетильность в отношении нашей семьи. И теперь вы сможете вступить во владение Лонгборнским имением, когда оно к вам перейдет, без угрызений совести. Таким образом, вопрос этот можно считать вполне решенным.

С этими словами она уже было хотела покинуть комнату, но мистер Коллинз заговорил опять:

— Когда я буду иметь честь беседовать с вами на ту же тему еще раз, я буду надеяться получить более благоприятный ответ, чем тот, который вы мне дали сейчас. Вместе с тем я далек от того, чтобы обвинить вас в жестокости, хорошо зная, насколько свойственно вашему полу отвергнуть мужчину, когда он делает предложение в первый раз. Быть может, вы даже обнадежили меня ровно в той мере, какую допускает истинная деликатность женской души.

— Вы в самом деле меня озадачили, мистер Коллинз, — с некоторым волнением проговорила Элизабет. — Если мой ответ показался вам обнадеживающим, то я не представляю себе, как мне выразить свой отказ, чтобы он стал для вас убедительным.

— Позвольте мне, кузина, утешить себя мыслью, что вы отклонили мое предложение лишь на словах. Короче говоря, я убежден в этом по следующим причинам. Мне вовсе не кажется, что я недостоин вашей руки или что условия жизни, которые я в состоянии предложить вам, могут вас не устроить. Мне особо благоприятствует мое положение в обществе, связи с семьей де Бёр и родство с вашим семейством. И, несмотря на все ваши достоинства, вы должны понимать, что вам может не представиться нового случая выйти замуж. Незначительность вашего приданого может уничтожить всю притягательную силу вашей красоты и прочих положительных качеств. Поэтому я считаю, что в глубине души вы вовсе не намерены мне отказать. И я склонен объяснить ваш ответ желанием сильнее воспламенить мои чувства посредством свойственного хорошеньким женщинам очаровательного кокетства.

— Уверяю вас, сэр, я совершенно не претендую на успех, которого можно добиться игрой на чувствах серьезного человека. Мне больше хотелось бы, чтобы вы оценили мою искренность. Я еще раз благодарю вас за честь, оказанную мне вашим любезным предложением, но принять его для меня решительно невозможно. Все мои чувства восстают против этого. Могу ли я выразиться яснее? Перестаньте же смотреть на меня, как на увлекающую вас в сети кокетку, и постарайтесь увидеть перед собой разумное существо, говорящее правду от всего сердца!

— Вы просто прелестны! — воскликнул он, проявляя несвоевременную галантность. — И я убежден, что, когда мое предложение будет одобрено вашими высокочтимыми родителями, оно будет вами принято без возражений.

Элизабет поняла, что она совершенно бессильна хоть сколько-нибудь поколебать самоуверенность мистера Коллинза. И она тут же вышла из комнаты, решив, если он и дальше будет принимать ее отказ за обнадеживающие поощрения, обратиться к отцу, который сможет ему ответить достаточно определенно, не опасаясь, что его поведение будет принято за кокетство хорошенькой женщины.

Глава XX

Мистеру Коллинзу не пришлось долго предаваться размышлениям о своих любовных успехах. Исхода переговоров нетерпеливо ожидала в прихожей миссис Беннет. И как только ее дочь, распахнув дверь, пробежала мимо нее, она устремилась к Коллинзу, горячо поздравляя его и себя по поводу того, что между ними в скором времени должно было установиться самое близкое родство. Мистер Коллинз выслушал это пылкое обращение и ответил на него столь же восторженно, а затем пересказал ей подробности состоявшегося объяснения, результатами которого он, как ему казалось, мог быть вполне удовлетворен. В самом деле, упорный отказ его кузины естественно объяснялся ее застенчивостью и деликатностью ее натуры.

У миссис Беннет это сообщение вызвало все же некоторую тревогу. Она охотно признала бы, что Элизабет отвергла сватовство мистера Коллинза, намереваясь еще больше воспламенить его чувства. Однако она не смела этому верить и не смогла скрыть своих опасений от собеседника.

— Но положитесь, мой дорогой, на меня! — воскликнула она. — Уж я-то сумею ее образумить. Сию же минуту поговорю с ней начистоту. Экая упрямая и своенравная девчонка — сама не сознает своего счастья. Но она у меня научится его понимать.

— Простите, сударыня, что я позволю себе вас перебить, — заметил мистер Коллинз. — Но если она в самом деле так упряма и своенравна, то я не уверен, насколько она вообще способна стать подходящей супругой человека моего положения, который, естественно, ищет в брачном союзе благополучия. Поэтому если она будет и дальше отказываться принять мое предложение, вам, быть может, лучше не принуждать ее к этому. Боюсь, что страдая подобными недостатками, она едва ли сможет сделать меня счастливым.

— Ах, сэр, вы поняли меня совершенно превратно, — ответила встревоженная миссис Беннет. — Лиззи бывает упряма только в подобных исключительных случаях. При всех других обстоятельствах — это самое покладистое существо на земле. Я сейчас переговорю с мистером Беннетом и ручаюсь вам, что очень скоро мы все уладим.

Не давая ему времени для ответа, она опрометью бросилась к мужу, заговорив прямо с порога библиотеки.

— О, мистер Беннет, вы должны немедленно прийти мне на помощь! Все мы в полном смятении. Бегите и заставьте Лиззи выйти замуж за мистера Коллинза, так как она не согласна становиться его женой. И если вы не вмешаетесь в это дело сию же минуту, то он может раздумать и не пожелает стать ее мужем.

При ее появлении мистер Беннет оторвался от книги и невозмутимо посмотрел на супругу, ничем не показывая, что он сколько-нибудь обеспокоен ее сообщением.

— К сожалению, моя дорогая, я не имел удовольствия уразуметь смысл ваших слов, — сказал он, когда она замолчала. — О чем это вы толкуете?

— О мистере Коллинзе и Лиззи. Лиззи заявила, что она не хочет выйти замуж за мистера Коллинза, а мистер Коллинз начинает уже говорить, что он не женится на Лиззи.

— И что же при таких обстоятельствах я могу предпринять? Дело выглядит достаточно безнадежным.

— О, вы сами должны поговорить с Лиззи. Потребуйте от нее, чтобы она вышла за него замуж.

— Пусть ее позовут сюда. Я ей выскажу свое мнение.

Миссис Беннет позвонила, и мисс Элизабет была приглашена в библиотеку.

— Подойди ко мне, дитя мое, — произнес отец, когда она вошла. — Я послал за тобой ради важного дела. Насколько я понимаю, мистер Коллинз предложил тебе выйти за него замуж. Верно ли это?

Элизабет ответила утвердительно.

— Очень хорошо. И ты ему отказала?

— Да, сэр.

— Прекрасно. Теперь мы подходим к самому главному. Твоя мать требует, чтобы ты приняла его предложение — не правда ли, миссис Беннет?

— О да. Иначе я больше не хочу ее видеть.

— Итак, моя дочь, ты поставлена перед трагическим выбором. С этой минуты ты лишаешься одного из родителей. Твоя мать не желает видеть тебя, если ты не пойдешь за мистера Коллинза, а я больше никогда на тебя не взгляну, если ты вздумаешь принять его предложение.

Элизабет не могла удержаться от улыбки, услышав подобное заключение разговора, начатого с такой торжественностью. Но миссис Беннет, которая внушила себе, что ее муж смотрит на дело так же, как и она, была в высшей степени раздосадована.

— Что вы имеете в виду, мистер Беннет, рассуждая подобным образом? Разве вы не обещали мне заставить эту девочку выйти за него замуж?

— Дорогая моя, — ответил ее супруг, — у меня к вам две небольшие просьбы. Во-первых, я бы хотел, чтобы вы мне разрешили свободно располагать в данном случае собственным здравым смыслом, а во-вторых — собственной комнатой. Мне было бы очень приятно, если бы библиотека как можно скорее оказалась в моем распоряжении.

Несмотря на то, что миссис Беннет была разочарована своим мужем, она все же не собиралась сдаваться. Снова и снова она заговаривала с Элизабет, то и дело переходя от увещеваний к угрозам. Мать попробовала было найти поддержку у Джейн, но Джейн, с присущей ей мягкостью, отказалась вмешаться. Элизабет отвечала на атаки матери то вполне серьезно, то пытаясь от них отшутиться. Но сколько бы она не меняла характер своих ответов, решение ее оставалось непоколебимым.

Между тем мистер Коллинз обдумывал в одиночестве все, что с ним в это утро произошло. Он был слишком высокого мнения о своей особе, чтобы понять причину, из-за которой кузина не захотела принять его предложение. И хотя его самолюбие несомненно было уязвлено, других огорчений он не испытывал. Его склонность к ней была только воображаемой. И предполагая, что упреки, брошенные матерью в ее адрес, могли быть заслуженными, он едва ли мог о чем-нибудь пожалеть.

Семейство Беннет пребывало в смятении, когда их навестила Шарлот Лукас. В прихожей ее встретила Лидия. Бросившись к гостье, она объявила довольно громким шепотом:

— Хорошо, что ты приехала. У нас тут такое творится! Что бы ты думала случилось сегодня утром? Мистер Коллинз сделал предложение Лиззи, а она ему отказала!

Прежде чем Шарлот успела ответить, в прихожую вбежала Китти, сообщавшая ту же новость. И как только девицы вошли в комнату для завтрака, в которой одиноко восседала хозяйка дома, миссис Беннет снова заговорила на ту же тему, взывая к сочувствию мисс Лукас и умоляя ее повлиять на подругу, чтобы Лиззи уступила, наконец, чаяниям всей семьи.

— Ради бога, дорогая мисс Лукас, сделайте это, — добавила она удрученно. — Здесь меня никто не поддерживает. Я не вижу ни в ком ни малейшего сочувствия, — все ведут себя просто безжалостно. Хоть бы кто-нибудь вспомнил о моих истерзанных нервах!

Ответу Шарлот помешало появление Джейн и Элизабет.

— Вот вам она сама, — продолжала миссис Беннет. — С нее как с гуся вода. Ей и дела нет до всех нас, будто бы мы все живем где-нибудь в Йорке!^[45] Лишь бы ее не трогали! Но я вам вот что скажу, дорогая мисс Лиззи: ежели вы себе вбили в голову, что можете и впредь отказывать всякому жениху, кто бы к вам ни посватался, то вы и вовсе не выйдете замуж! И клянусь вам, мне неизвестно, кто станет о вас заботиться, когда умрет ваш отец. Мне это будет не под силу, запомните. С этого дня я с вами покончила. Больше я с вами не стану разговаривать, помните, я уже это вам сказала в библиотеке. И вы убедитесь, что я сумею сдержать свое слово. Что за удовольствие разговаривать с неблагодарными дочками? И вообще, с какой стати стану я разговаривать с кем бы то ни было? Люди, страдающие расстройством нервов, не очень-то склонны к разговорам. Увы, моих мучений не понимают! Но это такая обычная вещь. Кто сам не пожалуется, не дождется сочувствия.

Дочки слушали эти излияния молча, сознавая, что всякая попытка ее урезонить и успокоить только увеличит степень раздражения матери. Поэтому миссис Беннет продолжала беспрепятственно сетовать на судьбу, пока к ним не присоединился мистер Коллинз, имевший еще более, чем обычно, напыщенный вид. При виде его миссис Беннет сказала девицам:

— А теперь я хочу, чтобы вы, — да, да, вы все, — попридержали языки и позволили нам с мистером Коллинзом хоть немножко поговорить по душам.

Элизабет вышла из комнаты, Джейн и Китти последовали за ней, а Лидия не тронулась с места, решив услышать все, что только будет возможно. Шарлот сначала задержалась, отвечая на любезности мистера Коллинза, который самым подробным образом расспросил обо всех ее родственниках и поинтересовался ее собственным самочувствием. Позже, одолеваемая любопытством, она удовлетворилась тем, что отошла к окну, сделав вид, что оттуда ей ничего не слышно.

Страдальческим голосом миссис Беннет начала подготовленный таким образом разговор словами:

— О, мистер Коллинз!

— Сударыня, — отвечал он, — не будем больше касаться этой темы. Я далек от того, чтобы обидеться на поведение вашей дочери, — продолжал он тоном, в котором все же проскальзывало известное неудовольствие. — Покорность перед неизбежным злом — наш общий долг. Тем более она приличествует молодому человеку, которому, подобно мне, посчастливилось рано выдвинуться в обществе. А потому я заставляю себя покориться. Быть может, правда с тем большей легкостью, что у меня возникло сомнение — нашел ли бы я истинное счастье, если бы прелестная кузина удостоила меня своей руки. Ибо я часто наблюдал, что покорность никогда не бывает столь полной, как тогда, когда благо, которого мы лишились, начинает в нашем представлении терять свою ценность. Надеюсь, сударыня, вы не сочтете, что я проявлю неуважение к вашей семье своим отказом от благосклонности вашей дочери, не затруднив вас и мистера Беннета просьбой употребить ради меня родительскую власть. То, что я счел себя свободным, основываясь на ответе вашей дочери, а не ее родителей, может, я опасаюсь, бросить тень на мое поведение. Но все мы склонны к маленьким слабостям. Во всяком случае, в своих поступках я руководствовался лучшими намерениями. Мне хотелось приобрести приятную спутницу жизни и оказать в то же время услугу вашей семье. И если в чем-то мое поведение все же заслуживает упрека, то я, сударыня, умоляю о снисхождении.

Глава XXI

Волнения по поводу сватовства мистера Коллинза подходили к концу. Элизабет страдала теперь только от оставленного этим событием неприятного осадка и ворчливых замечаний, которые еще иногда высказывала по ее адресу миссис Беннет. Что касается самого джентльмена, то он вовсе не выглядел смущенным или подавленным и даже не избегал общества кузины, обнаруживая свои чувства только особой скованностью движений и негодующим молчанием. Он почти не разговаривал с ней и в течение всего вечера уделял столь высоко ценимое им внимание одной мисс Лукас. И, охотно поддерживая с ним беседу, Шарлот оказала подруге и всей ее семье весьма своевременную услугу.

Следующее утро не улучшило здоровья и настроения миссис Беннет. С физиономии мистера Коллинза по-прежнему не сходило выражение уязвленного самолюбия. Элизабет надеялась, что обида заставит его преждевременно покинуть Лонгборн, но планы гостя не изменились: его отъезд был назначен на субботу, и именно в субботу он намеревался от них уехать.

После завтрака девицы отправились в Меритон, чтобы узнать, вернулся ли уже мистер Уикхем и выразить огорчение по поводу его отсутствия на незерфилдском балу. Он встретил их на окраине города и зашел вместе с ними к миссис Филипс, где его собственная досада и сожаления всех остальных были высказаны достаточно красноречиво. Однако в разговоре с Элизабет он признался, что необходимость его отъезда была преувеличена.

— Когда до бала оставались считанные дни, — сказал он, — я понял, что мне лучше не встречаться с мистером Дарси. Я мог бы не вынести длительного пребывания с ним в одной комнате и в одной компании. А это привело бы к сценам, неприятным не только для меня самого.

Элизабет высоко оценила его благоразумие. Им удалось вдоволь наговориться на эту тему и выразить высокое мнение друг о друге, пока Уикхем и еще один офицер сопровождали девиц до Лонгборна. Во время этой прогулки молодой человек оказывал Элизабет особое внимание. Его готовность следовать за ней до самого ее дома была вдвойне приятна Элизабет: во-первых, она была лестна сама по себе, а во-вторых, создавала удобную возможность представить мистера Уикхема ее родителям.

Вскоре после их возвращения для старшей мисс Беннет принесли письмо из Незерфилда. Оно было тотчас же распечатано. В конверте лежал красивый листок лощеной бумаги, исписанный изящным дамским почерком.

Пока сестра читала письмо, иногда задерживаясь на отдельных фразах, Элизабет видела, как менялось выражение ее лица. Джейн вскоре взяла себя в руки и, отложив письмо, постаралась с обычной веселостью присоединиться к общей беседе. Однако письмо настолько заинтересовало Элизабет, что отвлекло ее внимание даже от Уикхема. Едва Уикхем и его приятель покинули Лонгборн, Джейн взглядом пригласила сестру последовать за ней наверх и, когда они вошли в свою комнату, сказала, снова раскрыв письмо:

— Письмо от Кэролайн Бингли. Я, признаюсь, очень удивлена его содержанием. К этому времени вся их компания уже должна была выехать из Незерфилда и находиться на пути в Лондон. И они не собираются возвращаться. Послушай, что здесь написано.

Она прочла затем первую фразу о том, что сестры мистера Бингли решили последовать за братом в Лондон и намереваются обедать в этот день в доме мистера Хёрста на Гровнор-стрит.^[46] В следовавших далее строчках говорилось: «Не хочу от вас скрывать, моя бесценная подруга, что, покидая Хартфордшир, я не жалею ни о чем, кроме Вашего общества. Но станем надеяться, что когда-нибудь нам доведется еще не раз насладиться восхитительной близостью, подобной той, которая существовала между нами в этих местах. А пока что облегчим боль разлуки самой частой и самой интимной перепиской. В этом отношении я очень на Вас надеюсь». Эти фальшивые и высокопарные фразы Элизабет выслушала равнодушно. И хотя ее удивила внезапность отъезда сестер мистера Бингли, в полученном известии она не нашла ничего особенно огорчительного. Из него вовсе не следовало, что отсутствие мисс Бингли и миссис Хёрст может помешать мистеру Бингли вернуться в Незерфилд. А что касается разлуки с этими молодыми дамами, то Элизабет не сомневалась, что, наслаждаясь обществом брата, Джейн достаточно быстро перестанет замечать отсутствие сестер.

— Разумеется, жаль, что вам не удалось до их отъезда повидаться, — сказала она после короткой паузы. — Но разве мы не можем рассчитывать, что ваша счастливая встреча, о которой мечтает мисс Бингли, произойдет раньше, чем она думает? И что восхитительная близость, пережитая вами, когда вы были подругами, возникнет вновь, став еще более приятной, когда вы будете сестрами? Не удержат ведь они мистера Бингли в Лондоне.

— Кэролайн ясно пишет, что никто из них не вернется в Хартфордшир этой зимой. Позволь я тебе прочту это место.

«Покидая нас вчера, брат воображал, что с делом, вызывавшим его в Лондон, он сможет покончить всего за какие-нибудь три дня. Но мы хорошо знаем, что это не так. Будучи уверенны, что, приехав в город, Чарлз не будет торопиться снова его покинуть, мы решили последовать за ним и избавить его от необходимости проводить часы досуга в неуютной гостинице. Многие из моих знакомых уже съезжаются в город на зиму. Мне бы очень хотелось услышать, что и Вы, моя бесценная подруга, предполагаете оказаться в их числе, но, увы, я не смею на это рассчитывать. Надеюсь от души, что рождество в Хартфордшире принесет Вам все радости, свойственные этому времени года, и что многочисленность ваших кавалеров не даст Вам ощутить потерю тех трех, которых мы вас лишаем».

— Из этих слов очевидно, — добавила Джейн, — что он не приедет обратно этой зимой.

— Из этих слов очевидно лишь, что он не должен приехать по мнению мисс Бингли.

— Но почему ты так думаешь? Тебе, наверно, кажется, что это его собственное дело? Он ведь сам себе хозяин. Но ты еще не знаешь всего. Я прочту тебе то место, которое ранило меня особенно сильно. Мне нечего от тебя скрывать.

«Мистеру Дарси не терпится повидать свою сестру и, откровенно говоря, нам хочется встретиться с ней не меньше, чем ему самому. Я в самом деле не думаю, чтобы кто-нибудь сравнился с Джорджианой Дарси красотой, изяществом и прочими качествами. Но привязанность, которую она своими совершенствами вызывает во мне и Луизе, становится чем-то более значительным, благодаря лелеемой нами надежде, что она станет со временем нашей сестрой. Не помню, говорила ли я Вам раньше об этих мыслях, но мне бы не хотелось покинуть провинцию, не рассказав Вам о них, и я верю, что Вы не поймете их превратно. Мой брат и прежде восхищался мисс Дарси. Теперь же он будет часто иметь возможность встречаться с ней в самой непринужденной обстановке. Все ее родные, как и его, желают этой партии. И, надеясь, что меня не обманывают родственные чувства, я считаю Чарлза вполне способным завоевать любое женское сердце. При всех обстоятельствах, способствующих возникновению такой привязанности, и отсутствии каких-либо помех, разве я не права, моя бесценная Джейн, питая надежду на событие, которое столь многим принесет счастье?»

— Что ты скажешь по поводу этой фразы, Лиззи, дорогая? Разве она недостаточно ясна? — спросила Джейн, складывая письмо. — Разве Кэролайн не заявляет без оков, что она не хочет стать моей сестрой и не считает это возможным? И что, убежденная в безразличии ко мне мистера Бингли и, подозревая, быть может, характер моего чувства к нему, она меня хочет деликатно предостеречь? Можно ли это объяснить по-другому?

— Да, и очень легко. Я, например, смотрю на это совсем не так. Сказать тебе, что я думаю?

— Конечно, скажи.

— Я это могу выразить очень коротко. Мисс Бингли видит, что ее брат влюблен в тебя, но хочет его женить на мисс Дарси. Она следует за ним в Лондон, надеясь, что сможет там его удержать, и старается тебя уверить, что ему нет до тебя дела.

Джейн покачала головой.

— Джейн, милая, ты должна мне поверить! Никто из видевших вас вместе не мог усомниться в его чувствах. В них, конечно, не сомневается мисс Бингли, — для этого у нее хватит ума. Если бы она заметила в мистере Дарси малую толику тех же чувств к собственной особе, она бы уже заказывала подвенечное платье. Суть дела однако заключается в том, что мы для них недостаточно богаты и

родовиты. А мисс Бингли хотела бы женить брата на мисс Дарси еще и потому, что, как она полагает, при одной родственной связи между семьями, ей будет легче добиться второй. План этот в самом деле не лишен остроумия. Пожалуй, он мог бы увенчаться успехом, не будь у нее на пути дочки леди де Бёр. Но ты же не можешь серьезно думать, что, раз мисс Бингли описала тебе, как ее брат восхищается сестрой мистера Дарси, мистер Бингли стал ценить тебя хоть немного меньше, чем когда прощался с тобой после бала во вторник. Или что во власти мисс Бингли внушить ему, что он любит не тебя, а ее дорогую подругу.

— Если бы мы смогли судить о мисс Бингли одинаково, — ответила Джейн, — то твое толкование письма совершенно бы меня успокоило. Но я знаю, что ты исходишь из неверных предположений. Кэрлайн не может нарочно обманывать. И моя единственная надежда заключается в том, что она сама заблуждается.

— Ну вот и отлично. Раз мои объяснения для тебя неприемлемы, ты не могла придумать ничего лучшего. Ради бога, считай, что это ее заблуждение. Ты выполнила свой долг и можешь больше ни о чем не тревожиться.

— Но, Элизабет, дорогая, предположим даже самое лучшее. Буду ли я счастлива, выходя замуж за человека, сестры и друзья которого хотят, чтобы он женился на другой?

— Это дело твое, — сказала Элизабет. — И если, хорошенько подумав, ты считаешь, что счастливое замужество будет значить для тебя меньше, чем неудовольствие его сестер, то я бы тебе советовала ответить ему отказом.

— Как можешь ты так говорить? — сказала Джейн со слабой улыбкой. — Ты же знаешь, что, сколько бы ни огорчало меня их неодобрение, я не поколебалась бы в своем ответе.

— А я в этом не сомневаюсь. Потому я и не могу относиться к твоему горю с большим сочувствием.

— Но если он не возвратится в течение всей зимы, мой ответ, быть может, даже не потребуется. За шесть месяцев могут возникнуть тысячи новых обстоятельств!

Предположение, что мистер Бингли не вернется в Незерфилд, казалось Элизабет совершенно невероятным и представлялось ей вымыслом заинтересованной в этом Кэрлайн. Элизабет ни на минуту не могла допустить, чтобы желание сестры, как бы искусно или настойчиво она его ни высказывала, могло повлиять на брата, располагающего полной самостоятельностью.

Она убеждала Джейн в своей правоте так горячо, что уже вскоре с радостью заметила благоприятное действие своих слов. Джейн от природы не была склонна к унынию, и сестре удалось заронить в ней надежду — правда, робкую и иногда омрачаемую сомнениями, — что Бингли возвратится в Незерфилд и ответит каждому движению ее сердца.

Они решили сказать матери лишь об отъезде сестер мистера Бингли из Незерфилда, ничего не говоря о намерениях самого молодого человека. Но даже эти неполные сведения чрезвычайно расстроили миссис Беннет, которая горько сетовала на роковое стечение обстоятельств, заставившее мисс Бингли и миссис Хёрст уехать как раз тогда, когда ее семья так близко с ними сошлась. Однако, погоревав в течение некоторого времени, она утешилась мыслью о том, что мистер Бингли в скором времени возвратится и приедет обедать в Лонгборн. И успокоившись, она заявила в заключение, что хотя мистер Бингли приглашен всего-навсего на семейный обед, она не преминет позаботиться, чтобы количество блюд в этот день было удвоено.

Беннеты были приглашены пообедать у Лукасов, и мисс Лукас опять была настолько добра, что в течение большей части дня выслушивала излияния мистера Коллинза. Элизабет воспользовалась случаем, чтобы поблагодарить подругу.

— Разговаривая с тобой, он находится в прекрасном расположении духа, — сказала она. — И я очень обязана тебе за эту помощь.

Шарлот заверила ее, что ей приятно оказаться полезной своим друзьям и что этим с лихвой окупается приносимая ею незначительная жертва. Все это было весьма мило с ее стороны. Но великодушие Шарлот простиралось дальше, чем могла себе представить Элизабет. Ни много ни мало, она имела в виду вовсе избавить подругу от угрозы возобновления ухаживаний со стороны мистера Коллинза, обратив их на собственную персону. И дело у нее подвигалось настолько успешно, что когда Шарлот в этот вечер расставалась со своим кавалером, она могла бы почти не сомневаться в достижении цели, не будь срок его пребывания в Хартфордшире таким коротким. Но она недооценила прямолинейности и стремительности его характера, благодаря которым мистер Коллинз на следующее же утро с изумительной ловкостью улизнул из Лонгборна, чтобы поспешить в Лукас Лодж и броситься там к ее ногам. Он постарался выбраться из дома тайком, опасаясь, что, если его уход будет замечен, его намерения, которые он хотел сохранить втайне до того, как они увенчаются успехом, будут преждевременно разгаданы. Ибо, хотя он почти не сомневался в исходе дела (притом не без основания, так как Шарлот его достаточно поощряла), все же после случившегося в нем появилась известная неуверенность. Он был принят, однако, самым лестным для себя образом. Заметив его из верхнего окна, когда он подходил к Лукас Лоджу, мисс Лукас тотчас же выбежала из дома, чтобы как будто невзначай встретиться с ним на садовой дорожке. Едва ли, однако, она осмеливалась предположить, сколько любовного красноречия ожидало ее на месте встречи.

К обоюдному удовлетворению, молодые люди договорились обо всем настолько быстро, насколько это допускали пространные речи мистера Коллинза. Когда они входили в дом, он уже со всей настойчивостью умолял ее назвать день, который сделает его счастливейшим из смертных. И хотя в данную минуту это его желание еще не могло быть удовлетворено, дама вовсе не была склонна отнестись легкомысленно к счастью своего кавалера. Глупость, которой жених был наделен от природы, лишала предсвадебную пору всякого очарования, ради которого невесте захотелось бы сделать ее более продолжительной. И для мисс Лукас, которая согласилась выйти за него замуж только для того, чтобы устроить свою судьбу, было безразлично, когда именно осуществится ее замысел.

Немедленно было испрошено согласие сэра Уильяма и леди Лукас, данное ими с полным восторгом. Положение мистера Коллинза, которое он занимал даже в настоящее время, делало эту партию весьма удачной для их дочери, за которой они могли дать очень небольшое приданое. К тому же ему предстояло так разбогатеть в будущем! Леди Лукас с интересом, гораздо более сильным, чем она испытывала к данному предмету когда-либо раньше, стала прикидывать, сколько лет способен протянуть мистер Беннет, а сэр Уильям весьма убежденно заявил, что, когда мистер Коллинз вступит во владение Лонгборном, он и его жена вполне смогут быть представлены ко двору. Короче говоря, радости всей семьи не было границ. Младшие сестры стали надеяться, что их вывезут в свет на год-два раньше, чем они могли прежде рассчитывать. Братья перестали бояться, что Шарлот умрет старой девой. Сама она казалась достаточно спокойной. Она достигла своей цели и старалась теперь обдумать создавшееся положение. Выводы ее были в основном удовлетворительными. Мистера Коллинза, разумеется, нельзя было считать ни умным, ни симпатичным человеком; общество его было тягостным, а его привязанность к ней — несомненно воображаемой. Но тем не менее ему предстояло стать ее мужем. Несмотря на то, что она была не высокого мнения о браке и о мужчинах вообще, замужество всегда было ее целью. Только оно создавало для небогатой воспитанной женщины достойное общественное положение, в котором,

если ей не суждено было найти свое счастье, она хотя бы находила защиту от нужды. Такую защиту она теперь получала. И в свои двадцать семь лет, лишенная привлекательности, она прекрасно сознавала свою удачу. Самой неприятной стороной помолвки было ожидаемое отношение к ней Элизабет Беннет, чьей дружбой Шарлот особенно дорожила. Новость должна была показаться ее подруге совершенно невероятной и, возможно, вызвать с ее стороны резкое осуждение. И хотя оно не поколебало бы решимости Шарлот, такое осуждение могло причинить ей глубокую душевную рану. Она решила рассказать обо всем подруге сама и потому потребовала от мистера Коллинза, чтобы, вернувшись к обеду в Лонгборн, он ни словом не обмолвился о случившемся. Обещание хранить тайну было дано, разумеется, с полной готовностью. Выполнить его оказалось, однако, нелегко. Долгое отсутствие мистера Коллинза возбудило такое любопытство в семье Беннетов, что по возвращении в Лонгборн, он был подвергнут самому тщательному допросу. Уклончивые ответы потребовали от него некоторой изобретательности и в то же время большой самоотверженности, ибо ему очень хотелось похвастаться перед ними своими любовными успехами.

Так как мистеру Коллинзу предстояло на следующее утро покинуть Лонгборн слишком рано, чтобы перед отъездом повидать кого-нибудь из семьи Беннет, церемония прощания произошла в тот момент, когда дамы должны были отправиться спать. При этом миссис Беннет в самых любезных и сердечных выражениях постаралась убедить его в том, насколько она будет счастлива видеть его в Лонгборне, когда обстоятельства позволят ему снова их навестить.

— Ваше приглашение, сударыня, — отвечал мистер Коллинз, — мне особенно дорого, ибо оно вполне отвечает моим собственным намерениям. А потому вы можете быть уверены, что я воспользуюсь им как только это для меня станет возможным.

Его ответ удивил всех. Мистер Беннет, которому отнюдь не улыбалась возможность быстрого возвращения Коллинза, не замедлил сказать:

— Но не боитесь ли вы, сэр, вызвать этим неодобрение леди Кэтрин? Уж лучше вам немного пренебречь родственными связями, чем рискнуть обидеть свою патронессу.

— О, сэр, я вам чрезвычайно обязан за дружеское предостережение, — отвечал мистер Коллинз. — Но, будьте покойны, — я, разумеется, не предприму столь существенного шага без соизволения ее сиятельства.

— Едва ли вы можете оказаться излишне осторожным. Жертвуйте чем угодно, но только не давайте ей повода для малейшего недовольствия. И если вы увидите, что такой повод может возникнуть из-за нового приезда в Лонгборн, — а это я считаю вполне вероятным, — то спокойно оставайтесь дома. Будьте уверены, что мы ни в коей мере на вас не обидимся.

— Поверьте, дорогой сэр, вы возбудили во мне самую горячую признательность столь исключительным вниманием к моей особе. И знайте, что в скором времени вы получите от вашего покорного слуги письмо с выражением благодарности за этот и все другие знаки внимания, оказанные мне на протяжении моего пребывания в Хартфордшире. Что же касается прелестных кузин, то, хотя мое отсутствие может продлиться не столь долго, чтобы сделать это необходимым, я все же позволю себе пожелать им здоровья и благополучия, не исключая и кузину Элизабет.

Вслед за тем дамы с подобающими церемониями удалились, каждая в равной степени изумленная его намерением вскоре вернуться в Лонгборн. Миссис Беннет хотелось объяснить это тем, что он имеет в виду обратить свое внимание на одну из ее младших дочерей. И ей казалось, что Мэри скорее всего согласилась бы принять его предложение. Мэри оценивала его достоинства значительно выше, чем ее сестры, нередко восхищаясь основательностью его суждений. И не считая его таким же умным, как она сама, она все же полагала, что, последовав ее примеру и занимаясь чтением и самоусовершенствованием, он смог бы стать для нее подходящим спутником.

жизни. Увы, все надежды подобного рода были развеяны уже на следующее утро. Вскоре после завтрака в доме появилась мисс Лукас и, уединившись с Элизабет, сообщила ей о событиях прошедшего дня.

Догадка о том, что мистер Коллинз способен вообразить себя влюбленным в Шарлот, уже как-то приходила Элизабет в голову. Но подруга, по ее мнению, могла поощрять мистера Коллинза не больше, чем она сама. Ее удивление поэтому было так велико, что в первый момент, нарушив все границы приличия, она воскликнула:

— Помолвлена с мистером Коллинзом? Шарлот, дорогая, это немыслимо!

Под действием такого прямого упрека, выдержка, с которой мисс Лукас рассказала ей эту новость, сменилась на один момент выражением растерянности, но восклицание Элизабет не превосходило того, к чему Шарлот заранее подготовилась, и, овладев собой, она спокойно ответила:

— Неужели это так тебя удивляет, дорогая Элайза? Разве тебе кажется невероятным, чтобы мистер Коллинз заслужил благосклонность какой-либо женщины, если он потерпел неудачу с тобой?

Немного успокоившись и взяв себя в руки, Элизабет оказалась способной произнести достаточно уверенно, насколько она счастлива породниться с подругой, а также высказать ей пожелания всяческого благополучия.

— Я вполне представляю себе, что ты сейчас должна чувствовать, — сказала Шарлот. — Ты, вероятно, изумлена, крайне изумлена. Ведь мистер Коллинз еще недавно хотел жениться на тебе. Но когда ты сможешь все хорошенько обдумать, ты, я надеюсь, поймешь, что я поступила разумно. Ты знаешь, насколько я далека от романтики. Мне она всегда была чужда. Я ищу крова над головой. И, обдумав характер мистера Коллинза, его образ жизни и положение в обществе, я пришла к выводу, что для меня надежда прожить с ним счастливую жизнь не уступает надеждам, которыми вправе хвалиться почти все люди при вступлении в брак.

Элизабет тихо ответила: — О да, разумеется, — и, после неловкой паузы, подруги вернулись к остальному обществу. Шарлот пробыла в Лонгборне совсем недолго, и после ее ухода Элизабет смогла поразмыслить над тем, что она услышала. Прошло немало времени, прежде чем она научилась как-то мириться с мыслью об этом браке. Два предложения мистера Коллинза, последовавшие одно за другим на протяжении трех дней, по своей нелепости не шли ни в какое сравнение с тем, что второе его предложение было принято. Ей всегда было ясно, что у ее подруги взгляды на замужество не вполне совпадают с ее собственными. Но она не могла бы предположить, что Шарлот и впрямь решится пожертвовать всеми лучшими чувствами ради мирского благополучия. Ее самая близкая подруга — жена мистера Коллинза! Какая удручающая картина! И боль, вызванная тем, что Шарлот унизила себя подобным образом, так сильно упав в ее мнению, усугублялась мрачной уверенностью в ее печальной судьбе.

Глава XXIII

Элизабет сидела с матерью и сестрами и размышляла об услышанной новости и о том, вправе ли она рассказать о ней своим родным, когда в Лонгборн явился сам сэр Уильям Лукас. Шарлот послала его объявить о ее обручении с родственником семейства Беннет. Украсив речь множеством комплиментов и неоднократно поздравив себя с тем, что их семьям суждено породниться, сэр Уильям сообщил изумленным и недоверчивым слушателям о совершившемся событии. Миссис Беннет излишне самоуверенно и недостаточно вежливо заметила, что он решительно ошибается, а вечно несдержанная и нередко дерзкая Лидия воскликнула:

— Боже мой! Сэр Уильям, как можете вы рассказывать подобную чепуху? Разве вы не знаете, что мистер Коллинз хочет жениться на Лиззи?

Чтобы без раздражения стерпеть подобные выходки, требовалась обходительность истинного придворного. Однако сэр Уильям был настолько хорошо воспитан, что сумел остаться невозмутимым. И, уверяя их в достоверности своего сообщения, он перенес все дерзкие замечания по своему адресу вполне снисходительно.

Элизабет сочла своим долгом помочь ему выйти из неприятного положения и подтвердила его слова, сказав, что она еще раньше обо всем узнала от самой Шарлот. Желая прекратить поток удивленных возгласов матери и младших мисс Беннет, она обратилась к сэру Уильяму с подобающими поздравлениями, которые затем были также от души высказаны ее старшей сестрой. К своим поздравлениям Элизабет присоединила пожелание счастья жениху и невесте, а также несколько фраз о превосходном характере мистера Коллинза и о близости Хансфорда к столице.

Миссис Беннет и в самом деле была так сильно потрясена, что до ухода сэра Уильяма не сказала почти ни слова. Зато как только он ушел, ее чувства тотчас же прорвались наружу. Во-первых, она принялась настаивать на том, что все это совершенно неправдоподобно. Во-вторых, она не сомневалась, что мистера Коллинза обвели вокруг пальца. В-третьих, она была уверена, что этот брак не принесет счастья. И, наконец, в-четвертых, ей было ясно, что помолвка будет нарушена. Из всего этого, естественно, вытекали два следствия. Первое, — что настоящей виновницей всех бед была Элизабет, а второе, — что все с ней обращаются варварски. Обе эти мысли послужили основой для ее высказываний в течение дня. Ее нельзя было умиротворить или утешить. И ее негодование не рассеялось за один день. Прошла неделя, прежде чем она смогла смотреть на Элизабет, не осыпая ее упреками, месяц, прежде чем она стала разговаривать с сэром Уильямом и леди Лукас, не допуская в своей речи колкостей, и только спустя много месяцев она смогла простить Шарлот. Мистер Беннет отнесся к событию много спокойнее. По его словам, оно даже доставило ему известное удовольствие. Особенно его радовало, что в Шарлот Лукас, которую он привык считать разумной девицей, оказалось ума не больше, чем у его жены, и даже меньше, чем у его собственной дочери.

Джейн не могла не признаться, что повторное сватовство мистера Коллинза ее несколько поразило. Но она гораздо меньше говорила о своем удивлении, чем о том, сколько счастья желает она жениху и невесте. Даже Элизабет не смогла ее убедить, что этот брак вряд ли будет счастливым. Китти и Лидии не приходило в голову завидовать мисс Лукас, так как мистер Коллинз был всего-навсего священником. Для них эта помолвка была только одной из новостей, которую следовало распространить по Меритону.

Леди Лукас не могла не торжествовать, в свою очередь получив возможность похвалиться перед соседкой удачным замужеством дочери. И она чаще, чем прежде, навещала Лонгборн, чтобы поделиться своими счастливыми мыслями, хотя злобные взгляды и язвительные замечания хозяйки дома, казалось бы, могли кого угодно сделать несчастным.

Между Элизабет и Шарлот возникла натянутость, заставлявшая их обходить деликатную тему, и Элизабет была убеждена, что они уже никогда не смогут по-прежнему доверять друг другу. Разочаровавшись в подруге, Элизабет почувствовала еще большую привязанность к Джейн, порядочность и душевное благородство которой, несомненно, не изменили бы ей при любых обстоятельствах. День ото дня она все больше тревожилась о счастье сестры. После отъезда Бингли прошла уже целая неделя, а о его возвращении не было ни слуху, ни духу.

Джейн тотчас же ответила на письмо Кэролайн и гадала теперь, когда она может ждать от подруги новых вестей. Обещанное благодарственное письмо от мистера Коллинза было получено во вторник. Оно было адресовано мистеру Беннету и содержало выражение такой глубокой

признательности, которая у обычного человека могла бы возникнуть после пребывания в чужой семье в течение, по крайней мере, целого года. Исполнив свой долг, мистер Коллинз самым восторженным тоном сообщал, что ему посчастливилось приобрести расположение их прелестной соседки мисс Лукас, добавляя при этом, что только ради возможности наслаждаться ее обществом он с такой готовностью принял великодушное приглашение еще раз навестить Лонгборн, куда, если обстоятельства сложатся благоприятно, он прибудет в понедельник через две недели. Ибо, как он добавлял, леди Кэтрин всем сердцем одобряет его предстоящую женитьбу и желает, чтобы бракосочетание состоялось возможно скорее. Это обстоятельство, бесспорно, послужит весьма веским доводом для его дражайшей Шарлот, чтобы приблизить день, который сделает его счастливейшим из смертных.

Возвращение мистера Коллинза в Хартфордшир не могло больше радовать миссис Беннет. Напротив, теперь у нее было не меньше причин к неудовольствию по случаю приезда нежеланного гостя, чем у ее мужа. Намерение Коллинза остановиться не в Лукас Лодже, а в Лонгборне казалось достаточно странным и было сопряжено с множеством неудобств и беспокойств. При плохом самочувствии всегда трудно оказывать гостеприимство кому бы то ни было, а влюбленные молодые люди особенно несносны. Таковы были непрерывные сетования миссис Беннет, разнообразившиеся только вспышками еще большего раздражения по поводу длительного отсутствия мистера Бингли.

Джейн и Элизабет были также встревожены этим обстоятельством. День проходил за днем, не принося от Бингли никаких вестей, если не считать распространившегося по Меритону слуха о том, что он вообще не приедет в Незерфилд в течение всей зимы. Слух этот вызывал у миссис Беннет крайнее возмущение, и она не пропускала случая его опровергнуть, называя его скандальной выдумкой.

Даже Элизабет начала опасаться — не равнодушия мистера Бингли, нет, — но того, как бы его сестрам и вправду не удалось задержать его в Лондоне. Она всячески старалась отогнать от себя эту мысль, столь гибельную для счастья Джейн и подвергающую сомнению стойкость ее избранника. Но мысль эта невольно снова и снова приходила ей в голову. И Элизабет в самом деле стала бояться, что совместные действия его враждебно настроенных сестер и его властного друга, усиленные чарами мисс Дарси и столичными развлечениями, окажутся чересчур сильными для его привязанности.

Что касается самой Джейн, то неизвестность мучила ее, конечно, еще сильнее, чем Элизабет. Но какие бы чувства ей ни приходилось испытывать, она всячески их скрывала, так что тема эта никогда больше не поднималась в разговорах между сестрами. Миссис Беннет, напротив, не отличалась подобной деликатностью, и редкий час проходил без того, чтобы она не заговорила о Бингли, выражая нетерпение по поводу его задержки, или даже требуя, чтобы Джейн подтвердила, как жестоко она будет обманута, если он вообще не вернется. Только безмерная кротость Джейн позволяла ей выносить эти нападки, сохраняя внешнее спокойствие.

Мистер Коллинз возвратился в понедельник, ровно через две недели после своего отъезда. Его приняли далеко не столь радушно, как при его первом появлении в Лонгборне. Однако он настолько был полон своими чувствами, что едва ли нуждался во внимании. Целиком занятый ухаживанием за Шарлот, он, ко всеобщему удовольствию, весьма редко обременял семью Беннет своим обществом. Большую часть дня он проводил в Лукас Лодже и нередко, возвратясь в Лонгборн, едва успевал принести извинения за свое долгое отсутствие, прежде чем все члены семейства расходились по своим спальням.

Миссис Беннет поистине пребывала в самом жалком состоянии. Малейшее упоминание о чем-нибудь, имеющем отношение к женитьбе мистера Коллинза, приводило ее чувства в величайшее расстройство, а вместе с тем, куда бы она ни пошла, всюду только и говорили, что об этой женитьбе.

Самый вид мисс Лукас вызывал в ней отвращение. Достаточно было Шарлот взглянуть в Лонгборн, как бедной миссис Беннет начинало казаться, что она уже предвкушает тот час, когда сделается хозяйкой этого дома. И если Шарлот о чем-нибудь тихо беседовала с Коллинзом, то в воображении миссис Беннет разговор у них неизменно шел об их поместье и о выдворении из него хозяйки вместе со всеми ее дочерьми тотчас же после смерти ее мужа. На все это она горько жаловалась мистеру Беннету.

— Подумайте, мой дорогой, — говорила она, — как тяжело сознавать, что Шарлот Лукас когда-нибудь окажется здесь хозяйкой. А я увижу ее на своем месте и вынуждена буду убраться восвояси.

— Незачем давать волю столь мрачным мыслям, моя дорогая. Давайте лучше думать о чем-нибудь более приятном и позволим себе надеяться на то, что я переживу Коллинза.

Слова эти не успокоили миссис Беннет в достаточной мере, и вместо ответа она снова заговорила на ту же тему.

— Для меня невыносима мысль, что наше имение достанется этим людям. Если бы оно далось им не по праву наследования по мужской линии, я бы еще могла согласиться...

— С чем именно вы могли согласиться?

— Я бы могла согласиться с чем угодно!

— Возблагодарим же небо за то, что вы спасены от подобного состояния полной неопределенности.

— Я, мистер Беннет, никогда не смогу почувствовать благодарность за что-то, имеющее отношение к наследованию по мужской линии. Не могу понять, как только у людей хватает совести отнимать поместье у родных дочерей его владельца. И чтобы это делалось ради какого-то мистера Коллинза! Разве он чем-нибудь этого заслужил?

— Я предоставляю вам ответить на этот вопрос без моей помощи, — сказал мистер Беннет.